

**На
боевом
посту**

БП

4'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Литва: амбиции, оплаченные кровью

Мы — «красные береты»

Пикуль: главы из последнего романа

Фото А. Александрова

**В ГОРОДЕ
СЛОЖНО
НЕ ВСЕГДА**

За нашу Советскую Родину!

на боевом посту

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

4'91

Издается с 1958 г.

Учредитель — МВД СССР

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. АФАНАСЬЕВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН

(ответственный
секретарь),

В. П. ВОРОЖЦОВ,
Ю. В. ДУРНЕВ,
Э. В. КАЛАЧЕВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Н. П. КУЗЬМИН,
В. В. МУРАТОВ,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Н. Н. ПРОКОПЕНКО,
Ю. Л. РАЖЕВ

(зам. главного
редактора),

Л. Л. СМЕРНОВ,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

В. С. ФРОЛОВ,
В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ
ОБЛОЖКИ:

фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Да что в городе — в стране неспокойно. Горожане давно подметили: как польхнет новая горячая точка, так разбухает в местных газетах раздел уголовной хроники. И связь между этими событиями прямая — милицееское подразде-

ление внутренних войск улетело тушить очередной пожар межнациональной розни.

А вернутся ребята на маршруты патрулирования — все сделают, чтобы любимый город спал спокойно. Жаль только, что не все от них зависит...

■ Скоро холода, но и зимой в роте будет свежая зелень — о ремонте теплицы заблаговременно подумали рядовые А. Дарий и А. Диденко.

■ Благодаря заботе рядового Н. Абдулаева свиньи быстро набирают вес.

■ До прихода солдат на обед — считанные минуты. В задумчивости повар ефрейтор В. Швай-

НЕ НАХЛЕБНИКИ, А ХОЗЯЕВА

...ко: ничего не упущено в сервировке столов! ■ Мало собрать урожай с ротного огорода сада, надо еще сохранить его до весны. Поэтому так тщательно перебирают овощи и яблоки рядовые К. Маляр, П. Исаков, С. Сокур.

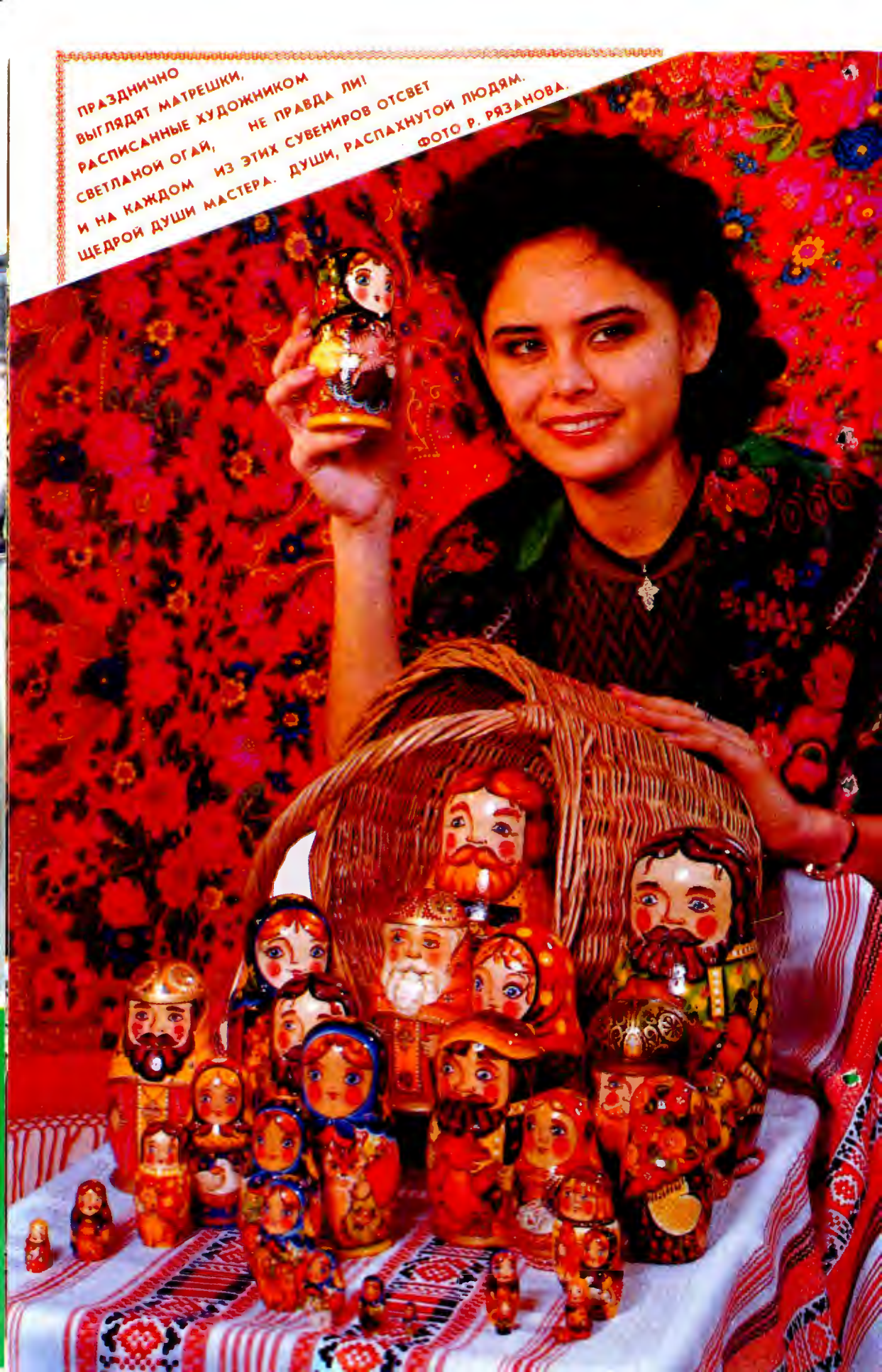
ФОТО

А. АЛЕКСАНДРОВА.

[Информация об этом подсобном хозяйстве — в номере].

ПРАЗДНИЧНО
ВЫГЛЯДЯТ МАТРЕШКИ,
РАСПИСАННЫЕ ХУДОЖНИКОМ
СВЕТЛАНой ОГАЙ, НЕ ПРАВДА ЛИ!
И НА КАЖДОМ ИЗ ЭТИХ СУВЕНИРОВ ОТСВЕТ
ЩЕДРОЙ ДУШИ МАСТЕРА. ДУШИ, РАСПАХНУТОЙ ЛЮДЯМ.
ФОТО Р. РЯЗАНОВА.

СОДЕРЖАНИЕ

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

ГЕРАЩЕНКО В. Зачем хоронят истину? 12

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КОЗЛОВ И. Боль и тревога за «элиту ВВ» 33
ДРОГНЕВ А. А в Вильнюсе назвали «фашистом» 39
Письма читателей 42
КИСЛЫЙ Ю. Вызов (по следам наманганской трагедии) 44

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

БЕРЕЗОВСКИЙ Н., ПУГАЧЕВ В., ЧЕРКАШИН В. Стихи 10
ПИКУЛЬ В. «Барбаросса» (роман-размышление, продолжение) 16
ЧЕЙНИ П. Голубой дракон (роман, окончание) 65

■ ПУБЛИЦИСТИКА

КОСОЛАПОВ Р. Ленинизм: реквием не понадобится 2
ЯСТРЕБА В. «Конвой» — слово военное 49
ДУРНЕВ Ю. Жаркий июнь Новочеркаска («круглый стол» редакции) 52

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие 89
СЕВОДНЯЕВ В. Пора в «школу» (о жизни собачьей: советы специалиста) 93
Рыболовам и охотникам 94
Наша анкета 95
Кроссворд 96

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ ...Распатывают пьедесталы нашей памяти не только осквернители памятников. Волна сокрушений в словесной оболочке гуляет по радиопередачам и телеэкранам, в кино и на подмостках сцены. Я лично называю этот рецидив своеобразной «палатой №6» в нынешнем кураже массовой культуры...

Борис ЛЕОНОВ.
«Беспамятство?!»

■ «В списках пассажиров, вылетающих в ноябре, Лен-форд Дж. Айен не значится. Его фотоснимок никем из сотрудников аэропорта не опознан. Продолжаем изучение данных видеокамер...»

А. ПОДБЕРЕЗКИН, В. ФАРТЫШЕВ.
«Одиннадцатая заповедь Джонса»
(политический детектив).

Журнал
зарегистрирован
в Госкомпечати СССР
25 сентября 1990 года
под № 241.

Адрес редакции:
11250. Москва, Е-250.
Телефоны:
секретариат — 361-82-57.

Отделов:
войсковой жизни — 361-85-23, социально-политических проблем — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы и критики — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, издательства и рекламы (вопросы подписки) — 361-80-97, художественного оформления — 361-85-21, литературных приложений — 361-86-27, бухгалтерии — 361-85-80.

Художественное
оформление
Е. Н. Селиновой,
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. Ю. Гаврилова,
И. Ю. Семибратова.

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 05.02 91г.
Формат бумаги 70×108^{1/8}.
Уч.-изд. л. 13,3.
Усл. печ. л. 8,4 + 1 вкл.
1/4 п. л.
Подписано к печати
16.04.91 г.
Зак. № 593
Цена 90 коп.
Тираж 115 000 экз.

Ордена «Знак Почета»
типография
«Красная звезда»,
123826, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

22 АПРЕЛЯ—ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В. И. ЛЕНИНА

Фрагмент фотографии: Ленин В. И.,
Елизарова А. И. на похоронах Елизаро-
ва М. Т. на Волковом кладбище.
1919 г., 18 марта. Петроград.
Автор снимка Я. Штейнберг.

ЛЕНИНИЗМ: РЕКВИЕМ НЕ ПОНАДОБИТСЯ

ПЕРЕД ВАМИ, возможно, лучший экспонат фотографической Ленинианы. Впервые я увидел этот снимок двадцать лет назад. Помпезно отмечался вековой юбилей Ильича, но его дело было уже доведено до такого состояния, что, оказавшись он чудом среди нас, объектив запечатлел бы именно такое настроение.

Брежневская «команда», добрая половина которой продолжает править и в перестроечной колеснице, использовала многочисленные круглые даты для отвращения масс от нараставших реальных противоречий и проблем. Как раз тогда была пущена в ход едкая шутка: «Включи электрический утюг, и услышишь про Ленина...». Даже клюква в сахаре выпускалась с юбилейной надписью. Эта неумная пропагандистская кампания, следовавшая за хру-

щевой профанацией коммунистической идеи, могла дать только горькие плоды. Лучшие обществоведческие силы вместо того, чтобы разрабатывать модели эффективной организации труда, производства, бытового устройства, мобилизовались на сочинение гимнов в прозе, бесчисленных речей и победных реляций. Построение коммунизма, которое, если судить по печати, осуществлялось в стране, в действительности оборачивалось фикцией. Едва справлялись с намеченными производственными планами, так и не создав за десятилетия ни одной социально-экономической формы, способной выдерживать экзамен на социалистичность и коммунистичность, срастись с образом жизни народа.

И вот эта фотография. Ленин на похоронах старого товарища, мужа своей сестры Анны Ильиничны, Марка Тимофеевича

Елизарова. Ленин, задумавшийся о бренном, неизбежном и вечном. Ленин, как и мы, присутствующие теперь с опущенной головой на похоронах иллюзий...

ХВАЛЯ ИЗВЕСТНОГО человека, часто выражают не собственное мнение, идут на поводу у молвы, а то и следуют «официальным» установкам думать так, а не иначе. Когда видишь повсюду на площадях неудачные памятники Ленину, а в сувенирных отделах магазинов—ряды его безвкусно сработанных изваяний, поневоле возникает обида и протест. Нельзя этим мнимым уважением принижать дорогой образ, бестактно делать его расхожей деталью быта в кричащем отрыве от пламенной сути ленинских идей.

Ленин был непревзойденным мастером в политике, которая, как он считал, всегда там, где миллионы, он не позволял себе и не терпел политиканства. Отсутствие какой бы то ни было личной корысти и полная слитность с интересами рабочего класса, людей труда, безграничное к ним доверие питали уникальный ленинский демократизм. «Масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности. Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции». Эти слова Владимира Ильича и теперь вызывают озноб у всех бюрократов — консервативных и либеральных, застойных и перестроившихся. Но только осуществление выраженных в них принципов поднимет нас на должный уровень народовластия.

В политике, как и в культуре, всегда борются между собой два начала, которые бы назвал началами Моцарта и Сальери. Ленин был живым воплощением моцартизма в революционно-освободительном движении. Для него самоотверженная борьба против бесправия, угнетения и нищеты социальных низов была так же естественна и бесспорна, как биение сердца, дыхание, ток крови в жилах, как вдохновение художника-творца. Его мощный интеллект и гениальная интуиция никогда не отставали от событий, позволяя большевистской партии с успехом использовать выпавшее на ее долю историческое время. Оптимистическое начало смешано в нашей революции с трагическим и не в последнюю очередь потому, что Ленину наследовали деятели сальеристского типа, будь то Троцкий или Сталин, что партии не удалось удержать ленинский уровень мышления и нравственности. Как с бесподобной прозорливостью писал Борис Пастернак:

Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвещьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход.

Нынче модно рассуждать об ошибках Маркса, Энгельса, Ленина, но исходит это, как правило, от людей, весьма поверхностно относящихся к марксизму-ленинизму. О своих ошибках, об ошибках других большевиков Ленин говорил много раз. Но это не основание для отказа от его учения. «Подвергай все сомнению», — повторяют демагогические критики Ленина девиз Маркса, однако при этом не выполняют два неперемennых условия: не сочетают свое сомнение с научной аргументацией и убедительными конструктивными идеями; не подвергают сомнению также собственное сомнение. А без этого невозможно сколько-нибудь плодотворное позитивное творчество.

Вновь и вновь приходится убеждать, что Ленина мы осваиваем пока очень плохо, зачастую доверяясь субъективистским, тенденциозно выдержанным версиям той или другой стороны его наследия.

А это наследие — лучшее в нашем духовном арсенале, все еще ждущее пытливого и систематичного исследователя, который отклонял бы все навязываемые ему конъюнктурные интерпретации, самостоятельно и неуклонно шел к истине. Никакого высокомерия по отношению к гению и никакого подобострастия. Никакого идолопоклонства и никакого зряшного отрицания. Только при соблюдении этих условий Ленин раскроется перед нами таким, каким он действительно был,—максималистом и реалистом, органически сросшимся с делом социализма, противником демагогии и поз, непримиримым к какой бы то ни было элитарности, по-настоящему своим в среде людей, знающих, что такое труд.

ЛЕНИН МЕНЬШЕ всего повинен в том, что ему наследовали плохие ученики. Не пускаясь в отдаленные исторические изыскания, на которые охотников теперь более чем достаточно, сую по собственной трудовой жизни, которую начал в середине 50-х годов. Под водительством Хрущева и Брежнева ни социализма, ни коммунизма мы не строили, но очень много делали либо по части деформации и демонтажа сколоченных революцией структур, либо по части консервирования того, что устарело и отжило свое, но удерживалось в интересах разросшейся бюрократии. Это отнюдь не означает, что я как-то выгораживаю Сталина. Он несет перед народом ответственность за очень многое, в том числе и за то, что «бюро-

кратическое извращение», которое Ленин констатировал как заболевание пролетарского государства, смогло поразить практически все его органы и во многом переродить партию. В то же время горестно сознавать, что уже без Сталина, когда наконец-то появилась возможность демократического возрождения социализма, треть века была потрачена впустую.

Ни Хрущев, ни Брежнев, очевидно, не были марксистами. Марксизм помещался у них, как икона, в переднем углу. Икону восхваляли, выносили по праздникам на всеобщее обозрение, но не более того. Обращение с теорией напоминало манипуляции крыловской Мартышки со своими окулярами: «...То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет. То их понюхает, то их полижет. Очки не действуют никак». Думаю, не случайно некоторые перестройщики, вышедшие из хрущевско-брежневской школы, нынче, вместо того чтобы поступить с очками, как положено, то есть не цеплять их на хвост, а вооружить ими глаза, поступают на мартышкин манер: все выкидывают марксизм, который десятилетиями не применялся как инструмент к действию, причем делают это демонстративно, так, чтоб «только брызги засверкали».

Замена марксизма «мартышкизмом» проявляется не только в нигилистическом отношении к первому, но и в обезьяньем подражании всему, что «там, за бугром». «Мы выпали из мировой цивилизации!» — вопит мещанин и жадно глотает все приносимое западными ветрами — гамбургеры и рок, Самуэльсона и Бжезинского, эротику и смог... Боже, как пахнет! Как чудно шелестят крупные купюры! Когда они есть, можно все купить, даже нравственность, тем более, что в мире коммерции нравственно все, что выгодно. Зачем нужны сложные теории? При деньгах достаточно здравого смысла. Ленин с его заостренностью на интересы угнетенных и эксплуатируемых, с его строгой моралью тут только мешает. Униженные и оскорбленные нуждаются в милосердии, а не в классовой борьбе. Зачем нам утирать чужие слезы? Отстегнем умеренную сумму от собственных щедрот и перестанем терзать свою печень. Взгляд на мир должен быть шире. Как сказала супруга одного посла: «А все-таки я люблю его. Желтого дьявола...». Сердцу не прикажешь. Любовь зла — полюбишь и козла. Особенно, если на нем написано «Made in» за океаном... Так совершается «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм».

Эти закавыченные слова принадлежат Ленину и в последние годы цитируются, пожалуй, чаще других. Зачем это делается? На первый взгляд все представляется благоприветным. Надо раздогматизировать ленинизм, снять с него наслоения сталинизма, вернуться к живым истокам. Но как? Существует мощное давление с целью навязать версию, будто «поздний» Ленин начисто опроверг Ленина «раннего». «Для Ленина было жестоко мучительно сознавать,

— утверждает А. Н. Яковлев, — что Маркс и Энгельс ошиблись в моделировании нетоварного, безрыночного способа производства. Гипотеза не прошла проверку жизнью, «военный коммунизм» был ошибкой, следствием принудительной бестоварной утопии». Такого рода заявления переходят из публикации в публикацию, приобретая как бы аксиоматическое звучание. Но это-то и подозрительно. В затверженных аксиомах всегда таится некое коварство. Они со временем превращаются в нечто вроде нового поколения догм.

ЛЕТ ДВАДЦАТЬ назад мне уже приходилось выступать против спекуляций на упомянутой «коренной перемене», и очень жаль тратить время на возвращение к этому давно решенному вопросу.

Что такое социализм? Это, во-первых, социально-политическое учение, исходящее из интересов трудящегося большинства общества и видящее их осуществление в ассоциациях равных производителей материальных и духовных благ. Это, во-вторых, радикально-демократическое общественное дыхание. Это, в-третьих, социальный строй, предполагающий экономическую и политическую власть трудящихся, образующий, согласно Марксу, товарищеский способ производства. Чем отличаются взгляды Ленина на сей предмет от взглядов Маркса и Энгельса, его собственные взгляды, скажем, 1910—1917 годов от взглядов 1921—1923 годов? Тщательный документальный анализ свидетельствует, что практически ничем. Так в чем же заключена интрига? Она прежде всего в том, что, хотя у Маркса и Энгельса и имеется в общих чертах концепция двух фаз коммунистического общества и переходного периода от капитализма к социализму, ныне усердно замалчиваемая, на долю Ленина в силу изменившихся исторических обстоятельств выпала наибольшая трудность и соответственно заслуга ее разработки.

Если Марксу и Энгельсу довелось наблюдать лишь переход социализма из состояния идеи в состояние общественного движения, то Ленину пришлось направлять его превращение в общественный строй.

«Эта коренная перемена состоит в том, — спокойно поясняет Ленин, — что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на

мирную организационную «культурную» работу». Никаких сенсаций и никаких переворотов в науке. Деловая постановка вопроса. Скромная констатация, которая особенно ценна своей конкретностью и деловитостью. И никаких аргументов в пользу «жестоких мучений»...

Разумеется, я не считаю, что мучений вообще не было. 1922 и 1923 годы полны для занемогшего Ленина по-настоящему трагедийного нарушения связи с соратниками по борьбе. Это относилось не только к Сталину, но и фактически ко всему составу тогдашнего Политбюро ЦК РКП(б). Утратив в марте 1923 года способность говорить и писать, так и не восстановившуюся, Ильич продолжал внимательно следить за политической жизнью, много читал. При его былой уникальной работоспособности и темпераменте революционера вынужденное бездействие и очевидные ошибки тех, кто продолжал работать, доставляли помимо физических страданий, связанных с болезнью, еще и страдания нравственные. В то же время нет никаких данных относительно того, что после Ленин усомнился в верности избранного пути и извернулся в марксизме. Последнее свидетельство тому — его интервью корреспонденту «Манчестер гардиан» А. Рансому, датируемое концом октября — началом ноября 1922 года. «А я, — писал тогда Ленин, — позволяю себе думать по старинке, что после Маркса говорить о какой-нибудь другой, немарксовской политической экономии можно только для одурчения мешан, хотя бы и «высокоцивилизованных» мешан». К этой ленинской «старинке» и теперь стоит прислушаться.

Ссылаются на какие-то мифические диктовки конца 1923 года. Но немота Ленина в этот период совершенно исключает их возможность. На сей счет есть неопровержимые данные, исходящие прежде всего от Н. К. Крупской, и пора перестать верить всякого рода спекуляциям лиц, заинтересованных в оправдании мнением Ленина собственной подмены социализма тем, что им в действительности не является. Такая подмена особенно опасна, «ежели невежда познатней», но на то она и перестройка, чтобы начать наконец следовать правде, а не мнению свыше.

«ГИПОТЕЗА НЕ ПРОШЛА проверку жизнью...». Почему? Закончилась проверка или же прекратилась жизнь?

«...Военный коммунизм» был ошибкой...». Не был! Он был вынужденной временной политикой выживания в условиях начавшейся гражданской войны. Ошибкой был не «военный коммунизм» сам по себе, а попытка сделать его моделью социализма. Эту ошибку допускали многие из окружения Ленина, в частности Троцкий и Бухарин, но не он сам. Откуда это пренебрежение к историческим фактам?

«Для Ленина было жестоко мучительно сознавать...» А. Н. Яковлев, родившийся в 1923 году, не мог быть по причине мла-

денчества свидетелем этого, а если бы и мог, все равно не располагал бы ничем достоверным по причине ильичевой немоты. Между тем высокое положение автора этой выдумки обеспечивало ей «зеленую улицу», превращаясь, по печальной привычке застойных времен, в подобие директивы. Никакого сколько-нибудь стойкого отпора этой лжи не оказывается. Более того, в одном солидном документе, посвященном 120-летию со дня рождения Ленина, утверждается и вовсе нечто несобразное: «Коренное изменение точки зрения на социализм означало, что социалистический строй не представляет собой абсолютного отрицания старого, но с необходимостью должен включать в себя высшие достижения цивилизации». Но это в русском народе называлось: нашел топор под лавкой. Ибо речь идет не о новации, а о позиции, которая традиционна для марксизма. Он произрастает из многослойной толщи мировой культуры и наследует из нее все лучшее и гуманное, способное служить людям труда и делу социального прогресса. «Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? — говорил Ленин К. Цеткин в 1920 году. — Почему нужно преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново? Бессмыслица, сплошная бессмыслица!» Какая же это «коренная перемена» точки зрения на социализм?

Впрочем, мне ясно, куда клонят те, кому очень хочется такой перемены». Они приписывают Ленину идею замены единоукладного ассоциированного социалистического производства смешанной экономикой, узаконения частной собственности на средства производства при социализме. Но освятить именем Ленина этот подлог невозможно. Смешанную экономику он считал атрибутом переходного периода, но не социализма как такового. Не случайно Н. К. Крупская уже после кончины Ильича вела борьбу против бухаринской идеализации изповской действительности, против отождествления ее с социалистическим строем. «Владимир Ильич определил нэп, как капиталистические отношения, которые мы допускаем в нашу хозяйственную жизнь на известных условиях, — отмечала она на XIV съезде РКП(б) 20 декабря 1925 года. — Мы можем допустить капиталистические отношения, потому, что пролетариат завоевал ряд командных высот. В руках пролетариата находятся и законодательство, и пресса, и могущественная организация рабочего класса, и такие командные высоты, как монополия внешней торговли и т. д. Нэп является в сущности капитализмом, допускаемым на известных условиях, капитализмом, который держит на цепи пролетарское государство... Я совершенно согласна, когда говорят, что надо расширить нэп на деревню, потому что в деревне до сих пор еще много пережитков воен-

ного коммунизма. Но надо расширять на деревню именно нэп, т.е. капиталистические отношения, которые ограничиваются и нашим законодательством, и определенной организацией и которые держатся на цепи. А когда у нас толкуют таким образом расширение нэпа на деревню, что нельзя отстаивать интересы батрака, то это называется не нэп, а капиталистические отношения, ничем не ограниченные».

На каких «известных условиях» ныне, в начале 90-х годов, у нас внедряется частная собственность? В руках ли рабочего класса, людей труда, живущих на одну заработную плату, такие командные высоты, как законодательство, пресса, монополия внешней торговли? Способно ли наше теперешнее государство держать на цепи капитализм или же, напротив, «теневой» капитал в союзе с коррумпированной бюрократией и западным капиталом все более опутывает его невидимой сетью корыстной коммерции?

НЕТ, ПОЖАЛУИ, более заезженного публицистами документа, чем последние письма Ленина. Но, как ни странно, основное внимание фокусируют на содержащихся там персональных характеристиках шести деятелей партии, а не на политической сути. Это тем более удивительно, что о ней Ленин заявляет уже в первых словах. Он предлагает предпринять на очередном партсъезде две перемены в нашем политическом строе: увеличение числа членов ЦК, в первую очередь из рабочих от станка; придание законодательного характера решениям Госплана.

Этим предложениям откровенно не повезло. Даже перестроенная XIX Всесоюзная конференция КПСС, целиком посвященная демократизации советской политической системы, явилась лишь своего рода прелюдией введения президентского правления и отстранения партии от власти. По сути ничего не было сделано с точки зрения демократизации внутрипартийной жизни. Что же касается Советов, то наиболее наглядной иллюстрацией происходящего является социальный сдвиг в верхнем эшелоне власти. В состав Съезда народных депутатов СССР в марте 1989 года было избрано 67 процентов управленцев и 21,2 процента рабочих и колхозников при 74 процентах последних в составе населения страны. О совершенно определенной тенденции свидетельствуют выборы народных депутатов РСФСР 1990 года. На этот раз среди них оказалось 78,6 процента управленцев и всего лишь 5,9 процента рабочих и колхозников. Под барабанный бой кампании против бюрократизма, за правовое общенародное государство, мы получили фактически сословные, элитарные представительные органы, качественно отличающиеся от модели, которую предлагал Ленин. Он, как известно, считал, что в составе ВЦИК должно быть не менее 60 про-

центов рабочих и крестьян. Кто доказал, что этот подход неправилен? Существуют ли теперь гарантии самосохранения Советского государства как государства трудящихся?

Если о первом предложении Ленина хоть изредка, но иногда вспоминают, то о придании законодательного характера решениям Госплана вообще молчат. Госплан, похоже, доживает последние дни. Тем самым упраздняется тот самый экономический орган, который, по мысли Ленина, был призван суммировать основные потребности населения и, сопрягая их с производственными возможностями и ресурсами государства, регулировать экономическое развитие страны. Именно в потребностях народа, материальных и духовных, в первую очередь концентрируется его демократическое волеизъявление. Так понимал планово-централизованное начало Ленин. «Я рассматриваю централизм, — подчеркивал он, — как минимум известного обеспечения трудящихся масс. Я за самую широкую автономию местных советских организаций...»

Отход наших плановых органов последних десятилетий от ленинских установок очевиден. Это позволяет сторонникам стихийно-рыночной системы крушить идею плана самым беспощадным образом. Но при этом крушат ведь не рациональное научное планирование (которое, кстати, лучше поставлено не у нас, на его родине, а в развитых капиталистических странах, где умеют заимствовать и использовать все дающее высокий эффект), а его порочную бюрократическую мутацию — планирование «от достигнутого», в рублевых показателях, с постоянной корректировкой плановых документов. Не сделав это различие, мы становимся пленниками нового волюнтаризма, эмоционально подогреваемого печатью и сулящего новые «блага» необеспеченности громадному большинству людей труда, и так едва сводящих концы с концами. Если бы Госплан работал, исходя из научно отслеженных и осмысленных потребностей народа, придание законодательного характера его решениям означало бы включенность в систему подлинного народовластия. То пагубное извращение, которому подвергся этот институт, ставит под вопрос осуществление народной воли вообще.

МЫ ОКАЗАЛИСЬ в парадоксальной ситуации. Фактический запрет на классовый подход, фальшивое его противопоставление ориентации на общечеловеческие ценности сочетается с ростом социально-экономической дифференциации, с расширением пропасти между богатыми и бедными.

Впервые за десятилетия страна ощутила соленый вкус крови и слез в национальных междоусобицах. Тем не менее нам упорно навязывается идея братания бастующих шахтеров с растущим слоем миллионеров.

«Наших современников трудно соблазнить,—говорит А. Н. Яковлев,—перспективой бесклассового общества, полной социальной однородности, а тем более—перспективой преодоления рынка, денег, товарно-денежных отношений, равенства в бедности.

Как оказалось,—продолжает Александр Николаевич,—идеалы бесклассового общества «работают» только на первых этапах революции, когда преодолеваются качественные социальные различия, когда для значительной части рабочего класса появляется возможность выйти из своего прежнего униженного состояния, когда для многих из них открывается путь участия в управлении производством, активного участия в политической жизни общества.

За последние полвека претерпел качественные изменения сам способ восприятия действительности, существенно изменились представления о социальном благе, сущности прогресса. И потому сегодня, когда устранены бывшие классовые различия и антагонизмы, сломаны прежние словесные перегородки и предубеждения, людям трудно понять, почему надо обязательно преодолевать различия между рабочими и крестьянами, почему общество, где не будет ремесленников, мелких торговцев, лучше, чем общество, где они есть».

Почему я выписал такую длинную цитату? Во-первых, потому, что она полна лукавства. Во-вторых, потому, что она нагляднейшим образом демонстрирует полный разрыв с учением Ленина. Подобные слова, очевидно, на ветер не бросают, и я постараюсь их обосновать.

Лукавство состоит в том, что перспектива бесклассового общества и перспектива общества полной социальной однородности подаются автором как синонимы, через запятую, хотя это совершенно различные вещи. Я, например, решительно выступаю за бесклассовое общество, но совершенно не верю в возможность общества полной социальной однородности. Не раз писал об этом в 60—70-х годах и считаю уловкой возврат к тому, что опровергалось много раз.

Белыми нитками пришиты к идее бесклассового общества—очевидно, с целью

ее скомпрометировать—идеи преодоления рынка, денег, товарно-денежных отношений. Это делается, несмотря на то, что против рынка и пр. у нас никто не выступал по крайней мере со второй половины 50-х годов. Нет таких безумцев, которые высказывались бы против насыщенного рынка потребительских товаров. А именно ими, когда народ стонет от дефицита самого необходимого, демагогически изображают тех, кто высказывается совсем против другого — против рынка капиталов и рынка рабочей силы, этих неперемных атрибутов капиталистической экономики.

Теперь о равенстве в бедности. Ни к марксизму, ни к ленинизму, ни к бесклассовому обществу в его научном понимании это клише не имеет отношения. «Под равенством социал-демократы в области политической разумеют равноправие,—писал Ленин,—а в области экономической... уничтожение классов. Об установлении человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты не помышляют».

Отсюда вытекает, что социализм, базирующийся благосостояние граждан на распределении по труду, предполагает как раз неравенство, основанное на неравном вкладе трудящихся в общее достояние. Что же касается равенства в бедности, то оно является нарушением этого принципа и относится к практике «военного коммунизма». Но его сторонников среди нас нет.

«...Устранены бывшие классовые различия и антагонизмы, сломаны прежние словесные перегородки и предубеждения»,—утверждает А. Н. Яковлев, обходя тот факт, что в годы застоя в результате разрастания «теневого» капитала многие из них, наоборот, восстановлены. Наличие в стране 100—140 тысяч миллионеров, из которых лишь 0,6 процента осуществило накопления, не вступая в конфликт с уголовным кодексом, свидетельствует о функционировании уже сложившегося эксплуататорского слоя. Дело не в различиях между рабочими и крестьянами, не в существовании ремесленников и мелких торговцев, а в реанимации антагонистической классовой структуры. Что означает отвлечение от нее внимания со стороны известного политика, фактическое снятие задачи преодоления классовых различий? Не буду церемониться, скажу, что думаю. Это фактическая защита поднимающейся криминальной буржуазии. Если политик ее понимает, он переходит на ее сторону сознательно; если не понимает, он бессознательно некомпетентен. Третьего не дано. А. Н. Яковлев слывет компетентным политиком.

«СОЦИАЛИЗМ ЕСТЬ уничтожение классов»,—не раз говорил Ленин, считая эту формулу одной из важнейших в марксизме. Поговаривают, что так думал донзавский Ленин, а Ленин изповский—де изменил точку зрения. Но это неправда. На Всероссийском съезде тран-

спортных рабочих, состоявшемся через десять дней после окончания X съезда РКП(б), который, как известно, принял историческое решение о замене продразверстки продналогом, Ленин раскритиковал плакат с надписью «Царству рабочих и крестьян не будет конца». «...Когда я прочитал этот странный плакат,—заявил Ильич,—я подумал: а ведь вот относительно каких азбучных и основных вещей существуют у нас недоразумения и неправильное понимание. В самом деле, ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будет социализма, ибо социализм означает уничтожение классов, а пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор остаются разные классы, и, следовательно, не может быть полного социализма». Что сказал бы Ленин, если бы ему преподнесли «перестроечный» кустарный «социализм» еще и с жульнической буржуазией?

Нечестно пользоваться ленинским авторитетом для оправдания антиленинских концепций. Тем, кто это делает, пора, наконец, прямо заявив о своих взглядах, попытаться завоевать у народа не изживенчески-захребетный, а собственный авторитет. Если вы изменили точку зрения на социализм «с точностью наоборот», то так и скажите. Произведет ли новое платье короля на народ желаемое нам впечатление или же он поведет себя как-то иначе, зависит от многих обстоятельств, в том числе не в последнюю очередь от средств массовой информации, которые в наше время способны на чудеса. Наиболее вероятно, что общественным сознанием все еще будут стараться манипулировать кашпировские от политики, науки и публицистики и истина прорвется к массам только после того, как их обжигающе коснутся лишения и нищета. Однако не прорваться она не может. Лучше предвидеть последствия этого прорыва, чем пребывать в эйфории перестроившейся святой простоты...

«Я отношусь к Ленину сверххорошо,—заявил А. Н. Яковлев на встрече в МГУ 12 февраля 1990 года,—если не сказать больше. Человек высочайшей культуры, высочайшей степени ума и в особенности способности к анализу. А главное, что для меня лично является очень высоким в характеристике Ленина, — его умение самому пересматривать позицию, когда того требует жизнь. Это и есть диалектика, это и есть марксизм. Вот что самое достойное в Ленине». В свете этих слов понятно, почему А. Н. Яковлев и другие работники партаппарата выступают против того, чтобы «создавать из тех или иных положений перестройки базу для нового идеологического фундаментализма». Дело тут не только в скромности (теоретический багаж перестройки и в самом деле небогат), а и в том, чтобы теорией не связывать себе ума и рук. Фундаментализм предполагает умение строить, а многие перестройщики мнят себя профессионалами, не будучи строителями. Ведь если отбро-

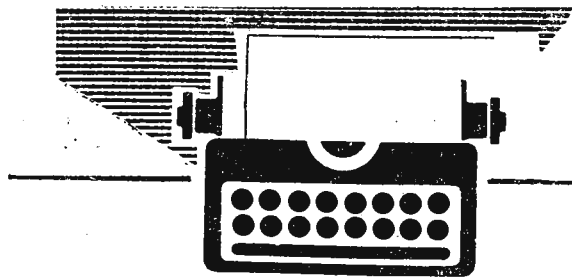
сить в яковлевском отзыве о Ленине «сверххорошие» комплименты, от диалектики и марксизма остается только постоянный пересмотр позиций, увы, без твердых убеждений, без приверженности истине. Это — понимание человеческого познания без абсолютного и достоверного его содержания. Это — оправдание перемены взглядов без особой озабоченности последствиями и ответственности за них. Вряд ли оно совместимо с наукой и нравственностью, органично сочетающимися в себе и абсолютное и относительное, но зато полезно в политическом лавировании, которое серьезной политикой не является, но может принести личный успех. Что ж, сальеризм многолик. Он проявляется и так.

Что пользы в нем? Как некий херувим, Он несколько занес нам песен райских, Чтоб, возмутив бескрылое желание В нас, чадах праха, после улететь! Так улетай же! Чем скорей, тем лучше.

Это напутствие Сальери Моцарту разительно напоминает позицию современного советского мещанства в его отношении к ленинизму. Мещанству очень хочется объявить ленинизм если не сумасшествием, то аномалией, даже признавая глубину и талантливость, даже демонстрируя уважение. Рынок, рынок, рынок... Ширпотреб, идей, моральных принципов, политических партий, гласности, демократии. Такова высшая премудрость, когда фундаментализм истины успешно заменяет фундаментализм твердой валюты, а забвение о страданиях ближнего прощается в результате периодически повторяющихся, формализованных как ритуал покаяний. Довольно просто, цинично, но зато практично.

ИТАК, СКОРБНЫЙ Ленин на фотографии 1919 года, пришедший в год 1991-й. Где он присутствует? На похоронах ленинизма? Ах как хотелось бы многим из тех, кто прошлым годом Первомая учинил бессовестную вакханалию перед святой ильичевой могилой! Но этим похороном не бывать. Ленин и теперь живет всех живых не только потому, что так хочется его нынешним сторонникам, но и потому, что даже отрицание ленинского учения неожиданно для его противников укладывается в русло сделанных им обобщений. Ленинцам сейчас безмерно тяжело, но не потому, что они должны исчезнуть с лица земли, а потому, что болезнен переход от догматической канонизации ленинизма к его творческому применению. В этом все дело, и это надо прочувствовать и осознать. Рано радуются мещане от политики. Реквием не понадобится. Фундаментальные законы истории не позволяют завистливым «чадам праха» изображать себя венцом творения. Победит Моцарт, а не Сальери.

Ричард КОСОЛАПОВ,
доктор философских наук.

СТРАНИЦА
ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА

СТОЯТЬ СОЮЗУ

Небывалое противостояние царило на хануне Всесоюзного референдума. Откровенные призывы голосовать против Союза, разнузданная клевета на Россию, которая якобы является оплотом оккупации, шантаж, угрозы по отношению к тем, кто прямо заявил о своей решимости поддерживать целостность Советского государства, в конце концов выявили истинных сторонников перестройки и ее явных противников, пытающихся на митинговой пене завоевать дешевый авторитет.

Народы сказали свое слово. Сказали даже там, где им всячески препятствовали выразить свое волеизъявление. Свыше 76 процентов за Союз! Достаточно сказать, что целые республики (Казахстан, Туркмения, Узбекистан) были чуть ли не единодушны в этом. 82,7 процента воинов внутренних войск также голосовали «за». В республиках, где не были созданы центральные республиканские комиссии, на участки наших воинских частей пришли 24 307 граждан, подавляющее большинство которых высказалось за Союз.

Будем откровенны: многие из тех, кто сказал «нет», сделали это не потому, что они против Союза. Своим «нет» они выразили свое негативное отношение к пустым прилавкам, разнузданной спекуляции, росту преступности...

Внеочередной съезд народных депутатов РСФСР, завершивший работу 5 апреля с. г., выявил полярные точки зрения, но подавляющим большинством собравшихся высказался за подписание Союзного договора. Не нашло поддержки у съезда и намерение определенной части депутатов «обратиться к Верховному Совету СССР, Президенту СССР, Верховным Советам союзных республик с предложением незамедлительно приступить к формированию коа-

лиционного союзного правительства на родного доверия и межнационального согласия». Пройди это предложение — лицо был бы новый всплеск митинговой демократии, которая, похоже, поставила себе целью свалить премьера Павлова, заодно с ним и конституционно избранного Президента СССР.

И хотя во многих случаях закон на съезде был в самом настоящем цейтноте, что особенно остро проявилось в отказе Генеральному прокурору СССР разрешить открыть уголовное дело в отношении советского миллионера Артема Тарасова, в целом расколоть съезд не удалось. В значительной степени консолидации способствовала твердая позиция депутатов от блока «Коммунисты России», конструктивное обращение к съезду первого секретаря ЦК КП России Ивана Полозкова.

Союзу стоять, но чтобы стоять прочно в этой взрывоопасной обстановке, надо всем нам, независимо от убеждений, взглядов, поддерживать целостность обновляемого Союза. Пора перестать нам объясняться в любви к Отчизне. Нужно ей честно, самоотверженно служить.

Сейчас звучат призывы ознаменовать очередную годовщину со дня рождения В. И. Ленина коммунистическим субботником. Воины внутренних войск всегда выходили в эти дни на улицы, вместе с трудящимися благоустраивали населенные пункты. Но сегодня тысячи наших ребят в горячих точках, где они заслоняют людей от свинца и кинжала.

«Хорошо бы в этот день, — пишет наша читательница, — над головами наших сыновей не звенели пули...»

Хорошо, да и пора, чтобы в стране вообще умолкла перестрелка. Всем нам стало бы легче, свободнее дышать.

СБЕЧИ и цветы. Музыка и запах хвои. Венки, катафалки, а впереди превосходные портреты с траурными лентами. Многотысячная безмолвная масса людей, влажный блеск глаз и бесконечный пунктир теплых, живых огоньков на январском ветру. Мерная поступь похоронной процессии, изящные тела японских видеокамер и ежесекундный лязг фотографических затворов. Не меньше миллиона кадров оставит этот день для Истории. Вдоль маршрута скорби стоит весь Вильнюс. Пронзительная мелодия, «живьем» доносящаяся из середины траурной колонны, стонет и в охрипших от горя и слабых батареек радиоприемниках. Вся Литва слышит эту безрадостную, но торжественную музыку. Да отсохнет рука, которая напишет плохое о мертвых. Они не виноваты в том, что теперь и на литовской земле пролилась кровь...

Это, наверное, простое совпадение, что цены в Литве повысили на православное Рождество. Самая дешевая вареная колба-

ЗАЧЕМ

ВИЛЬНЮС · ЯНВАРЬ

са стала стоить 14 (четырнадцать!) рублей, сливочное масло взлетело до семнадцати с половиной. Шок — нет иного слова, чтобы описать состояние жителей Вильнюса. На следующий день люди пошли к Верховному Совету Литвы. Поляки, русские, но большинство — литовцы. Разве до межнациональных противоречий, если правительство одним махом отбросило за грань нищеты большинство населения республики? Требование отставки Верховного Совета (политика!) базировалось на банальной экономической прозе: жить-то надо. Сложилась классическая революционная ситуация — низы не хотели, поэтому верхи не могли жить по-новому. Начался стихийный штурм законно избранного, но насквозь буржуазного парламента. Несколько десятков человек даже проникли в здание и в нерешительности остановились — что же дальше?

«Найдись толковый организатор, — мечтательно говорил мне житель Вильнюса по имени Витаутас (далее: знакомство не зашло, фамилию он не назвал, и я его

понимаю!), — скажи он, что делать — до крови не дошло бы».

Однако организатора, способного возглавить стихийный протест тысяч людей, не нашлось. Инициативу перехватил председатель Верховного Совета республики. В ход пошел кипятик и... микрофон. Ландсбергис выступил по радио в прямом эфире.

«Если дословно переводить, — рассказывала мне Галина Анатольевна (фамилию просила не называть), — «таупече» по-литовски нация, люди одной национальности. Так вот, Ландсбергис сказал: «Таупече, здесь собрались не таупече, и они выпили, инородцы. Идите все к Верховному Совету, спасайте свое правительство, свой парламент!» Самое страшное, что событиям был придан национальный оттенок, и сделал это Ландсбергис».

Расколотых по социально-экономическому принципу литовцев надо было снова объединить в нерассуждающий монолит, и лучшего средства, чем невинная кровь, для этого пока не придумали...

ХОРОНЯТ ИСТИНУ?

Демократическое государство не позволит, чтобы даже самая независимая газета объявляла инакомыслящих иудами и коллаборационистами. А я собственными глазами видел газету с портретом Болеслава — командира Вильнюсского ОМОНа, — на лбу красным фломастером нарисована звезда. И если «борцы за независимость» не постеснялись разоблачить себя этим страшным документом, легко представить себе, что они могли говорить в эфир, не оставляющий следов, по-литовски, в расчете на единомышленников.

Подстрекательские, провокационные передачи нагнетали напряженность, давали возможность переложить свою вину на кого-то другого. Разве это не беспроигрышная лотерея? Что бы ни случилось, ореол мученика обеспечен, а люди всегда душой на стороне слабого и пострадавшего.

Оружие в солдатских руках — не игрушка, не пугало, а средство самозащиты. И тот, кто посылал людей к телецентру «защищать независимость», обязан знать это. Впрочем, можно делать вид, что советские законы на территории Литвы не действуют. Но у армии, у внутренних войск других законов нет. Если бы глава парламента надеялся отстоять передатчики своего телерадиорупора, пострадали бы боевики (или — служащие) департамента охраны края. Но сценарием этой гениально сре-

жиссированной трагедии, наверное, были предусмотрены невинные жертвы.

По сообщению корреспондента ЭЛТА, сразу после трагедии Ландсбергис объявил, что сумел уговорить заместителя министра внутренних дел СССР Б. Громова не отдавать солдатам внутренних войск приказа стрелять.

Я знаю, на слово генерала можно положиться. Приказ выполнят любой ценой. А на практике это означает, что солдаты в нарушение Закона об обязанностях и правах войск будут лишены права на самозащиту. Ведь такое уже было в январе прошлого года в Баку во время январских погромов. Тогда предписывалось действовать по обстановке, но оружия на службу не брать! Безоружные солдаты не могли остановить погромщиков.

Бойся, печальный опыт может повториться: войска без оружия — хорошая мишень для провокаций. И спросить не с кого — глава парламента не собирается отвечать за эксцессы отдельных лиц, к тому же не состоящих на службе у независимого государства. А если в солдат начинают стрелять из машины, за рулем которой вахтер из здания Верховного Совета, так ведь не Ландсбергис его туда послал...

Еще проблема, порожденная приоритетом приказов над законами. Гораздо легче поднять людей на антиармейскую акцию, когда известно, что солдаты безоружны

или им запрещено стрелять. Знай погибшие, что солдаты вправе применить оружие, они остались бы живы.

Впрочем, вовсе не обязательно добиваться от генерала такого запрета. Достаточно убедить граждан, что солдаты не посмеют выстрелить...

Древние оставили нам в наследство не только тоску по демократии, но и классический подход к преступлениям. Кому выгодно, спрашивали они, и редко ошибались. Для ответа на этот вопрос не надо прибегать к домыслам. Тела погибших еще не были преданы земле, а обозреватель радиостанции «Свобода» уже злорадствовал перед микрофоном: дескать, кровь, пролитая центром в Тбилиси, привела к власти демократическое правительство, погибшие в Вильнюсе — это жертвы, принесенные на алтарь независимости, и они не напрасны.

Вспомним события в Тбилиси. Через два года отчетливо видно, кто выиграл, сделал ход кровавой картой. Тогда здравому смыслу заткнули рот на самом высоком уровне, проигнорировав выводы Главной военной прокуратуры. Не вдаваясь в подробности, т. е. не выяснив уголовный сюжет, комиссия Собчака «дала политическую оценку» действиям войск. Истина утонула в эмоциях.

На сей раз ее утопили в благородных слезах. Торжественные похороны, органи-

зованные теми, кто послал самых честных и искренних на ночную смерть у телецентра, всему миру явили образ скорбящей нации, угнетенной и убиваемой посланцами тоталитарного центра. «Наше дело правое, мы победим, даже если для этого потребуются новые жертвы», — слышалось в рыданиях оркестра. Сотни, тысячи детей стояли на пути процессии, и хотя на панихиде не прозвучало ни одного антирусского призыва («фашисты», «оккупанты») — это только оскорбительные ярлыки, не более, они навсегда запомнят ощущение горя, объединяющего людей сильнее, чем радость.

«День печальный, но Литва жива и, я думаю, она более едина и сильна, чем когда-либо раньше», — сказал Витаутас Ландсбергис, выступая на пленарном заседании Верховного Совета республики в день похорон.

Что, собственно говоря, и требовалось. Кто теперь вспомнит о повышении цен? Кто станет протестовать против нового повышения, если оно будет предпринято во имя «национальной независимости»?

Капитан В. ГЕРАЩЕНКО.

Под охраной — партийная собственность. Военнослужащие внутренних войск изымают незаконно хранящееся оружие. Работы хватает.

Фото автора и О. Смирнова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА ПОДСТУПАХ

За ошибки государственных деятелей
расплачивается вся нация.

Николай БЕРДЯЕВ.

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой.
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной...

Константин СИМОНОВ.

1. ОБСТАНОВКА

Паулюс давно сдал в архив зеленые книжечки ОКХ*, в которых анализировался опыт Красной Армии в боях на озере Хасан, на реке Халхин-Гол и на Карельском перешейке, служившие ему хорошим подспорьем при создании плана «Барбаросса».

— Теперь, — признавал он, — мощь русских проявилась в новых, неожиданных для меня параметрах. Не спрашивайте, почему мои расчеты не дали четкого результата. В планировании войн, как и в медицине, много еще неясного и темного. Даже очень опытный терапевт может неверно определить диагноз болезни. А большая стратегия, как бы ни рассчитывать ее на победу, иногда способна терпеть крупные неудачи...

Неужели настало время, дабы выискивать оправдания?

Германский генштаб продолжал свою океанную работу. Вмонтированный в жесткое сцепление с ОКВ**, он всегда оставался самой верной опорой фюрера. Генералы избегали конфликтов со своим «ефрейтором», а на строптивых Гитлер натягивал железные обручи подчинения. Иногда он подкупал их — денежными подачками, устройством личных дел, умел очаровывать их сердечным доверием. Наверное, я думаю, он был неплохим психологом, если сумел много лет подряд вариться в этом котле и кипятить в нем других...

Мощные германские экспрессы «Нибелунги» с грохотом катили в заснеженную Пруссию, тамошний аэродром в Летцене принимал самолеты с фронта: генералы ехали в «Вольфшанце» — одни, чтобы получить от Гитлера «по мозгам», другие являлись за Рыцарскими крестами с почетным приложением к ним дубовых листьев.

Гитлер не слишком-то уж ценил своих полководцев.

— Где мои генералы, где мои фельдмаршалы? — горестно восклицал он, заламывая руки. — Я не сплю ночей, держусь, как чемпион, на одних допингах, а когда засыпаю под утро, мне снятся громадные оперативные карты. Мои же генералы озабочены недельными отпусками к женам или мечтают о месячном отдыхе на курортах Богемии. У кого из них ни спросишь, у каждого в резерве держится застарелый ишиас или популярный радикулит в области поясничного крестца...

Гитлер отлично понимал: выжидающее поведение Черчилля — это закономерное продолжение «странной войны», потому фюрер без опаски перекачивал из Европы все новые

* ОКХ — командование сухопутных сил Германии.

** ОКВ — верховное командование вооруженных сил Германии.

эшелоны подкрепления для Восточного фронта, вполне уверенный, что Второго фронта еще долго не будет. С первого же дня войны с Россией немцы стали получать по 400 граммов мяса в неделю, с витрин берлинских магазинов исчезли колбасы и ветчина, вместо масла и сыра торговцы выставляли карты Советского Союза, украшенные синими стрелами прорывов. Но с фронта регулярно поступали солдатские посылки, набитые продуктами, громыхали длинные составы с вывозимым в Германию колхозным скотом, — так что немцы на голод не жаловались. Старая немецкая поэзия по этому поводу уже высказалась:

Не стану дурачить газетами вас
И прочей учебной тоскою.
Скажу я: «Народ! Лососины нет,
Так будь же доволен трескою...»

**Валентин
пикуль**

«БАРБАРОССА»
роман-размышление

Но гестапо, никогда не снимавшее руки с пульса народных настроений, уже 4 августа отметило, что в Германии воцарилось уныние: «Высказываются мнения, что кампания (на Востоке) развивается не так, как это можно ожидать на основании сводок... складывается впечатление, что русские располагают громадным количеством вооружения и техники, их сопротивление усиливается». Доклад от 4 сентября гласит: «Граждане рейха высказывают недовольство тем, что военные действия на Восточном фронте сильно затянулись, среди населения много разговоров о потерях. Миллионы немецких женщин опустили траурный флер с полей своих модных шляпок...»

Нервный шок панцер-генералов после появления Т-34 еще не миновал, но вскоре пришло время удивляться и Герингу, считавшему люфтваффе лучшей авиацией в мире. У русских вдруг обнаружился какой-то странный самолет «Ил-2» (Ильюшин), в которого немецкие асы выколачивали весь боезапас, его лупили слева и справа, ловчились дать очередь снизу, долбили

сверху, от этого самолета отлетали громадные куски, но он продолжал лететь как ни в чем не бывало... Маршал авиации Вольфрам фон Рихтгофен, наблюдая за этим чудом, взывал к своим пилотам в эфир:

— Эй, сопляки! Почему вы его не сбили?

Ответ поразил Рихтгофена в самое сердце:

— Этого ежа даже в задницу не укусишь, а со стороны морды с ним лучше не связываться...

Русские наловчились отбиваться от германских танков бутылками с горючей смесью, которую немецкие солдаты прозвали «молотовским коктейлем». Боже, каких только бутылок не летело тогда в немецкие танки — и водочные, и пивные, из-под нарзана и допель-кюммеля, и весь этот крепчайший «коктейль» первое время здорово выручал русских, ибо (как не вспомнить Кулика!) с противотанковой артиллерией у нас было неважно. И уж совсем неожиданно для вермахта однажды что-то провело в ночных небесах и началось... а д: это заработали реактивные «катюши», за их стонущие вопли прозванные немцами «сталинскими органами». Первое впечатление от этих «органов» было таково, что бежали в разные стороны не только немцы, но и наши солдаты, которых — опять-таки ради секретности! — командование не предупредило о появлении нового оружия.

Один немецкий полковник, на себе испытав воздействие этой «музыки», уже в плену, весь в обгорелых ошметках, почти оглохший, полупомешанный, кричал на допросе в нашем штабе:

— Я солдат, и смерти я не боюсь! Можете расстрелять меня. Но я не могу умереть, не увидев прежде это чудовище... Вы сначала покажите мне его, а потом и расстреливайте!

Гитлер, узнав о целой серии этих «новинок» на русском фронте, был отчасти тоже шокирован, а сложный вопрос о массовом производстве зубных щеток в СССР сразу перестал его волновать. В разговоре с Альфредом Йодлем он как-то спросил:

— Интересно, что еще могут изобрести эти варвары?

Йодль ответил фюреру, что, судя по всему, вермахту зимы не миновать, а в арсеналах России издавна затаилось могучее и страшное оружие, способное решать стратегические задачи.

— Не пугайте меня, Йодль, что вы имеете в виду?

— Мой фюрер, это страшилище... валенки.

— Вы шутите, Йодль?

— Шучу. Но мне вспомнилось, что в армии Наполеона уцелели лишь те шутники, которые обзавелись валенками...

Кейтель вмешался в разговор, сказал, что валенок не понадобится, ибо зимой вермахт будет топить печки в московских квартирах, зато страшнее морозов русское бездорожье...

— Грязи обычно там по колено, но иногда и до пояса...

Этот разговор возник неспроста. Вермахт обслуживали 400 000 автомашин, собранных со всех стран Европы, и не все марки были пригодны для русских условий. «Опель-блицы» имели низкую посадку. Созданные для езды по асфальту, в России они садились «на брюхо». «Пежо» еще как-то барахтались в наших проселках, штабные «бенцы» и «мерседесы» буксовали в необозримых лужах, санитарные «магирусы» для вывоза раненых опрокидывались, хорошо проходили только дизельные «бюссинги»... Об этом же заговорил и Паулюс при встрече с генералом Фельгиббелем:

— С транспортом ужасно! Колеса на русском фронте обматывают цепями, а где нет цепей, их обкручивают веревками. Наконец, от шин остаются лохмотья, а где Германия отыщет столько резины? Остается лишь эрзац «буна», но его производство обходится нам дороже, нежели покупка чистого каучука... У тебя, Эрих?

Фельгиббель сказал, что его радиоперехват подтвердился:

— Сталин все-таки прогнал Буденного с Юго-Западного направления, заместив его из «Центра» маршалом Тимошенко.

— Мой зять барон Кутценбах недавно сообщил мне русскую поговорку: что в лоб, что по лбу — одинаково... Эта рокировка Сталину не поможет. — Паулюс огоршил приятеля другой новостью: — Генерал Шоберт, командующий войсками в Крыму, посадил свой «физелер-шторх» прямо на минное поле и разорван в куски. Теперь на штурм Севастополя мы переставляем Манштейна из группы фон Лееба, что бьется под Ленинградом. — Паулюс с улыбкой напомнил Фельгиббелю о своем дне рождения 23 сентября. — Встретимся, как всегда, в старом уютном «Тэпфере». Не забывай, Эрих, что моя Коко всегда любила с тобой танцевать.

— С меня коробка марципанов, — обещал Фельгиббель.

Эрих Фельгиббель был яростным ненавистником Гитлера, но с Паулюсом всегда оставался откровенен, считая его порядочным человеком, и сейчас, рассказав очередную анекдот о фюрере, генерал от радиоперехвата выслушал признание Паулюса.

— Вот! — показал Паулюс на сейф в глубине кабинета. — Я уже заложил туда свой проспект о том, что ожидает вермахт в России. С ним ознакомлен только Франц Гальдер. Но он велел мне спрятать его подалее и никому не показывать... Мой план «Барбаросса» был хорош лишь до того момента, пока армия наступала, совершенствуя методы танковых «ножниц». Но план, мною составленный, учитывал только изначальный и обязательно победный вариант войны, а теперь, когда выяснилось, что блицкриг не выкатил нас на меридиан Архангельск—Астрахань, план «Барбаросса» стал бумажкой, а впереди вермахт ожидает затяжная война...

В это время (или чуть позже) из инспекционной поездки по Восточному фронту вернулся генерал Артур Небе, начальник уголовной полиции, который по долгу

службы был связан с гестапо. Вот именно в гестапо и были зафиксированы его вещие слова: «Мы не только проиграем войну. На сей раз мы потерпим настоящее военное поражение — в этом у меня нет никаких сомнений...» Оба они, и Фельдгиббель, и этот Нёбе, думали одинаково, что спасти Германию сейчас может только одно; если Гитлер найдет отмычки к сердцу Сталина, чтобы с ним примириться. И это даже странно, ибо 7 октября 1941 года Сталин — не постыдившись присутствия Г. К. Жукова — иервно указывал Лаврентию, чтобы его агента нащупала способы установить условия мира с Германией.

Эрих Фельдгиббель и Артур Нёбе будут повешены Гитлером!

...Вермахт уже накатывался на Москву.

При устранении Буденного заодно досталось и работникам Генштаба: «Сталин упрекал нас в том, что мы, как и Буденный, пошли по линии наименьшего сопротивления: вместо того, чтобы бить врага, стремимся уйти от него», — с явной горечью вспоминал об этом времени наш прославленный маршал А. М. Василевский.

Сталин доверял Юго-Западный фронт маршалу Тимошенко, пылкий оптимизм которого ему всегда нравился. Однако немцы уже замкнули Киев в кольцо, а Сталин не разрешил отведения частей, в плен попали многие-многие тысячи («пропали без вести» — так гласила терминология того времени), вся Правобережная Украина осталась под пятой оккупантов, а перед танками Эвальда Клейста открылся широкий стратегический простор... Тимошенко распорядился по своим отступающим войскам — занять жесткую оборону! Между тем, наступление вермахта развивалось. 6-я армия под командованием Рейхенау двигалась, как таран, в авангарде группы фельдмаршала фон Рундштедта. Фронт трещал. 3 октября немецкие войска вступили в Орел. 6-го числа они уже вкатились в Брянск, через два дня Клейст уже развертывал танковые колонны в самом опасном для нас направлении — на Ростов и Таганрог. Именно в эти дни Гитлер, убедившись в успехе на юге, вернулся к давней мысли о продолжении натиска на Москву:

— Не ослабляя движения на Харьков, — предупредил он...

Манштейн уже откатился к югу, чтобы штурмовать Севастополь, но армия фельдмаршала фон Лееба вдруг взяла Шлиссельбург, отсекая Ленинград от страны, и город оказался в кольце блокады. Чтобы спасти Ленинград от гибели и вымирания, срочно формировалась 2-я ударная армия; командовать ею стал некий генерал Г. Г. Соколов, заместитель Берия, последний и выдвинул своего подручного в командующие. Соколов, вскормленный в палаческих застенках своего любезного шефа, сразу издал по армии приказ, который тебе, читатель, советую прочесть:

«Хождение, как ползание мух осенью; этменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, вот им и ходить, ускоренный — полтора аршина, вот так и нажимать. С едой у нас не ладен порядок... На войне порядок такой: завтрак—затемию, перед рассветом, а обед —затемию, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь пожевать—вот и хорошо, а нет —и на том спасибо... Бабами рязанскими не наряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом...»

Прочли? Теперь понятно, каким кретинам доверяли сотни тысяч жизней наших дедов и отцов, и, надеюсь, читателю ясно, какие «полководцы» рождались в тиши кабинетов главного палача русского народа. Впрочем, Сталин любовно пестовал именно эту 2-ю ударную, не раз посылая в нее своих любимцев — Ворошилова, Маленкова и... Мехлиса, который любил стрелять налево и направо (в своих, конечно!). Только под конец 1941 года, когда убедились, что Г. Г. Соколову место в доме для умалишенных, командовать армией прислали генерала Власова, того самого, что тоже ходил в любимцах Сталина. Трагедия 2-й ударной армии известна, и лишь в наше время местные следопыты начали сбор ее костей —для братского захоронения...

Иосиф Виссарионович звонил на фронт маршалу Коневу:

— Товарищ Конев, а почему вы палкой деретесь? Лучше под трибунал и расстрелять человека, но нельзя же его оскорблять.

Иван Степанович Конев потом говорил друзьям:

— Так я же ему не Мехлис, который сначала убьет человека, потом уже приговор подписывает. А я — да, палкой! Искал тут своего особиста. Туда-сюда — нету, пропал. Гляжу, а он в землянке — водку хлещет с бабами. Так что же мне стрелять в него? Схватил дрын и этим дрынком его, а бабы — какая куда...

Осень. Дороги уже развезло. Не знаю, насколько это справедливо, но говорят, что была у нас такая злокозненная теория: не заводить в России хороших дорог, чтобы любой завоеватель застрял в непролазной грязище, утоная до самого пупа в слякоти, и... «сим победиши!» Если же подобная теория и существовала, то авторы ее не учли того, что бездорожье — палка о двух концах: одним концом она бьет по врагу, а другим достается тебе же. Осенью сорок первого мы нахлебались горя со своими дорогами. Грязь — ладно, но грязь такая, что не пройти и не проехать. От этого зависела порой обстановка на фронтах, алчно пожиривших тонны боеприпасов, а бездорожье часто ставило наши войска в бедственное, иногда и в крайнее положение. Может, не сдали бы Орел и Курск, если бы наши грузовики не утонули в грязи... Офицеры тыловой службы доложили Сталину, что пора заводить конные обозы, и он подписал приказ.

— Что тут? — сказал с иронией. — Нужны торбы с овсом? Ладно. Пусть будут и торбы... Двадцатый век — чему удивляться?

Под Москвой появились новые войска: 76 «гужбатальонов».

Честь им и слава! Наверно, прав был Буденный, предрекая:

— А лошадь себя еще покажет...

И показала! Если ее, беднягу, не посылать в атаку против немецких танков, а впрягать в телегу иль в сани, так она, как русская баба, все выдюжит. В битве под Москвою «гужбатальоны» обеспечили фронт, доставив нашим бойцам припасов намного больше, нежели все самолеты и все грузовики...

У нас не было оснований сомневаться в том, что боевая техника Красной Армии скоро будет во многом лучше немецкой. Ошибки были допущены не в конструкторских бюро, а в планировании сроков вооружения, в головоутиятстве тех, кто занимали высокое положение при Сталине. Трагический разрыв между старой техникой и новой преодолевался уже в сорок первом году. Эвакуированные далеко на восток, наши заводы еще не развернули свою мощность, станки будущих цехов иногда выстраивались прямо под открытым небом, и по ночам — при свете луны или при свете прожекторов — давали фронту первый снаряд, первую мину, первую пушку. С востока на фронт уже катились перегруженные эшелоны, и газета «Правда» писала сущую правду: «Они хотели блицкрига — теперь они его и получают!»

Но впереди нас ожидало еще столько бед и страданий, столько пролитых крови и слез... Как мы тогда выстояли?

2. РОММЕЛЬ: НАСТУПАТЬ НАЗАД!

Паулюс, довольно оглядев себя в зеркале, тщательно проверил белизну манжет и вдел в них новые лучезарные запонки, которые получил в этот день в дар от любимой Коко.

— Наш «мерседес» у подъезда, — сказала она.

Усаживаясь в машину возле шофера, Паулюс произнес лишь одно короткое слово: «Тэпфер!» Этот интимный ресторан еще со времен кайзера Вильгельма II считался прибежищем аристократии, и Паулюс до женитьбы не мечтал бывать в нем. Теперь же здесь свободно расположились генералы, влиятельные партайгеноссе и гестаповцы — сыновья мясников, лудильщиков, кастрюль, извозчиков и почталыонов. Среди

таковых Паулюс высмотрел и начальника уголовной полиции третьего рейха — генерала Артура Нёбе.

— Хайль! Я вас давно не видел, Нёбе. — Не удивительно, — отвечал тот. — Я околачивался в России. Кстати, побывал и в вашей шестой армии.

— Как там поживает весельчак Рейхенау?

— Именно в его шестой армии я проинструировал саперов, как надо мастерить виселицы. — Нёбе устал в Паулюса совиные глаза. — На этот раз мы не проиграем войну, — произнес он. — На этот раз мы развеемся с таким треском, который будет услышан даже пингвинами в Антарктиде. Они там пукнут и спляшут фокстрот.

— Кто из вас преувеличивает? — деликатно спросил Паулюс. — Вы сами, Нёбе, или то вино, которое забурлило в вас?

Генерал-уголовник безнадежно махнул рукой:

— Уж вы-то... генеральштеблеры! Кому, как не вам надо бы знать, что даже фельдмаршал Рундштедт считает дальнейшее продвижение в России опасным для вермахта.

— Извещен. Да, его штабы более склонны к обороне...

Адъютант Фельгибеля только к ночи (самолетом) доставил из Риги корзину свежих благоуханных марципанов, которым безумно обрадовались жены гостей. Множество свечей дымно ольпывали над праздничным тортом. В углублении ниши итальянский посол, генерал Альфиери, скромно ужинал с радиокomentатором Гансом Фриче. Паулюс пригласил к вальсу молодую цветущую Шарлотту, которая до замужества с фон Браухичем тоже не мечтала попасть под своды «Тэпфера», где дипломаты сидели в ряд с шарлатанами, а полководцы угощали шампанским мастеров пыточного дела.

— Как я вам благодарна, — шепнула Шарлотта.

— За что, дорогая? — удивился Паулюс. Глаза женщины были наполнены слезами.

— Мой бедный Вальтер опять устроил скандал с фюрером, и об этом стало известно, потому никто не решается говорить с мужем, и никто, кроме вас, не пригласил меня танцевать... Это какой-то ужас! Неужели Вальтеру грозит отставка?

Когда Паулюс, вальсируя, приблизился к нише, занятой Альфиери, посол Муссолини сделал ему знак рукою, что хочет поговорить наедине. Этот разговор состоялся.

— Мы, конечно, благодарны вам, что вы, немцы, учли теплолюбие итальянцев и не отправили их мерзнуть в Карелии, но... Как оправдать наши потери под Кременчугом?

— Не так уж они велики, — отвечал Паулюс.

— Наш народ чересчур экспансивен, и теперь я не знаю, как эти потери на путях к Полтаве отразятся на настроениях Италии, где уже заметно опасное брожение.

Паулюс привел в ответ французскую поговорку:

— На войне как на войне... Кстати, я слышал, что Клейст не всегда находит общий язык с вашим генералом Мессе.

— Возможно, — парировал Альфиери. — Так же и наш Итало Гарibaldi не находит общего языка с вашим задирой Ром-мелем. Французы правы: на войне как на войне. Не потому ли ваше командование отказывает в продовольствии нашим солдатам, ссылаясь на то, что немецкие солдаты кормятся за счет русского населения? Поймите нас, Паулюс, мы ведь следуем во втором эшелоне — следом за вами, и появляемся в районах, где уже нет ни одной курицы — одни только кошки и собаки... Вы знаете такое русское слово «кошкодавы»?

— Впервые слышу. Сейчас справлюсь у зятя, барона Кутченбаха, он знаток русского языка.

— Не надо зятя. Русские прозвали «кошкодавами» прославленных берсальеров, наших заслуженных членов партии... Они побили все рекорды по удушению кошек в Донбассе!

Когда вернулись домой, жена проявила ревнивость:

— О чем ты шептался с Шарлоттой фон Браухич?

— Она скулила...— пояснил Паулюс.— Но я не сказал ей всей правды. Положение се мужа сейчас трудное. Если же Браухич будет удален, тогда покинет ОКХ и мой Франц Гальдер... между ними такая договоренность!

— Кто же виноват в гневе фюрера?

— Русские! Они уже столько насыпали песку в бусы нашего вермахта, что теперь Гитлер явно ищет козла отпущения, чтобы загнать его в пустыню ради искупления собственных грехов.

— Господи, как хорошо, что это тебя не касается. Впрочем, — быстро сообразила Коко, — если Франца Гальдера задвинут за шкаф, то... не ты ли, Фриди, займешь его место?

Паулюс невольно подвинулся женской интуиции.

— Я бы этого не хотел, — честно ответил он. — Обстановка на фронте осложняется, бешенство ефрейтора может коснуться и меня. Стоит русским нажать по сильнее, и... Я очень хочу выспаться, — вдруг сказал Паулюс. — Разве ты сама не видишь, Коко, в каком дурном состоянии я нахожусь все эти дни?..

Елена-Констанца думала, что он жалуется на приступы дизентерии, что мучила его после посещения армии Рейхенау. Но Паулюс встал перед ней, сложив руки по швам, и сказал: «Смотри!» Жена вдруг увидела, что лицо мужа странно дергается. Левая половина лица Паулюса была поражена нервным тиком.

— Если бы не Рейхенау, я бы уже завтра просился у фюрера командовать шестой армией. Цоссен меня погубит, а фронт... фронт меня еще может спасти! Не возражай. Я так чувствую...

3. «ЭХ, ШИРОКА МАТЬ-РОССИЯ...»

...Гитлер отправил под Москву громадный эшелон с вином из Франции, дабы воодушевить войска, но лучше бы это вино во Франции и осталось: когда вагоны открыли, там лежали осколки лопнувших бутылок и комки розового льда — начинались морозы...

Дивизии пополнения прибывали тоже из Франции — в длинных брюках, в шнурованных ботинках, а Ганс Фриче вещал по радио о меховых куртках и солдатских джемперах; Геббельс был честнее, и на пресс-конференции он рассуждал о преимуществе русских портянок перед европейскими носками. Франц Гальдер в ОКХ сумрачно нахваливал русские валенки:

— Фюрер объявил в Германии кампанию по сбору зимних вещей. Уверен, что джемперы и меховые жилетки найдутся, но, скажите, где у наших немцев завалялись лишние валенки?..

В канун генерального наступления на Москву по радио долго переговаривались два фельдмаршала — фон Лееб («Север») и фон Рундштедт («Юг»), а смысл их переговоров был таков, что вермахту пора убираться на старые польские границы, и в этом случае Сталин, возможно, согласится на компромиссные решения:

— Мы откусили гораздо больше, нежели способны проглотить. Все эти дурацкие разговоры о продвижении к Вологде и Ярославлю после взятия Москвы свидетельствуют о хорошем аппетите, но еще никто не подумал о расстройстве пищеварения...

12 ноября Франц Гальдер поездом выехал в Оршу, где расположил свою ставку фельдмаршал фон Бок, войска которого были нацелены точно в московском направлении. Перед гостем из Цоссена фон Бок заговорил совсем иное, нежели говорил ранее:

— Не скрою, что я честолюбив. Я брал Париж, берусь взять и русскую столицу. Вы же меня знаете! Если у меня останется хоть последний велосипед, я буду крутить педали до полного изнурения, пока не свалюсь на панель перед мавзолеем на Красной площади. А потом можете тащить меня в госпиталь.

— Вы хотя бы окружите Москву, — отвечал ему Гальдер, — и постарайтесь вырваться к Ярославлю и Рыбинску...

Все разногласия среди генералов устранялись на совещании в Орше. Явные стремления к обороне чередовались с их острым желанием захватить Москву, чтобы поставить в конце войны жирный восклицательный знак. Фельдмаршал фон Клюге, вечно хмурый и мало общительный, привлекал к себе внимание Орденом Гогенцоллернов, полученным еще за подвиги в эпоху «Вильгельм-цайт».

— Я не смею думать о наступлении с далеко идущими целями,—сказал он, косо поглядывая на ершистого фон Бока. — Наступление грозит обернуться для нас потерей инициативы.

Перед танками уже забрезжило тульское направление.

— Я вошел в страну русских, имея тысячу машин, — сообщил Гудериан, — В ходе боев получил еще полтораста. А на сегодня имею сто сорок роликов... остальные выбиты! Если я врежусь в улицы Тулы, местные фурии закидают меня из окон бутылками с «молотовским коктейлем». Уже известно, что рабочие Тулы поголовно вступили в ополчение, они будут драться на этот раз за свои квартиры и кухни, за свои иконы и самовары, и мы в результате получим второй Верден!

Танковый Эрих Гепнер тоже сомневался в успехе:

— Сейчас не май месяц, а мы не в Европе. Разговоры о выходе на Волгу к автозаводам Горького не стоят теперь и кружки прокишего пива. Я хотел бы знать, когда придет эшелон с теплым бельем? Вчера мы вскрыли прибывший из Германии вагон, но в нем оказались шорты — для Роммеля в Африке. Кто издевается над нами? Интенданты? Или железнодорожники?

— А что у вас под брюками, Гепнер? — разозлился Гальдер.

— Байковые кальсоны. Даже со вшами.

— Так чего же вы тут нам плачетесь?

— Но эти кальсоны я содрал с пленного. А чтобы он не околел, я подарил ему шорты африканского корпуса Роммеля...

Выслушав оправдания снабженцев, Гальдер резюмировал:

— Мне понятны ваши опасения, господа, но в ОКХ не желали бы связывать инициативу фельдмаршала фон Бока, если он чувствует в себе достаточно сил и энергии для развития нашего успеха. На войне (и вы знаете это) существует элемент счастья... Фюрер велел мне передать вам, что успех под Москвою должен повлиять и на внутривнутриполитическое положение в Италии, которым дуче сейчас не мог бы похвалиться. Сразу после падения Москвы можно взяться за освоение германских колоний в Африке...

Они наступали! Браухич, уже дрожащий за свою карьеру, издавала подгонял генералов—вперед, ибо любая задержка в наступлении грозила ему неприятностями от фюрера. Москва стала прифронтовым городом. Рокоссовский вспоминал: «Мы вынуждены были пятииться. За три дня непрерывного боя части армии отошли на 5—8 км». Наши войска оставили Клин и Тверь (Калинин), вермахт с ожесточенным упорством продвигался к столице. Маскхалаты немецких солдат уже замелькали среди деревьев дачных пригородов столицы. Наконец, возле Николиной Горы, где проживал нарком вооружения Д. Ф. Устинов, однажды всю ночь бродили немецкие лыжники-диверсанты. Берия запретил Сталину выезжать на дачу.

— В чем дело? — возмутился тот сначала.

— Ваша дача заминирована на случай... сами понимаете...

21 ноября фон Боку было доложено, что воздушная разведка засекла скопление русских возле Тамбова, замечено активное передвижение воинских эшелонов у Рязани.

— Что это? — удивился Бок. — Или сталинские резервы, или подготовка к эвакуации? Я уже распатал этот зуб. Мне осталось только вырвать его. Он уже неспособен вращаться в десны... Не сегодня, так завтра я буду в Москве!

Первые сомнения в успехе выражали солдаты:

— Наполеон доковылял до Москвы раньше, чем нам удалось доехать на роликах. Вся разница только в том, что этот паршивый корсиканец все-таки выдрхся в поках Кремля, а нам пока предоставлены одни снежные сугробы...

Немцы мерзли. Встретив русского в деревне, они первым делом смотрели, не что он несет в руках, а озирали его ноги. Женщины из подмосковных селений обертывали валенки всяким грязным тряпьем, чтобы немцы их не видели. Если увидят — дело плохо:

— Эй, матка! Мне гут ва-ле-нок... шнель, шнель!

Офицеры вермахта были приучены спокойно оценивать самую паршивую обстановку: «Допустим, у нас дела идут не так, как надо, но ведь у русских-то еще хуже! Не они подошли к Берлину, а мы наблюдаем разрывы зенитных снарядов над московскими крышами...» Наконец, немцы оседлали автостраду Москва—Ленинград, выбрались на пригородное шоссе, где под снежными шапками притихли подмосковные дачи. Их вынесло прямо к автобусной остановке, верстовой указатель показывал, что до Москвы оставалось 38 км. Немцы вынули губные гармошки, стали дурачиться, танцуют.

— Ну где же автобус? — хохотали они. — Почему он опаздывает? Мы въедем в Москву на русском автобусе...

Разведка докладывала фон Боку, что в рядах советской армии отсутствует тяга к отступлению, русские уверены в том, что сумеют отстоять столицу. Звонок от Ключе:

— Я получил приказ для пятнадцатой дивизии! Теперь этой дивизии можно приказывать что угодно, ибо ее больше не существует: в полном составе она отправилась в рай.

Фон Бок соединял себя с Гудерианом.

— Где вы сейчас? — спросил фельдмаршал.

— Сажу в кабинете Льва Толстого, в Ясной Поляне.

— Надеюсь, вы возьмете Тулу?

— Мне было бы легче написать «Войну и мир»...

29 ноября Г. К. Жуков позвонил Сталину с фронта и уверенно сообщил, что противник выдохся, настает момент, когда его можно гнать обратно. Сталин очень эко-

номно использовал резервы. Ставки, которые собрал в условиях строжайшей секретности, и маршалу Шапошникову он сказал, что тратить их в обороне нет смысла:

— Они понадобятся нам для прыжка вперед...

Одновременно с жесткой обороной столицы Красная Армия наносила удары в районе Тихвина и Ростова, чтобы группы фон Лееба и фон Рундштедта не могли оказать поддержку войскам «Центра», собранным под жезлом фельдмаршала фон Бока. В этой обстановке, когда все было накалено до предела, в кабинетах Генштаба даже странно было слышать архивежливые рапорты маршала Шапошникова:

— Я прошу вас, голубчик... Надеюсь, я в вас не ошибся, голубчик... Что же вы, голубчик, подвели меня, старика?

ПРИМЕЧАНИЕ: Когда во главе разведки Генштаба стоял генерал Ф. И. Голиков, на сообщениях Рихарда Зорге из Японии им ставились резолюции: «Провокационная дезинформация!» Теперь Голиков был отстранен, и Рихарду Зорге поверили, когда он предупредил, что сейчас Япония будет занимать выжидательное положение. Потому можно без боязни снимать с Дальнего Востока дивизии, что стояли, выставив штыки, против Мукденской армии. Началась срочная переброска войск на Запад; для перевозки каждая дивизия требовала до сорока составов: эшелоны шли почти вплотную один к другому, и — только по ночам, почему и не были обнаружены германской авиаразведкой. Немцы видели на фронте полураздетых и неподготовленных ополченцев, взятых прямо от станка, и думали, что, если русские посылают в бой рабобочих, значит, они «выдохлись». Однако из глубин Сибири на них уже накатывалась гроза свежих мощных дивизий...

— Измена! — услышали от Гитлера. — Нас предали...

Франц Гальдер в своем дневнике от 30 ноября дописывал аккордную фразу: «Очевидно, в ОКВ не имеют никакого представления о состоянии наших войск и носят ее своими идеями в безвоздушном пространстве». На крики фюрера об измене Гальдер не реагировал, чтобы с этим делом разбирались другие, и в покои «Вольфшанце» уже слёшил адъютант фюрера — Рудольф Шмундт:

— Мой фюрер, где измена? Кто нас предал?

— Рундштедт! Самолет — на заправку. Летим в Полтаву...

В самолете Гитлер уже не сдерживал ярости:

— Кто бы мог подумать? Тимошенко вышиб танки Клейста из Ростова, а Рундштедт отводит войска за реку Миус.

Миус, начинаясь в Донбассе, впадал в Азовское море.

— Ответственный рубеж, — сказал Шмундт.

— Да! Рундштедта сразу арестуем... Вот когда в трибунале его приставят к стенке, тогда он задумается!

Радиостанция самолета передала в Полтаву, что фельдмаршал Гердт фон Рундштедт приказом, отданным под облаками, отставлен от службы. Рундштедт, которому терять уже было нечего, сам же и встречал Гитлера на полтавском аэродроме. Но уже с новым вариантом стратегии:

— Не за Миус! — рявкнул он, когда фюрер появился на трапе самолета. — Не за Миус, а лучше сразу за Днепр отвести наши войска, пока еще не поздно, и убраться в Польшу, где нас так любят...

Гитлер уже протянул пальцы, чтобы рвать с фельдмаршала Рыцарский крест, но Рундштедт, сделав шаг назад, мужественно загородил свои ордена ладонью:

— Э-э. Прошу помнить, что я — аристократ. А для получения пощечин у вас, фюрер, всегда найдутся другие люди, которые не стыдятся доедать за вас картофельные оладьи. Скоро исполняется девятьсот лет, почти тысячелетие, с той поры, как мои предки занимались только военным ремеслом, а это что-нибудь да значит!

Гитлер убедился, что «оппозицией» в ставке Рундштедта и не пахнет: просто старик выбился из сил. Фельдмаршал логично доказывал фюреру, что всякое продвижение невозможно:

— Нужна оперативная пауза, чтобы наложить бинты на свежие раны. Наш отход оправдан тактическими соображениями.

— Но... Клейст, Клейст, Клейст! — изнывал фюрер. — Как он мог позволить себе оставить Ростов?

Геббельс с 21 ноября трубил по радио, что ростовчане встречали танки Клейста цветами. Теперь решили дать сообщение, что Ростов сдали не Красной Армии, а... гражданскому населению. В сводке ОКВ было сказано: «Большевики, возможно, выпустят теперь сообщение, что они обратно отвоёвали Ростов, но об этом не может быть и речи...»

Абсурд немислимый! Но умнее ничего не придумали.

В снегах под Москвою и на юге России складывалась та самая обстановка, когда одни сейчас с грохотом будут рушиться с пьедестала былой власти, а другие взлетят выше...

Среди взлетевших окажется и генерал-лейтенант Паулюс!

4. ПРЕДЕЛ

В конце ноября Паулюса навёстил Фриц Фромм, командующий резервами вермахта, много знавший и немало понимавший:

— Я в прострации! — сказал он. — Фюрер трясет меня, чтобы срочно выискивал новые источники для пополнений. А я уже и так набрал для вермахта всякой сволочи... под мобилизацию попали даже пед-

расты, а теперь думаю, не пора ли выставить из тюрем наших уголовников? Летняя кампания ничего не решила, — заявил Фромм, — а если войну продолжать, от Германии останутся одни дыры.

— Принимайте первитин, — советовал Паулюс. — Говорят, он вреден, но если в меру... от тика я избавился!

Его расстроило письмо Рейхенау, подтверждающее именно то, что сейчас высказал генерал Фромм: «Достигнута та граница, когда тетива лука натянута до предела...» Это письмо Паулюс показал жене, и Елена-Констанция сказала:

— За шестой армией тянется очень дурная слава.

— Где? — не сразу понял ее Паулюс.

— Там, где эта армия воюет... в России!

Боевая слава 6-й армии была как раз очень хорошая, но дурная слава тащилась за Рейхенау, командовавшим этой армией. В вермахте многих коробило от болтовни Рейхенау, у которого получалось так: «я и фюрер, фюрер и я, фюрер сказал, но я добавил... фюрер согласился». Гитлер был извещен о партийном фанфаронстве Рейхенау, но многое извинял ему, видя в нем убежденного национал-социалиста. Паулюс знал, что Рейхенау точно исполнял знаменитый «приказ о комиссарах», расстреливая пленных коммунистов, наконец, буквально на днях (10 октября 1941 года) Рейхенау издал бесчеловечный «Приказ на твердость».

— От тебя, Коко, у меня нет секретов... почти.

Жена прочла лишь одну фразу: «Мой солдат должен вполне отдавать отчет о необходимости сурового, но справедливого искупления грехов низшей расы...»

Елена-Констанция молча вернула мужу листок с приказом.

— Коко, — обиделся Паулюс, — ты молчишь, будто я в чем-то провинился. Не понимаю, отчего испортилось твое настроение? В конце-то концов, — сказал он жене, — шестая армия остается при Рейхенау, а я здесь, я с тобой, любимейшая!

3 декабря Гитлер вызвал в Полтаву верного Рейхенау, вручил ему всю группу армий, которой прежде командовал устранный в отставку Рундшtedт.

— А кому мне сдавать шестую армию?

— Командуя группой южного направления, вы, Рейхенау, остаетесь по-прежнему и командующим шестой армией, от которой я, — сказал Гитлер, — ожидаю невероятных успехов... В этом году, — продолжал он, — я сам вижу это, нам не выбраться к нефтяным вышкам Майкопа, не выйти и к Астрахани. Но я верю, что силы русских уже на исходе... будем же терпеливы! Помните одно, Рейхенау: что бы ни случилось — ни шагу назад!

— Яволь, мой фюрер. Служу великой Германии...

После этого Рейхенау продолжил отступление за реку Миус, начатое Рундшtedтом, о чем и доложил фюреру, вдруг нагрянув

в Полтаву — прямо к обеденному столу. Гитлер как раз уминал пшеничную кашу и запивал ее тыквенным муссом.

— Рейхенау! — заорал он. — Я ведь не за тем дал по шею Рундшtedту, чтобы ты продолжал то, что сделал Рундшtedт... Чей приказ ты исполнил — мой или этого Рундшtedта?

Рейхенау повел себя так, будто ничего не случилось:

— Я отвел войска за Миус, как того желал Рундшtedт, но об этом же мне говорил и мой фюрер.

— Я говорил? — ошалел фюрер. — Когда?

— Когда вы ставили меня на место Рундшtedта...

Гитлер не понимал, кто в этом разговоре очень умный, а кто остался в дураках. Но Рейхенау так преданно смотрел на своего фюрера, что Гитлер стал доедать кашу, заговорив совсем о другом. Гитлер все неудачи под Москвою сваливал на... климат:

— Сначала грязь, потом эти проклятые морозы. Поверьте, таких холодов Россия не знала уже полтора столетия, от стужи там скорчились даже русские. Паровозы замерзли на рельсах, оружие отказывало в стрельбе, танкисты разводили костры под танками, чтобы спасти окоченевшие моторы...

Никто не смел ему возражать (хотя метеосводки показывали температуру нормальной русской зимы, а сильные морозы начались лишь в конце ноября). Все возражающее сопротивление Красной Армии еще не оформилось в четкий порыв контрнаступления, когда германский фронт под Москвою уже начал расползаться, как дрябляк промокашка... 3 декабря фон Клюге связался с фон Бок и почти равнодушно сообщил, что начинает отход.

— Закрепитесь. Надо держаться, — отвечал фон Бок.

— Без резервов не удержимся.

— Резервов нет, — сознался фон Бок. — Правда, на тыловых станциях ждут паровозов отпускники, отъезжающие в Германию. Я пошлю полевую жандармерию, чтобы она гнала их к вам. Ничего не случится, если переспят с женами неделей позже...

Клюге швырнул трубку телефона. Распорядился:

— Продолжайте отход. Мы лучше знаем, что надо. А уж если отпускники вознамерились переспать с женами, так в этом случае никакой жандарм не загонит их обратно в окопы...

Все эти дни фон Бок держал устойчивую связь с ОКХ — Гальдером, Паулюсом, Хойзингером; с их же согласия он 5 декабря принял окончательное решение:

— Атакам пришел конец! Армии занять оборону...

5. В ГОСТЯХ У ЧУЯНОВА

Не хотел удивлять, а—придется...

БАМ, о котором так много шумели в недавние годы, имеет прямое отношение к Сталинградской битве. Правда, до 1941 года он назывался БАМлаг, а из-за всего, что НКВД успело создать на костях «врагов народа», узелела лишь станция Тында, где надобно бы ставить памятник не комсомольцам-добровольцам, а именно им — избитым, голодным, умирающим и пристреленным прямо на шпалах. «Это была страшная сталинская мельница, под жернова которой сплошным потоком сыпались осужденные». Стройка была строжайше засекречена, о ней никто в мире не знал, и нам, читатели, до сей поры неизвестно, сколько десятков (или сотен) тысяч людей там погибли.

Но вот грянула война, и в бухгалтерия НКВД подсчитали — сколько осталось? Выжили только десять тысяч. Рельсы, что были проложены, сняли. И увезли их. Куда? Каторжников запахали в товарные вагоны и тоже повезли. Куда? И увидели они Волгу... Уже осенью началось строительство обводной железной дороги Сталинград—Саратов—Владимирова, «чтобы, — как писал А. С. Чуянов, — обеспечить выход за Волгу». Тогда же и началась жуткая — много слова мне не найти! — прокладка стратегической трассы от Кизляра до Астрахани, дабы перекачивать железнодорожные составы с бакинской нефтью. Раньше поезда с цистернами шли через Ростов, но под Ростовом хозяйничали танки Клейста...

Никто из жителей Сталинграда, ни сам секретарь обкома, ни последний попрошайка на вокзале — никто не знал, что в далеком Цоссене решено: Сталинграду пасть не позже, чем 25 июля 1942 года. Вернувшись вечером домой, Чуянов говорил жене:

— Боже, какие мы нищие! Рельсы черт знает откуда привезли, так шпал нету. Кладут рельсы прямо на землю. Ни лопат, ни тачек — одни конвоиры да лозунги. Привыкли жить, думая, что мы баснословно богаты. А когда нужда приперла, так все аптеки в городе беги — таблетки аспирина не сыщешь. Вот и крутись как знаешь. А виноватых днем с огнем не найдешь. Тем и кончится, что в конце концов я виноват останусь...

Осень в Сталинграде выдалась ранняя, дождливая. В канун битвы под Москвою он звонил во Владивосток приятелю Г. И. Масленникову и был поражен отличной слышимостью.

— У нас тоже пиковое положение, — носилось с берегов Тихого океана. — Живем,

как и флот, в готовности номер один. Сам знаешь, от соседей добра не жди.

Надеясь на сообразительность Масленникова, Чуянов отвечал нарочито легкомысленным тоном:

— А у нас по-старому. Живем, хлеб жуем. Тебе шлют приветы.

— Значит, помнят меня в Сталинграде? А—кто?

— Женщины. С чулочной фабрики Крупской, со швейной имени Восьмого марта. Работаем... телогрейки шьем, когда и ватники. Сам знаешь, что нужно для бойца в первую очередь.

— Толстые ватники, — догадался Масленников.

— По последней моде — сорок пять миллиметров...

Легкие на помине, явились женщины. Целая делегация — как раз с тех фабрик, о которых он помянул. Жаловались на необычную дороговизну продуктов, рынок стал безбожно вздувать цены.

— А у нас дети. Как прокормить? Молока нет. Раньше помидорами свиней кормили, а теперь помидоры на базаре кусаются.

— Дорогие мои, — отвечал Чуянов, — я вам не бог, не царь и не герой. С частниками драться не стану. Это дело их совести. Но вот на колхозную торговлю нажать еще вправе, и потому кое-кому влетит от меня по первое число...

Воронин из НКВД пришел с бумагами. Пользуясь затемнением города, шпана грабила прохожих. Их судила. Воронин сказал:

— А не жалко? Молодые и—под расстрел?

— Сейчас телячьи нежности неуместны, — отрезал Чуянов. — А перевоспитывать некогда. Под расстрел не надо. Гони всех в штрафбат — там немцы их не помилуют...

Звонил из Москвы Ванников, ведающий вооружением:

— Привет. Тут маршал Кулик до меня напортился. Исправлять все на ходу надо. Он, лопух, вместо автоматов спихнул на армию серию винтовок СВТ... Брось один раз на землю — и больше из СВТ уже не выстрелишь. Сейчас необходимо, как воздух, автоматическое оружие... ППШ! Слышал о таком?

— Выезжаю в Москву, на месте все и решим, хотя для моих заводов — дело новое. Но освоим, освоим. Обещаю. Ладно.

В столице Чуянов пробыл недолго, застав Москву как раз в тот период, когда метро уже не работало, среди жителей возникла паника, удиравших на машинах рабочие сворачивали в кювет вместе с машинами, кому-то били морду. На обратном пути в Сталинград секретарь обкома впервые в жизни угодил под бомбежку, а вернувшись, сразу вызвал Воронина:

— Пора отрываться на дворах щела, подвалы очистить под бомбоубежища. Пусть наши бабки не воют — весь хлам из подвалов и чердаков выбросим. Я-то вот в поезде, когда бомбы засвистели, так, на-

роду не стыдятся, под лавку нырнул и кепочкой укрылся...

Новое дело: мука есть, а хлеба нету. Мукомольнями и хлебопекарням не хватает тока. Не дают электроэнергию. Зубанова было не узнать — высох, почернел, вдобавок еще и зубы болят.

— Сталгрэс рвут на части! — простонал он. — Каждый день мучаюсь у шита распределения: кому ток важнее? СТЗ или булочным?

— Танки нужны, как и хлеб.

— О-о-ой, — провыл инженер-энергетик. — Не вой, — сказал Чуянов. — Поезжай в Бекетовку, там есть такая дивная краля — Клавдия Терентьевна Плехова... видел?

— На кой ляд? До баб ли нам тут? Ой... опять схватило!

— Скажи этой красуле, что я велел тебе зубы вырвать. Она дантистка. А потом и думай — что на Т-34, а что на буханки.

Зубанова через день встретил — тот чуть не плачет.

— Больно было? — посочувствовал ему Чуянов.

— Лучше бы ее не видеть! Влюбился, как последний дурак.

— В кого влюбился?

— Да вот в эту... которая зуб вытащила.

— Мое дело сторона. Я тебе не сват. Сам разбирайся...

Были первые дни ноября. Вдруг на СТЗ не стало деталей для танков, которые всегда поставлял Тульский завод. Чуянов подключился на провод, просил обкомовского Жаворонкова.

— А его нету, — отвечали из Тулы. — Он с утра взял автомат и выехал на передовую, чтобы отстреливаться. А у вас какое к нему дело? — Чуянов вкратце объяснил. — Мама дорогая! — удивился туляки. — Да у нас тут Гудериан под самым боком. Вот, погодите, отгоним от Тулы и дадим детали. У вас-то тихо?

— Тихо, — ответил Чуянов...

В день, когда пришло известие, что наши войска оставили Курск, Алексей Семенович выехал на СТЗ, чтобы проследить за отгрузкой танков — для обороны столицы. СТЗ был окружен высоченным забором, вдоль него бегали громадные сторожевые овчарки. Начальник охраны завода предупредил:

— Только ближе не подходите — вмиг разорвут. Объект секретный. Тут один тип хотел поживиться, одни пуговицы остались...

Чуянов испытывать судьбу и не собирался. Слишком уж красноречивы были громадные пасти псов с ощеренными клыками, служившие верной порукой тому, что ни один лазутчик не осмелится сигать сюда через забор. Около полудня Чуянова разыскали в цехах, велели скорее бежать в кабинет директора СТЗ.

— А кому там я понадобился?

— На проводе сам... товарищ Сталин. Чуянова удивило, что Сталин разговаривал спокойно:

— Что за пушки вы там конфисковали в свою пользу? Артуправление в Москве не подтверждает наличие этого эшелона в вашем Сталинграде.

Чуянов ответил, что триста пушек он уже велел переделать в зенитные орудия, нужные для ПВО на переправах через Волгу.

— А разве вас бомбят? — спросил Сталин.

— Нет, товарищ Сталин. Но какие-то самолеты летают.

— Хорошо, — согласился Сталин. — А с нашими ротозеями из Артуправления, забывшими, где посеяли целый эшелон пушек, я разберусь в Москве уже с а м... по-отечески!

Чуянов закончил разговор и перевел дух с таким облегчением, с каким, бывало, в юности сваливал мешок на пристани:

— По-отечески, — сказал он про себя. — Не завидую я теперь всем тем, кому он отцом доведется. Это уж точно...

Утром 7 ноября репродукторы на площади Павших Борцов транслировали из Москвы парад, разнося по всему миру четкий грохот солдатских ног по брусчатке. Прямо с парада войска уходили на передовую, и это как-то окрыляло, а многие женщины даже плакали, услышав по радио звуки марша «Прощание славянки».

Дедушка дома тоже прослезился:

— Давно эфтакрой музыки не слыхивали, все эти тряп-блям да «нас побить-побить хотели»... Минина да Кутузова помянули. Чай, от вашего, яти его мать, интырцанала одни ошметки остались. Чего доброго, и церкву откроют. Хоть помолиться бы нам, православным, перед смертью дозволили.

— Открою, — мрачно ответил Чуянов деду.

В конце ноября Чуянов созвонился с Ростовом, к телефону подошел секретарь Ростовского обкома — Двинский:

— Рейхенау жмет... танки. Боюсь не удержаться.

— Держитесь. Я еще позвоню... завтра! Слышишь?

На следующий день из Ростова звонила уже секретарша:

— Помогите... не знаю, что делать! — кричала она. — Никого уже нет, я одна. А тут такое творится.

— Где Двинский? Дай его... срочно!

— Да все убежали. Одна ведь я! А тут по комнатам немцы шляются. Хохочут. На губных гармошках наши песни играют...

1 января 1942 года в небе над Сталинградом был сбит первый германский бомбардировщик, и Чуянов тогда же сказал: — Тылловая жизнь кончилась — начинаем воевать...

6. ЗА

«ОТМОРОЖЕННОЕ
МЯСО»

Уцелевших в битве под Москвою солдат фюрер награждал почетной медалью «Зимней кампании», которую в вермахте прозвали медалью за «отмороженное мясо». Тогда же уменьшилось и количество желающих пополнить железные ряды национал-социалистической партии, а среди немцев блуждал такой анекдот:

— Ветераны нашей партии, завербовав в партию фюрера пять новых членов, получают законное право выйти из партии. А кто завербовал сразу десять кандидатов в партию, тому в партийной канцелярии Бормана выдают официальную справку о том, что он в рядах нашей партии никогда не состоял...

Я вот думаю: не сам ли Геббельс и придумал этот анекдот?..

16 декабря группу «Центр», размочаленную под Москвою, возглавил фельдмаршал фон Клюге, человек непьющий и некурящий. Затем последовал жесткий приказ из «Волчьего логова»: без личного разрешения фюрера никто не имеет права отвести войска с занимаемой позиции, фронт следует удерживать до последнего патрона, отныне все генералы вермахта должны помнить, что они исполняют личную волю Гитлера...

Это распоряжение не вызвало эйтузнама на фронте.

— Кем же я стал? — ворчал «быстроходный Гейнц», вовремя удравший из-под Тулы с колхозною свиноматкой, которую и съели в ночном лесу при свете костра. — Если я только исполнитель чужой воли, лишенный частной инициативы в оперативных порядках, то я уже не полководец, а жалкий чиновник, обязанный вставать при чтении высочайшего рескрипта.

Эрих Гепнер выразился еще более ярко:

— Хорошенькое дело! Иваны лупят меня по морде, а я потерял право даже убежать. В таких случаях битые не кричат противнику: «Ах, какое счастье, что мы снова встретились!» Боюсь, что фанатичное сопротивление в обороне приведет войска к гибели...

(Об этом приказе Гитлера после войны много говорили на Западе, как о роковой ошибке, которая привела вермахт к потере оперативной эластичности. Но факты свидетельствуют совсем обратное. В условиях зимы 1941—42 годов именно такой приказ Гитлера возымел сильное действие, и советские войска сразу же ощутили сильное противостояние противника.)

В эти дни Герман Геринг, обычно манкировавший визитами в «Вольфшанце», вдруг зачастил в Пруссию, отчаянно интригуя:

— Слабая голова у Гальдера, да и чего можно ожидать от баварца? А какие жидкие мозги в котелке у Браухича!

19 декабря Гитлер произнес такую вот фразу:

— Браухич — трусливый и тщеславный негодяй...

Тут он припомнил ему все: и развод со старой женой, и срочную женитьбу на молоденькой Шарлотте, которая выключила денюжат на строительство виллы. Браухич, держась за сердце, на полусогнутых от унижения ногах, с трудом выполз из кабинета фюрера, сказав Кейтелю:

— Ну, все! Больше не могу. Мне дали под зад.

— Что теперь будет с нами... после Москвы?

— Спросите у него сами, а я поехал в отставку... к Шарлотте. В конце-то концов, этого мне давно следовало ожидать.

Кейтель сунулся было к Гитлеру, но получил свою порцию, в которой слово «кретин» звучало нежною лаской. Иодль застал Кейтеля плачущим над составлением просьбы об отставке. Под локтем же Кейтеля уже лежал заряженный «вальтер».

— Вот допишу... и шлепнусь! — сообщил он Иодлю.

Иодль порвал бумагу, а пистолет его разрядил:

— Хоть вы-то не сходите с ума, Кей-толь...

Дошла очередь и до Гудериана, фюрер не пощадил его:

— Вы, кажется, решили сомневаться в моих распоряжениях? Так вы мне более не нужны. Поезжайте к жене и вместе с нею можете критиковать меня сколько вам влезет. Я не обещаю, что ни на какую вашу критику гестапо реагировать не станет...

Гитлер громил своих генералов с такою же яростью, с какой советские войска трепали его генералов. Большая стратегия таила в себе и большие страсти. 30 декабря немцы сдали Керчь, и в этот же день Гитлер связался с фельдмаршалом фон Клюге.

Телефограмма их разговора уцелела:

— Дальнейшее удержание позиций бессмысленно, я прошу разрешения на отход этой же ночью.

— Отступлению не видно конца, — отвечал Гитлер. — Так можно откатываться до Днепра и Буга, а потом убраться в Польшу, чтобы сажать картошку. Удивлен, почему вы отступаете по всему фронту, если противник по всему фронту не наступает? Кончится все это тем, Клюге, что я дождусь вас на Одере с мешком беженца за плечами. Вводит ли Жуков тяжелую артиллерию?

— Пока нет. Авнация. Танки. Инфантерия.

— Я, наверное, очень отсталый человек, — сказал фюрер. — Но во время моей молодости, я помню, даже десять процентов немцев, оставшихся в живых, продолжали держать оборону.

— Мы еле таскаем ноги, — жаловался ему Клюге. — Вам, мой фюрер, не следует

забывать, что здесь не цветущая Франция и сейчас не пятнадцатый год, а мы уже не так молоды.

Гитлеру все это попросту надоело. Он закончил:

— Клюге, я поздравляю вас с наступающим Новым годом...

Фридрих Паулюс отмечал Новый год в кругу семьи.

— Полная смена караула! — сообщил он жене. — После Браухича хотел уйти и мой Франц Гальдер, но Браухич, прежде чем хлопнуть дверью, уговорил его не покидать ОКХ, чтобы не потерялась главная нить прежнего руководства вермахта.

— Зачем такая перестановка понадобилась фюреру?

— Не знаю. Пока еще не знаю. Но... догадываюсь. Барон, — велел Паулюс зятю, — включите радиоприемник.

Совместно они прослушали по радио новогоднюю речь Геббельса и, конечно, обратили внимание на его фразу, проскочившую в тексте как бы между прочим: «Теперь уже никто не знает, когда и как завершится эта война...» Паулюс вяло улыбнулся:

— Где же ему знать, если даже мы, опытные генеральштеблеры, сами уже не увидим конца всей этой восточной кампании...

Эта же речь, уже переведенная на русский язык, скоро лежала на столе перед Сталиным, и он остался доволен.

— Вот! — сказал Сталин. — Именно эта фраза Геббельса еще раз убеждает всех нас в том, что мы, завершив разгром немцев под Москвою, теперь способны развить первоначальный успех по уничтожению завравшегося врага, чтобы в этом же сорок втором году окончательно изгнать оккупантов с территории нашей любимой родины...

Паулюса в Цессене снова навещил генерал Фромм, который, как и следовало ожидать, завел речь о резервах вермахта.

— Я в простратии! — опять начал он. — У меня подготовлено для фронта лишь тридцать три тысячи человек, а некомплект дивизий на русском фронте составляет уже триста сорок тысяч. Группы «Центр» и «Север» скоро будут иметь лишь около тридцати процентов от числа их первоначальной мощи, с какой они вступили в войну с большевиками.

Паулюс был уже достаточно осведомлен в этих вопросах.

— Кстати! — припомнил он. — Это хорошо, что вы, Фромм, навестили меня. Эрвин Роммель (вы сами знаете, что ему много не надо, чтобы он взвился до небес!) постоянно напоминает о том, что нуждается в усилении. Роммелю известно, что у вас давно подготовлен мощный корпус «Ф».

— Да, — кивнул Фромм, — этот корпус был предназначен для возни с англичанами в Ливии, но сейчас он... в Греции.

— Роммель ждет его! — напомнил Паулюс.

— И... не дождется, — отозвался Фромм. — Резервов нет, а корпус «Ф» пригодится нам в... Донбассе! Спасибо, что напомнили, я распоряджусь, чтобы из Греции корпус переводили на Украину, чтобы укрепить шестую армию Рейхенау.

Естественно, помянув Рейхенау, они говорили о шестой армии, и генерал Фромм сообщил о слухах в Берлине:

— Говорят, Рейхенау превратил ее в карательную.

Паулюс раскрыл папку, пересеченную по диагонали, желтой полосой, извлек из нее приказ Рейхенау, чтобы Фромм прочитал: «Солдаты 6-й армии, вы должны вести борьбу против беспринципной банды убийц. Все партизаны в форме или в гражданской одежде должны быть публично повешены...» Фромм сказал, что под видом партизан Рейхенау теперь может казнить любого прохожего:

— Это очень опасный документ... для всех нас! — сказал он. — По-моему, каждый разумный генерал, получив такую бумажку, обязан как можно скорее ею подтереться, чтобы никто потом не пожелал подшивать этот приказ к обвинительному протоколу.

Паулюсу вдруг вспомнился разговор с Людвигом фон Бекем о личной ответственности полководца. Но, желая спасти честь 6-й армии, он пытался хоть как-то оправдать и Рейхенау:

— По натуре это заядлый эксцентрик! Помню, во Франции он явился на банкет в костюме циркового жокея. Наконец, он выбирал и приглашал к танцу в офицерском казино самых толстых женщин, а ганцевать с толстухами нам при Секте было строго запрещено, чтобы не вызывать насмешек...

Фромм сразу отверг неловкие и наивные оправдания:

— Об этом, Паулюс, вы можете рассказывать жене. Но, попадись Рейхенау в лапы русским, они сразу отволокут его до ближайшей виселицы, и всегда в толпе тех же русских отыщется такой же забавный эксцентрик, желающий накинуть петлю на шею...

Паулюс помрачнел. Уходя, Фромм спросил:

— Рейхенау-то еще в почете у фюрера?

— Да, как и его шестая армия.

— А как Франц Гальдер... удержится?

— Не знаю, Гальдера в ставке фюрера недолюбливают. Традиция обязывает, чтобы начальником генштаба был обязательно пруссак, а Гальдер имел несчастье родиться в Баварии.

— Удержитесь хоть вы, Паулюс... я пошел!

В эти зимние дни (на самом срезе двух переломных годов) Паулюс убедился в негорячности Гальдера, который частенько подтрунивал над Гитлером, хотя нацистский режим считал для немцев даже «целебным». После катастрофы вермахта под Москвой он уже не рисовал стрел, нацеленных

на Бейрут и Калькутту, которые пронзали Кавказ и Персию, — Гальдера, кажется, стала более заботить сохранность своей питанной шен.

Теперь — с удалением Браухича из ОКХ — он при каждом удобном случае не забывал лягнуть его в присутствии фюрера:

— Если бы мы не пошли на поводу у этого честолюбца Браухича, все было бы иначе: мы бы уже качали нефть в Майкопе, нам бы не пришлось цепляться за сугробы под Демянском.

Гитлер почти с ненавистью разглядывал большие хрящеватые уши Гальдера, ярко-красные от прилива крови; фюрер уже привык к лести, но на такую грубую лесть он не улавливался:

— Вы оба с Браухичем — бюрократы, а разница меж вами та, что Браухич без очков, а вы без очков ничего не видите. Вам бы, Гальдер, где-нибудь торговать двухспальными кроватями для молодоженов в глухой баварской провинции, а вы допущены мною в большую стратегию...

7. ДОКАЗАТЬ НА ДЕЛЕ

Жуков стал членом Ставки Верховного Главнокомандования в самые тяжкие для страны дни, народ уже знал его, верил ему. За время войны поредели волосы, черты лица замкнулись в суровости. Говорил резко, точно, без сантиментов. Его боялись враги, но побаивались и свои, когда он выезжал на фронты, чтобы навести порядок железной дланью, за которой ощущалась сила поддержки самого «Верховного» (как тогда для краткости именовали Сталина). Среди командиров сложилось такое присловье — вроде окопного анекдота:

— Если Жуков придет злой, всем вредит по первое число, а уедет веселым. А коли навестит добрым, обязательно всем по шням наkostenяет и уедет от нас злее черта...

Георгий Константинович и с рядовыми не бывал приторио-ласков, в солдатские котелки не лез со своей ложкой, подражая «отцам-командирам», ищущим дешевой популярности. Нет. В беседах с солдатами говорил он редко да метко, больше спрашивая людей своего возраста — откуда сам, что думает, где семья, каковы боевые пути-дороги, бывал ли в окружении.

...Зимой, в самый разгар боев, Москву навестил Владислав Сикорский, глава польского эмигрантского правительства, и Сталин, готовясь к приему союзника, велел явиться при полном параде генералу Василевскому — как представителю Генштаба; Василевский явился, но его мундир был

украшен одним скромным орденом Красной Звезды. Сталин выразил недовольство:

— А где же остальные? Почему не надели?

— Других, товарищ Сталин, у меня не имеется.

— Что за чертовщина! — возмутился Сталин. — Одни только болтают, а орденов у них до макушки, другие же работают, не щадя своих сил, и ничего не имеют... Ладно. Разберемся!

Тема об орденах деликатная (до сей поры ищут стариков-героев, простых солдат, чтобы вручить им то, что заслужили еще в сорок первом, кровавом и лютейшем, и старики — под жужжание кинокамер — плачут, как дети, не стыдясь слез, а мне понятны их слезы). Но, читатель, в то время наша армия еще не бряцала победными орденами, и миллионы безвестных уходили в небытие, не помышляя о наградах, а над их могилами не высятся гордые монументы славы — потому что и могил-то у них не было! Так и оставались лежать, глядя в плывущие над ними облака, чтобы раствориться навеки в русских лесах и полянах, в шелесте трав и цветов, они исчезли, не изведав посмертной славы, в голосах птиц, устроивших им посмертное отпевание...

Конечно, в нашем Генштабе знали, что Гитлер устроил в вермахте «генеральную чистку», удалив в отставку сразу 35 генералов, а сам он взял на себя главнокомандование сухопутными войсками; наверное, до нашей разведки дошли и слова фюрера, сказанные им в этот момент:

— Катастрофа двенадцатого года с Наполеоном со мною не повторится, ибо я все продумал заранее...

После битвы под Москвою, после ударов у Тихвина и Ростова, когда всем стало ясно, что перелом в войне обозначился, Сталин вдруг снова возгордился, в глубине души, очевидно, уже примеривая к себе чин великого полководца. Перед всем народом он заявил, что 1942 год станет годом окончательного разгрома гитлеровской армии, но оспаривать эти иллюзии никто не осмелился.

— Гитлеру уже никогда не оправиться, — утверждал он, — и перед нами откроется прямая дорога на Берлин...

5 января в Ставке Верховного Главнокомандования было созвано ответственное совещание. Выслушав доклад Шапошникова о положении на фронтах, Сталин сказал:

— Немцы никак не были готовы воевать с нами зимою, а сейчас их командование в растерянности после поражения под Москвой, и настал выгодный момент для общего наступления Красной Армии.

Общего? Вот в это не слишком-то верилось.

План был составлен заранее: отогнать захватчиков как можно далее от Москвы, деблокировать Ленинград, вымиравший от голода и обстрелов, на Юго-Западном направлении, которым командовал маршал Г. С. Тимошенко, следовало освободить Харьков и весь промышленный район Донбасса. Тимошенко из Ворожежа, где располагался штаб его армий, горячо заверял

Ставку, что у него все продумано, и Сталин верил в заверения маршала:

— Товарищ Тимошенко, — говорил он, — обязуется прижать группу Клейста к берегу Азовского моря и сбросить ее в воду — вместе со всеми его танками...

Жуков был согласен с тем, что наступление обязательно следует продолжать, чтобы извлечь столицу от угрозы, «но, — вспомнил он позже об этом совещании, — для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой... Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на Юго-Западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника»:

— Они, — доказывал Жуков, — не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери... Враг еще не сломлен, до коренного поворота в войне нам еще далеко, а положение на фронтах неустойчивое...

Такая осторожная точка зрения никак не устраивала Сталина, это было видно по его поведению, и, кажется, присутствующие, поглядывая на вождя, Жукова поддерживать не станут. За годы непомерного раздувания авторитета Сталина был выработан негласный, но непреложный принцип: «там, наверху, лучше нас знают». Но теперь он подменялся принципом новой чеканки: «на месте виднее», и Сталин решил вдруг перестроиться, откровенно прикинув к этому принципу:

— Нам, — вдруг заявил он, — совсем нет смысла не доверять товарищу Тимошенко и членам военного совета его Юго-Западного направления. Товарищ Тимошенко как раз за то, чтобы наступать! Надо, — подчеркнул Сталин, — как можно скорее перемалывать немцев, чтобы они не смогли наступать весной. Мы, — настаивал он, — заставим врага израсходовать свои резервы еще до весны и обеспечим полный разгром гитлеровцев уже летом этого года.

Ссылка вождя на тот принцип, что «на месте виднее», его глубокая вера в таланты маршала Тимошенко заставила Жукова не возражать, а после совещания Шапошников сказал ему:

— Голубчик, вы, пожалуй, напрасно тут спорили, ибо вопрос о ближайшем прорыве к Харькову одобрен вождем заранее...

Георгий Константинович вспыхнул:

— Тогда зачем же спрашивали мое мнение?

— Не знаю, не знаю, голубчик! — сказал Борис Михайлович и тяжело вздохнул...

Через пять дней после этого совещания Ставка обратилась к командованию с особой директивой, отмечая просчеты и недостатки в наступлении под Москвой, — и, таким образом, критический отзыв Шапошникова, который охладил боевой задор генерала П. И. Батова, оправдывался строгим тоном самой директивы, которая признавала, что удар под Москвой мог бы оказаться сильнее и решительнее. Порочная полевая тактика с ее «индивидуальными ячейками», удобными для кротов,

была уже отвергнута. Директива, наоборот, призывала командиров уплотнять боевые порядки, не боясь даже разрывов по фронту. От командующих Ставка требовала не растянутости армий, а, напротив, создания мощных пробивных группировок... Все это, конечно, хорошо!

20 января разведка Генштаба доложила в Ставку, что из двухмесячного отпуска по болезни на русском фронте снова появился генерал-полковник барон Максимилиан Вейхс, которого во время отдыха его в Германии не коснулась опала Гитлера.

— Вейхс... что за птица? — спросил Сталин.

— Вейхс командует второй армией, ранее подчиненной группе «Юг» фельдмаршала Вальтера Рейхенау. Ничем не примечательный генерал, каких у Гитлера много. Если уж кого и бояться на юге, так это Клейста с его мощной танковой группировкой.

— Хорошо... буду бояться, — хмыкнул Сталин шутиливо.

— Еще одна короткая информация, которая вас, товарищ Сталин, может быть, и заинтересует: в командование шестой армии вступает генерал-лейтенант Фридрих-Вильгельм Паулюс.

— А это еще кто такой? — удивился Сталин...

После войны германские генералы всю вину за свои поражения сваливали на Гитлера, якобы он, жалкий профан, вторгся в их непорочную стратегию, словно бегемот в антикварную лавку. На самом же деле — признаем за истину! — немецкие генералы редко бывали послушными марионетками. Не раз, поплеывая сверху вниз на личные распоряжения фюрера, они доказывали противникам свое превосходство в тактике, свою железную волю к победе, твердую решимость держаться даже в критических ситуациях. У них была своя голова на плечах, свои амбиции и свои убеждения — и потому нельзя сваливать все просчеты вермахта на одного лишь фюрера. Гитлер, кстати, тоже не был бесноватым придурком. Манштейн писал о нем объективно: «Как военного руководителя Гитлера нельзя, конечно, сбрасывать со счетов с помощью излюбленного выражения «ефрейтор первой мировой войны». Но за всю критику, которую Гитлер обрушил на своих генералов, они и рассчитались с ним, наведя на него свою критику — после войны!»

— Так кто же этот Паулюс? — переспросил Сталин.

Москва еще не знала, что судьба Рейхенау решена.

«Чистка» была продлена Гитлером до самого апреля.

Старый фельдмаршал фон Лееб, будучи не в силах покорить Ленинград, не стал ждать пинка от фюрера и сам запросил отставки. Гитлер метался в поисках выхода. В январе он распорядился, чтобы тех-

нический контроль на военных заводах не придирался к качеству:

— Нам сейчас не до полировки брони, была бы броня... В декабре, — продолжал он, — силы вермахта и корабли флота высосали из меня все нормы горючего уже за январь и февраль нового года. Значит, на одной нефти Плоешти мы далеко не укажем. Нам срочно необходима вся нефть Кавказа! Наконец, мосульская нефть Ирака по качеству не уступает бакинской...

В неудачах под Москвою он обвинял немецкий народ: «Если представить, — записывали стенографистки, — что Фридриху Великому противостояли силы в двенадцать раз больше, то мы должны назвать себя не иначе как... дерьмо!» Сейчас ему как никогда жаждалось нападения Японии на СССР. Хироти Осима, токийский посол в Берлине, выслушал от Гитлера целую речь:

— Инициатива снова будет в наших руках... лето! Как только установится хорошая погода, мы возобновим наступление на Кавказ, и это направление я буду считать главным. Перевалив через Кавказский хребет, мы выйдем к нефтяным источникам Азербайджана, Месопотамии и всего Персидского залива. Москва и Ленинград будут уничтожены. Ждите от меня лета...

Дизельным «Нибелунгом» Паулюс вместе с Гальдером отбыл в Пруссию, приехали в «Вольфшанце» утром, когда Гитлер еще спал, и потому Гальдер предложил Паулюсу подышать свежим воздухом. На тихой лесной тропинке они долго наблюдали за прыжками белок.

— Читала последние метеосводки? — спросил он. — На юге России очень сильные морозы, а синоптики пророчат дальнейшее понижение температуры. — Гальдер вдруг заговорил, что силы русских, кажется, превышают силы вермахта. — И не лучше ли нам сразу сковать фронты обороной? До весны.

— Вы будете говорить об этом с фюрером?

— Даже не заикнусь. Но этот вопрос я обсуждал с Хойзингером. У него несколько иная точка зрения, отличная от моей.

Паулюс поднял воротник, зябко сунул руки в карманы.

— Догадываюсь, — сказал он. — Наша оборона даст передышку русским, а за это время усилится роль Америки. У нас нет иного выхода как только перейти в мощное наступление, чтобы уничтожить Красную Армию прежде, нежели англо-саксы начнут высадку на европейском континенте...

Гальдер повернул обратно. Долго шли молча.

— Неприятное известие, Паулюс, — вдруг сказал Гальдер. — Эрих Гепнер откатил свои ролики назад, сдав свои позиции русским, и тем самым нарушил строгий приказ Гитлера.

— Может, он отошел с согласия фон Клюге?

— Клюге не одобрил его ретирады. — При входе на территорию «Вольфшанце»

они оба, и Гальдер и Паулюс, предъявляли охране желтые пропуска. — Но Гепнер это еще полбеды, — продолжил Гальдер, — а вот что сделает фюрер Рейхенау?

Паулюс всегда беспокоился за 6-ю армию:

— Что же там случилось... на юге?

— Рейхенау тоже отвел армию. Тимошенко доказал этому bravому «эксцентрику», что у него сила побольше, нежели мы считали. Теперь Рейхенау хлопочет о дальнейшем отходе.

— Непохоже на Рейхенау. Непохоже на шестую армию.

— Сейчас у нас все непохоже, — ответил Гальдер...

Гитлер проснулся к трем часам дня. Кейтель предупредил Паулюса, что фюрер настроен нервно, его месть по отношению к Гепнеру и Рейхенау может оказаться жестокой. Гепнер уже вызван в ставку, чтобы получить «по мозгам», а в Полтаву уже послан выговор в такой резкой форме, что Рейхенау служить далее не пожелает. После доклада Франца Гальдера Паулюс все-таки рискованно вступиться за Рейхенау, тактически пытаясь реабилитировать отведенные 6-й армии с ее позиций. При этом он неосторожно признал, что большая стратегия всегда останется верной наложницей большой политики. Но, поминная политику, Паулюс забирался в чужой огород, где хозяйствовал один Гитлер.

— Паулюс! — обозлился фюрер. — Если вы считаете, что я неправильно руковожу войною, то вам место не здесь, а там, где вы можете на деле доказать правоту своих обобщений. Советую вам не вмешиваться в мои распоряжения! Иначе вы все окажетесь скоро в роли дворняжки, которая получила пинка под хвост, когда ей вздумалось заглянуть в мясную лавку...

«Что это значит?» — недоумевал Паулюс, готовя себя к самому худшему.

Когда он вернулся в Берли, Елена-Констанца сразу заметила его подавленность:

— Фриди, у тебя опять дергается левая щека.

— Да, знаю. Смена караула продолжается, — сказал он жене. — В этой гробнице «Вольфшанце» сейчас сортируют свои неудачи с усердием, с каким монахи перебирают свои четки... Как Ольга?

— Ожидаем роды где-то в первых числах апреля.

Перед женой он не скрывал своих опасений, сказав Коко, что фюрер сейчас настроен очень решительно и ждет весны.

— Не думаю, чтобы Гепнер и Рейхенау угодили под расстрел, но суд трибунала возможен. Жаль, если их ждет отставка. Я переживаю за шестую армию: ведь это — моя армия... уму непостижимо, сколько миль я накрутил с нею по Европе!

— Значит, — догадалась Коко, — среди генералов опять возникнут перемещения, и я... боюсь.

— Коко, о чем ты?

— Где сейчас Рейхенау? — спросила жена.

— Он сам и его штаб пока что в Полтаве...

Вот именно события в Полтаве и развернули судьбу Паулюса совсем в иную сторону — вместе с его шестой армией!

15 января 1942 года в Полтаве было очень морозно.

После спортивной пробежки Рейхенау явился к обеду в офицерское казино. Его сопровождал полковник Фердинанд Гейм, начальник штаба его армии. Офицеры заметили, что их командующий, бодрый весельчак с раскатистым хохотом, сегодня едва волочит ноги.

— Доктор Фладе вернулся из Дрездена? — спросил он.

— Задерживается, — ответил Гейм.

— Хорошо бы, — вдруг сказал Рейхенау, — вызвать из Лейпцига профессора Хохрейна, нашего домашнего врача...

Возникло молчание. Офицеры в казино шепотом говорили, что Рейхенау плохо переживает выговор от фюрера и... опалу.

— У меня, — сказал Гейм, — есть бумаги, требующие вашей aprobации, но если вы чувствуете себя неважно, то...

— Ничего. Давайте. Я подпишу.

Рейхенау подписал приказы, с трудом поднялся из-за стола. Все услышали его слабый стон. В вестибюле казино денщик уже держал наготове шинель фельдмаршала. Рейхенау просунул в рукав одну лишь руку и... упал, потеряв сознание. Был установлен «паралич с поражением центральной нервной системы», о чем немедленно была оповещена ставка Гитлера.

Хойзингер сразу же известил об этом и Паулюса:

— Кровоизлияние в мозг... вот во что переходят нам выговоры от фюрера! Положение идиотское: фельдмаршал Рейхенау не только командующий шестой армией, но под его жезлом и вся наша группа «Юг», где заметно оживились войска маршала Тимошенко... Впрочем, — сообщил Хойзингер, — наш фюрер не помнит зла: он выслал в Полтаву из Лейпцига профессора Хохрейна, а из Дрездена вылетает доктор Фладе. Желательно ваше возвращение в ставку.

Паулюс срочно вылетел в «Вольфшанце», на аэродроме в Летцене его поджидал Рудольф Шмундт, адъютант фюрера.

— Поздравляю, — сказал он Паулюсу, — шестая армия нуждается в новом командующем, и фюрер помянул вас. Едем...

Как выяснилось позже, Йодль возражал Гитлеру:

— Паулюс отличный генеральштеблер, но какой же он полководец? Ни разу не командовал ни полком, ни дивизией, ни корпусом. Доверять ему целую армию, тем более, такую прославленную, как шестая, лучшую в нашем вермахте, это... даже опасно.

Гитлер соглашался, что Паулюс только теоретик:

— Кто там сейчас начальником штаба? Ах, этот Гейм? Согласен, не та фигура, чтобы подпирать Паулюса... Я дам ему в начальники штаба генерала Артура Шмидта.

На это Кейтель возразил Гитлеру, что, если Паулюс только теоретик, то Шмидт лишь фронтовой практик, не имеющий высшего военного образования. Сочетать этих людей под единым штандартом — слишком рискованно, а Йодль добавил:

— Помимо всего, Шмидт обладает каверзным характером.

Но Артур Шмидт был заматерелым нацистом, что явно импонировало фюреру, и он сразу отменил всяческие сомнения:

— Пусть Паулюс поработает с Геймом, а потом со Шмидтом, и, думаю, они станут образцовой супружеской парой, своими личными достоинствами устраняя общие недостатки.

Все эти пересуды происходили за спиной Паулюса, и он понял все, когда сразу был приведен к Гитлеру:

— Паулюс! — крикнул фюрер. — Вы получите армию, с которой можно штурмовать даже небо... В своем плане «Барбаросса» вы сами наметили эту линию до Астрахани на Волге, которая осталась для нас пока недостижима. Я всегда высоко оценивал ваши мыслительные способности, но теперь вы обязаны доказать на деле, что шестая армия выйдет к Сталинграду, и тем самым будет перекрывать главную артерия, через которую Сталин перекачивает с Кавказа гигантские массы горючего для своих армий...

Паулюс выкинул руку в нацистском приветствии:

— Служу великой Германии... Хайль Гитлер!

Паулюс простился с бункерами «Вольфшанце», когда на пороге ему вдруг встретился танковый генерал — Эрих Гепнер, уже ободранный и небритый, с обмороженным носом. Он криво усмехнулся:

— Преимуществва нашей службы неожиданно выявляются лишь в самом конце нашей злокачественной карьеры. Не так ли?

— Так! Но... как вы осмелились оставить позиции?

Разжалованного Гепнера одолевал грипп. По воротнику из черного бархата медленно сползала жирная фронтовая вошь.

— Не зарекайтесь, Паулюс, — с вызовом отвечал он. — Пробьет и ваш час, когда вы окажетесь в моем положении. Фельдмаршал фон Бек был прав: война на Востоке — это безумие, и вы еще не знаете, что вас ожидает в этой страшной России.

— Меня ожидает героическая шестая армия!

Эрих Гепнер громко высморкался.

— Ах, к чему этот пафос? Вы, может, и уцелеете, но за вашу шестую армию я бы теперь не поставил и кружки пива...

(Продолжение следует)

БОЛЬ и ТРЕВОГА ЗА «ЭЛИТУ ВВ»

Во втором номере нашего журнала было опубликовано письмо майора О. Коржикова «Спецназ без камуфляжа». Вопросы, поднятые бывшим командиром одной из лучших в войсках рот специального назначения, продолжают волновать многих.

Сегодня мы публикуем письмо бывшего офицера спецназа и материал нашего корреспондента, подготовленный во время командировки в Нагорный Карабах. И то, и другое — о наблевшем.

I. «ХРАНЮ СВОЙ КРАПОВЫЙ БЕРЕТ»

Мы создавали спецназ. Подъем — в 5.50. Зарядка. Занятия, занятия, занятия. Совещание офицеров примерно до 23.00, после которого — отбой. Спали в учебном классе роты. Так месяц за месяцем. Царил дух патриотизма. Все до единого рвались в бой за справедливость. О семьях на время забывали.

В Закавказье насмотрелся всякого: массовые беспорядки, когда с горсткой солдат выходишь против безумной толпы, освобождение заложников, когда вся надежда на свои силы и плечо товарища. Охотились за боевиками в горах, мерзли, недосыпали и недоедали. Наряду с дружбой и верностью сослуживцев встречались трусость и предательство старших командиров и начальников. Никогда не забуду слова начальника политотдела: «Только пришли служить, а им уж медали подавай. Люди по двадцать лет прослужили, а ничем не награждены». Значит, и теперь награды лишь за выслугу?

Когда приезжали в часть высокие гости, им докладывали с гордостью: «Вот наш спецназ — орлы!» Когда орлам нужна была помощь, ссылались на какие-то приказы и распоряжения и отвечали: «Не могу, не положено. Не время. Выкручивайся как-нибудь».

Уволиться из войск пришлось, оговорив себя на суде чести младших офицеров — состою, дескать, в неформальной организации. А как иначе? Ведь не пьяница, подразделение было отличным, призовые места на соревнованиях занимал.

Теперь я в гражданской одежде. Получаю в несколько раз больше за добросовестный профессиональный труд. Квартиру для семьи обещают в течение года. Жена довольна — муж рядом, ребенка будет воспитывать родной отец. Чего еще надо?

Кого увидите из наших «краповых беретов» — привет огромный. Если захотите написать или дать телеграмму — адрес на конверте.

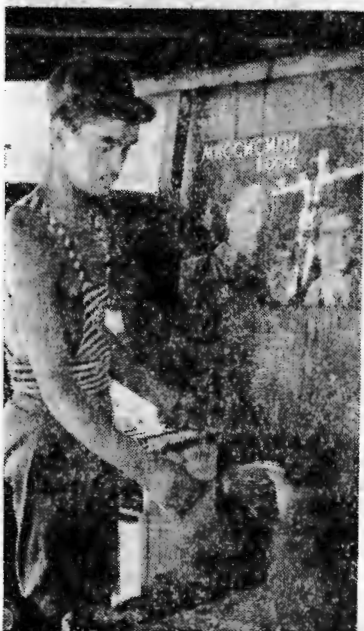
С уважением бывший (но в душе постоянный)
«краповый берет».

Р. С. Я уволен из ВВ, и они мне ничего не должны. На память о них остались мои многочисленные травмы, фотографии, две медали «За отличную службу по охране общественного порядка» и мой краповый берет.

проблемы,
события,
люди

ВОЗВРАЩАЮСЬ

«Миссисипи в огне» — реклама американского боевика. Висит она в вагончике, прошитом пулями прошлым летом, когда наша застава схлестнулась здесь сразу с двумя противоборствующими бандами. Суровы горы Лачина. Солдатская кирза их не выдерживает, вода из горной речки — в разряде дефицита, выбор продуктов минимален...

Строги, даже суровы лица офицера, солдат. Не до киношных страстей им. не до Миссисипи, Своих забот полно.

Фото О. СМІГНОВА.

2. КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ...

Что бы там ни говорили, а все же легко и, если можно так выразиться, весело писать о спецназовцах. Волей-неволей выходит из-под пера что-то, какой сюжет из жизни «краповых беретов» ни возьми.

Фергана. К группе воинов подбегает женщина: «Знаю квартиру, где собрались бандиты, те, которые в Комсомольске в людей стреляли. Они и сейчас с оружием...» Брать их пошел старший лейтенант Олег Морковский. Взял. Много месяцев спустя он же отражал огнем атаку боевиков, намеревавшихся захватить подбитый ими же вертолет. Это уже в Закавказье было.

В ханларских горах попал под обстрел старший лейтенант Михаил Хабаров. На рожон не полез, сделал маневр и вынудил противника бежать. Никто из его взвода не пострадал.

Старший лейтенант Виктор Морозюк отличился в Баку. И в Армении, при ликвидации последствий землетрясения. И в Узбекистане. И вообще, в роте солдаты в Морозюка играют: «Он штангу вот так рвет, гирию вот так бросает и ловит...»

Когда в Литве войска брали под охрану некоторые здания и организовывали там пропускной режим, прапорщик Иван Стрибулевич зашел к ректору университета: «Мне нужен список студентов и преподавателей, чтоб оформить им пропуска». «Потрудитесь объясниться со мной по-литовски, — зло бросил ему собеседник. — Уважайте язык той страны, в которую пришли». «Приготовьте список на украинском языке, — так же ровно и спокойно, как говорил и раньше, закончил Стрибулевич. — Уважайте язык тех, кто предотвратил в республике, может быть, страшную трагедию». На следующее утро они вновь встретились. «Простите», — сказал ему ректор, протягивая нужные бумаги. «И вы меня», — ответил прапорщик. И они пожали друг другу руки...

О каждом из перечисленных эпизодов не то что очерки — книги можно написать. Как Дюма о мушкетерах. «Четверо в краповых беретах» — ну чем не заголовок? И не пожалеть, конечно же, слов не только в адрес этой четверки, но и всей роты. Рассказать, как «балуется» собранной из подручных средств штангой сержант Валера Рудзинский, — только за вечернюю тренировку пять тонн поднимает. Как «играет» двухпудовой гирей рядовой Андрей Курганский. Как ротный каптерщик рядовой Игорь Абрамчук, тощий, как мощи, добивался права носить краповый берет и сдал так сложнейший экзамен. Смотришь на него — и сомнение вкрадывается: не по-

тому ли, что к начальству близко, получил зачеты? А он нунчак достает — сам делал, точно по своей руке, — крутит-вертит его вокруг себя: «Спичечный коробок на стуле, вон, в углу, видите? На попа стоит?» Метров восемь до него, до коробка. Абрамчук роняет нунчак, но тот не на пол — на ногу ему падает и... И летит от ноги пулей точнехонько в коробок, ничего не оставляя от последнего. «Это что, — говорит, подметая труху, оставшуюся от спичек. — Ребята у нас и не то делать могут... Только вы командиру не говорите насчет коробка, ладно? Это баловство, а баловство он не одобряет».

Баловство — в том смысле, что не стоит дефицитные коробки крушить. А с нунчаками рота занимается постоянно: надо же знать то оружие, которое против тебя нередко применяют...

Вот ведь дело какое: и войны нет, а строки — как сводки с полей сражений: бандиты с оружием, подбитый вертолет, атака боевиков, нунчаки, против которых надо уметь солдату защищаться. Это было, это есть, это, как ни горько такое писать, будет. Такова уж доля внутренних войск, спецназа — «подставляться». Где больно в стране — туда и летим. Сейчас в основном одну задачу решаем: не даем разгореться межнациональной резне. Со стороны все красиво и героически выглядит. Ну недаром же и в редакционной почте полно просьб попасть служить в наши части особого назначения. Причем не только зеленые призывники пишут, но и солдаты из Советской Армии, и прапорщички, и офицеры. Они жаждут настоящего дела, жаждут быть похожими на тех, кто принимает сегодня на себя чужую боль и чужую злость. «Прошу призвать...», «Прошу перевести...», «Имею опыт командирской работы, желаю служить в спецназе...», «У меня разряд по самбо, по гимнастике, мечтаю надеть форму солдата внутренних войск...»

Это все письма.

А это — рапорта: «Прошу рассмотреть вопрос об увольнении меня из войск...», «Не могу и не хочу служить...», «Теперь я понял, что ошибся в выборе профессии, и готов снять погоны хоть завтра...»

Вторая сторона медали. Не та, где вычужена, и вполне заслуженно, героика, а другая, вроде как тeneвая, оборотная. Хотя какое там оборотная — на виду же все причины. Офицеры, прапорщички от семей оторваны, пули (а чаще проклятья, что тоже хреново) летят в их адрес, и вечно быт неустроен, и давит сознание того, что не

силой те же национальные вопросы надо решать.

Есть в физике термин такой — напряженность поля. Однако мы живем в до того политизированное время, что и на физику научились смотреть сквозь призму своих забот и несчастий. Напряженность! — ну как же, как же. Нервы же наши — как те невидимые силовые линии, что тянутся в этом самом поле от плюса к минусу.

Мы сидим с четверкой «краповых беретов» и говорим об этих самых плюсах и минусах.

Миша Хабаров привез сегодня с гор минеральную воду. В городе обычная питьевая дефицит, жители часами стоят у колонок с ведрами, а тут — минеральная, из чистейшего источника.

Конечно, не за водой мотался над ущельями вертолет со спецназовцами. Неважные дела наверху. В колхозных садах, на небольших пастбищах караулят друг друга враждующие стороны, и не контролируй военные ситуации на заставах с бортов «вертушек» — быть бы еще большей беде.

Так вот, сидим мы за столом, пьем маленькими глотками драгоценную минералку и смотрим телевизор. А там — американцы, те, которые в Саудовскую Аравию высадились. Парфюмерию им сгружают: крем от комаров, крем от загара. И — ящики бутылей с соками, консервы с десятками наименований, сладости невиданные... Вредную, в общем, передачу смотрим. Янки, мол, без дела там пока сидят — и в роскоши купаются, а тут... Да ясно, что мы сегодня не Америка, но ведь не ананасов же и хотим! Солдаты за три последних месяца три раза помидоры видели, и это — в конце лета и в богатые осенние месяцы. На заставах сутками сидим и на что уповаем? Что местное население по доброте душевной яблочек подкинет, а может, и сыра лепешку. Беда даже не в том, что голодно иногда бывает, а в том, что стыдно. Стыдно от местных же слышать: «Что, сынки, забросили вас сюда — и никому вы теперь не нужны?»

Ладно, может, действительно так плохо у нас с едой, что не стоит о ней речь вести. Но с размещением-то, с бытом — неужто не было времени эти вопросы обдумать? У цыган и тех постоянные кибитки есть, так неужели же чельзя стандартные разборные домики заказать? Служба же — скитальческая, и не первый год такая, и, повторимся, не последний.

Ну вот, скажет читатель, пошла «чернуха». Сейчас ею ведь никого не удивишь,

сейчас не нужна особая храбрость, чтоб на нехватку денег и продовольствия ссылаться. Но если нету их? Если именно потому, что нету, и страну лихорадит, и спецназ туда-сюда мечется? Да кто же против, чтоб заставы благоустроенные были, чтоб яблочный сок к завтраку выдавался, чтоб у спецназовцев сквозь протертые маскхалаты, простите, зады не светились?! Понятно, что государство должно о своих солдатах заботиться, но ведь народ и армия едины, и уж коль народ на бобах живет, то, ясное дело, и нам нечего о другом мечтать...

Ах, мушкетеры, мушкетеры... Помнится, неистовый гасконец обшивал свой камзол и штаны галуном, который мать спорла с камзола д'Артаньяна-отца. И перевязь Портоса была из простой буйволовои кожи. И далеко не всегда их стол ломился от яств. Но никто же по этим причинам не покинул отряд своего капитана!

И об этом мы говорим. Миша Хабаров сразу:

— Так у них же де Тревиль — он за каждого из своих глотку кому угодно мог перегрызть! А тут... Нет, действительно, рубли — не самое главное.

Своего угла у Михаила нет, квартиру снимает у старушки, платит на полгода вперед из расчета сто рублей в месяц. За последние полгода жил там меньше месяца. Выходит, полтыщи за здорово живешь отдал. Впрочем, семьи у него, у единственного из четверых, еще нет, так что потеря такой суммы легче воспринимается. А что воспринимается тяжелей?

— Давайте вспомним, кто ушел и почему именно, — говорит Стрибулевич. — Я в спецназе со срочной остался, вместе со мной еще четверо погоны прапорщиков надели...

Ушли те четверо из войск. А всего только за последний год около двадцати человек покинуло часть. На все решались, лишь бы их рапорта удовлетворили. Так ушел лейтенант Ющик. И лейтенант Фатеев ушел. Теперь вот лейтенант Базлов, говорят, собирается...

Лейтенант Александр Базлов. Год назад войсковая оперативная группа направила из-под Гянджи в Кюрдамир колонну для разблокирования железной дороги, по которой войскам шла техника. Операцию эту возглавил генерал-майор А. Рвачев, человек, прошедший Афган, а начальником связи у него был как раз лейтенант Базлов. Я почему про Афган упомянул — побные рейды были там на счету Рвачева, тоже ночные, тоже многодневные. Успех зависит от того, как работают механики

и связь — это им сказано перед маршем. А после — «Спасибо, Базлов. Вы молодец». И корреспонденту: «Этот лейтенант — командир роты, но мыслит уже шире. Такие офицеры нам нужны».

И вот такие уходят.

Он и тогда, год назад, уже подумывал о таком шаге. Не за деньгами в войска пошел, не теплое место искал. Под Москвой, в Пушкино, живут родители. Пятикомнатный дом, машина. Там же, стоит ему только согласиться, и работа по специальности найдется, с окладом не меньшим, чем сейчас получает. А выбрал войска. «Я был просто уверен, что нужен здесь, что знания мои оценятся так, как оцениваются везде: уважительным отношением к тебе. А тут — как к мальчишке... Плевать, какой ты специалист: лейтенант, нижний чин — вот и все».

В подробности вдаваться он не стал, рукой только махнул, и подумалось, что такое его настроение, может быть, от минутной слабости. Ну, мало ли что иногда срывается с языка...

— Я, было дело, тоже рапорт писал, — говорит сейчас прапорщик Иван Стрибулевич. — Как всегда в последнее время, в командировке был, в Фергане, а Лену, жему, в рэддом положили. В Узбекистане к тому времени пик напряженности спал, и тут получаю весть: с Леной плохо, очень плохо. Я — к начальству: отпустите на неделю, и ситуацию обрисовываю. А мне: «Ваша жена — ваше личное горе. Никуда не поедете». Эти слова — как нокаут, честное слово. С восемьдесят пятого в войсках, по службе одни благодарности, и вдруг... У меня от обиды слезы выступили, честное слово. Пусть бы отказал, но по-людски, а не сквозь зубы... В конце концов сделал одолжение, с оговоркой: езжай, если сможешь. Это в том смысле, что с транспортом, билетами чрезвычайно сложно было. Не помог он, но хорошо, что мир не без добрых людей... А Лену действительно еле дохдили. Врачи говорили, мой приезд на нее положительно повлиял... Скажите, а правду говорят, что в войну по семейным вопросам отпустили?»

Ах как же не хочется, чтоб разговор наш скатывался на частности. Ну не повезло лейтенантам с командиром, ну не Макаренко он, ну нельзя быть с людьми холодным педантом, особенно в экстремальных ситуациях... А потом подумалось: не будь такой ситуации, и разговора бы подобного не состоялось. Но именно реалии дня показывают, кто есть кто, обнажают нашу суть. Командиры взводов (не говоря уже о ротных) просто поставлены в такие условия, когда надо самостоятельно принимать решения, нести груз ответственности за жизнь подчиненных, они на голову выше самих себя вчерашних, лейтенанты, у них здесь окрепло чувство самоуважения, как оно крепнет всегда, когда человек занят очень ответственным делом и чувствует, что это у него неплохо получается.

И плюс к этому, причем большой плюс,

изменение всей социальной атмосферы в жизни общества. Личность перестала быть такой подавляемой, какой была раньше, человек волен во всеуслышанье говорить о своих взглядах, отстаивать свои позиции, вступать в спор с любым оппонентом, какого бы ранга тот ни был. Естественно, не может не проявляться это и в военной среде. Не говорю уже о крайних плодах такого проявления (вы бы могли услышать лет шесть назад, что лейтенанты голодовку объявляют, отстаивая свои права? Теперь такое бывает, и наш журнал в 1990 году писал об этом), но, посмотрите, когда посыпались от офицеров рапорта о нежелании служить? Два-три года назад. А теперь присмотритесь к самим рапортам: от кого они? От слабенных, от тех, кто испугался тягот службы и частых командировок по горячим точкам? Кто обижен на войска за отсутствие квартиры? Да, есть небольшой процент и таких. Именно два последних качества и порождают конфликты между вчерашними выпускниками училищ и теми командирами, у которых не хватает такта и мудрости повернуть задатки «бойцовского петушка» во благо и ему самому, и всему коллективу.

Но в основном желают уйти те, кто успешно закончил училища, кто даже за короткий срок показал свое умение работать с людьми и... свою задиристость и нестандартность мышления.

Я был здесь же, в Закавказье, свидетелем разговора между подполковником и лейтенантом, только что написавшим своему командиру рапорт о нежелании служить. Причина тому — старший офицер «унизил человеческое достоинство подчиненного», как написано в рапорте. А суть такая: заходит подполковник в спальное помещение, видит лежащих среди бела дня на кроватях солдат, видит грязь и даже окурки на полу, тут же подзывает к себе первого попавшегося на глаза офицера роты и, разбавляя речь не совсем литературными словами, отчитывает его при солдатах и грозит три шкуры спустить. И вот теперь они сидят друг против друга. Лейтенант говорит о том, что ему дороги такие понятия, как честь и достоинство, и что в войсках на каждом шагу старшие попирают младших только потому, что им даны большие права и, следовательно, надо выражать свое превосходство.

«Вы убеждены, что полковник Жаров писал стихи лучше поручика Лермонтова потому, что был старше по чину», — выкрикивает лейтенант.

А подполковник гнет свое:

«Брось трепаться о высоких материях! Развел, понимаешь, бардак и ждал, что тебя за это целовать будут в...?»

Порчет ли лейтенант свой рапорт или нет, поймут ли оба офицера нынешние свои ошибки — не о том сейчас речь. Скажите, мог такой диалог состояться те же шесть лет назад, да не в Закавказье, а где-нибудь в тихой архангельской роте, куда бы заглянул наездом командир части?

Всех нас меняет бурное время...

Но вернемся к нашему «застольному» разговору. Он опять вроде бы о частных и вроде бы нет.

Тот командир, который «сквозь зубы» со своими подчиненными общается, судя по всему, уходит от них. На повышение. Хорошо это или плохо? Однозначно не ответить. За что повышают? За то, что боевые задачи часть успешно решала? Да, умеет он организовывать службу. Но неужто только по этому достоинству продолжают ценить сейчас командиров? А то, что двадцать офицеров и прапорщиков написали рапорта и ушли из части — это не имеет значения? А то, что он в человеке только оружие для исполнения своих приказов видит — это тоже несущественно? Или станет существенным только тогда, когда, не дай все-таки бог, он на чем-то погорит, где-то оступится и начнут припоминать ему все былые грехи? У нас ведь часто так бывает...

А почему, собственно, бывает?

— Да потому, что демократическая структура в армейской среде в зачаточном состоянии, — высказывает свое мнение старший лейтенант Хабаров. — Вот по конкретному примеру хотя бы. Ну почему у нас никто не спросит, достоин ли тот или иной человек награды, выдвижения? Мы же служим с ним, мы же его, простите, как облупленного знаем...

Вроде бы для этих целей возродили такой демократический в армейской среде институт, как офицерское собрание. Но что на деле получается? Собрания идут как служебные совещания, и все. Нельзя старые структуры на новую почву автоматически переносить. У них же корней нет уже, не приживутся они. Культура офицерского общения раньше иной была, она десятилетиями вырабатывалась, укладом всей жизни, и потому органично вписывались в этот уклад собрания. Ныне — не вписываются. Экзотика, и все. Вроде тех «кадетов» и «юнкеров», которые сейчас в старинной форме щеголяют, проводят свои смотры и сборы да ищут в себе капли голубой дворянской крови. Ну, что в них, нынешних, от дворян? Наружное щегольство, слепое копирование старой речи в обращении друг с другом — и все, пожалуй? Возродишь ли так потерянную культуру нации, потерянные традиции воинства? Плохо будет, если ожидаемая военная реформа не предложит своих путей, чтоб офицер оставался и исполнительным, и одновременно с этим творческой, независимой личностью. Не будет это заложено — будут продолжать уходить от нас толковые кадры.

Тут хочу сделать еще одно отступление. Печальное. На горных дорогах Закавказья гораздо чаще, чем думалось, теряли мы и боевую технику, и, что главное, людей. Не справлялись водители с горным серпантинном дорог, летели бронированные машины в ущелья... Уже тут доводилось слышать предложение специалистов: обучать молодых шоферов надо в таких вот экстремальных условиях. В горы их с опытными наставниками — и пусть тренируются...

Это похоже на старинный рецепт обучения плаванию: выбрось на середине реки с лодки, и если не потонет, то чему-то научится. Или в бой юнца кинь: не сдрейфит, жив останется — вот и будет солдатом.

Можно, конечно, и в горах автодром открыть... А если завтра на Севере службу выполнять станем, то что же: в Антарктиду водителей зашлем, чтоб учились на льду ездить?

Это все вот к чему пишется. Если вы читаете журнал «За рулем» или всерьез автоспортом интересуетесь, то вам известна такая фамилия: Крылов. Валентин Яковлевич Крылов, один из постоянных консультантов тренеров сборной страны по автоспорту, автор интереснейших статей по теории и практике вождения. Так вот, это ведь наш человек, бывший преподаватель ХВВУТ, ушедший оттуда с нашей же «помощью». Потому что мыслил не так, как все, потому что предложил систему обучения военных водителей, совмещающую в себе такие разделы, как психология, педагогика и техника. На ровном, как говорится, месте водитель по методике Крылова оказывался в экстремальных ситуациях, за считанное время должен был решать сложнейшие вводные... Естественно, надо было приспособлять и создавать заново для этого базу, по-новому подходить к комплектованию педагогов, пересматривать весь график занятий... «Остепенитесь, живите как все или до свиданья», — сказали ему. «До свиданья», — сказал он.

Так кто же потерял и кто приобрел в итоге такого расставания?

Не стоит тянуть полную параллель между этим эпизодом и всеми конфликтами, происходящими сегодня. Не все, кто уходит, Крыловы. Но главное тут надо понять: все, и уходящие, и остающиеся — личности, вполне справедливо требующие к себе уважительного отношения. Честного и не зависящего от количества звезд на погонах. Сегодня такое время — ценить человека прежде всего по его уму, а не по положению. Тем более, что в горячих точках каждый, как мы уже говорили, раскрывает себя сполна. И как специалист, и как человек. Раскрывает и уже останется таким и тогда, когда мы вернемся на плацы «старых» своих учебных городков, заживем размеренной, «стационарной» жизнью.

Кого и как вспомним?

Майор И. КОЗЛОВ.

А В ВИЛЬНЮСЕ НАЗВАЛИ «ФАШИСТОМ»...

Командир подразделения особого назначения капитан Николай Васильевич Наумкин стал первым во внутренних войсках лауреатом Московской ассоциации писателей-криминалистов. Литераторы, пишущие на приключенческую тему, высоко оценили профессиональные качества офицера, прошедшего горячие точки страны, его мужество и верность долгу.

В ТОТ студёный январский вечер у Наумкиных явно не ждали гостей. Поэтому вдвойне приятно было ощутить неподдельное радушие, с которым хозяева встретили мое появление. Пока Нина деловито хлопотала на кухне, заваривая кофе, а годовалая Дашутка поочередно носила на показ свои игрушки, мы с Николаем успели обменяться последними новостями. Видимо, предугадав вопрос о причинах заметной подавленности, он в сердцах признался:

— Позавчера только вернулись из Вильнюса. Дома, как видишь, совет да любовь. А мне все никак не отойти от тягостных воспоминаний. Никогда еще не приходилось чувствовать себя столь неуютно в собственной стране. «Лучшее» слово, которое нам там бросали в лицо: «фашисты». Неужели мы заслужили подобное обвинение? За две недели ведь не сделали ни единого выстрела. Задачи, как всегда — не дать митинговым страстям выплеснуться через край, защитить ни в чем неповинных людей от разных мерзавцев. Третий год мотаемся по горячим точкам, тушим межнациональные пожары то тут, то там, и вот тебе, пожалуйста, благодарность...

Нетрудно понять досаду и недоумение капитана Наумкина. Где только не перебивал в последнее время комбат со своими подчиненными: Ереван, Спитак, Ленинкан, Баку, Степанакерт, Фергана, Зангелан... Давно стали привычными для него внезапные вводные, дальние перелеты на могучем «Ильюше семьдесят шестом». Твердо убежден: его многотрудная, а порой по-настоящему опасная служба офицера части особого назначения очень нужна людям. Ведь давно не секрет: на сегодняшний день просто не существует другой

реальной силы, способной сдержать нашу страну от сползания в пропасть гражданской войны, кроме крепких парней из внутренних войск.

... **З** АНГЕЛАН, что на самой границе Азербайджана с Ираном, Николай Васильевич запомнил накрепко. Совсе не потому, что его тамошние боевые дела в 1989 году впоследствии были оценены медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». И уж, конечно, не за красоты природы и щедрость виноградников. Просто некогда ему было на все это обращать внимание — не на отдых же пришел, в самом деле. Первый месяц круглые сутки занимался организацией охраны и сопровождения автокараванов с грузами для местного населения. Ну, а потом его командирской судьбе было угодно сделать крутой зигзаг.

Однажды «вертушка» доставила в Зангелан высокое начальство — заместителя министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Н. Демидова, военного коменданта района ЧП генерал-майора В. Сафонова, второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана В. Поляничко. Цель визита — разобраться в случае, имевшем место днями раньше и едва не закончившемся гибелью людей. А произошло следующее. Офицер наших войск пренебрег элементарными мерами безопасности, не взяв вооруженную охрану, отправился вместе с тремя связистами-азербайджанцами на машине в соседнее армянское село налаживать телефонную связь. Как это бывает тут нередко, группу обманным путем заманили в Кафан. Бородатые молодчики мигом вытащили связистов из машины, зверски избили и заперли их в подвале.

Автомобиль же давай крушить и уродовать. Ставший невольным свидетелем акта вандализма офицер, кстати, ранее прошедший Афганистан, потом с ужасом рассказывал: «Недобно зверств даже душманы себе не позволяли».

Получив сигнал о случившемся, Наумкин немедленно послал командира роты капитана Сергея Кулаева с группой солдат на выручку. И очень своевременно—жизнь людей была спасена.

Когда генерал Сафонов попросил коменданта Зангеланского района доложить обстоятельства дела, тот показал полное незнание обстановки, растерялся и лепетал что-то невразумительное. Пришлось Наумкину спасать положение. Генерал внимательно выслушал Николая Васильевича, задал несколько уточняющих вопросов, а потом неожиданно подвел итог: «Капитан Наумкин, назначаю вас комендантом Зангелана». В этот же день он принял дела.

Долгие четыре месяца исполнял Наумкин нелегкую и ответственную миссию. Ему удалось не только обеспечить надежную охрану всех населенных пунктов от посягательств боевиков, но и решить ряд вопросов, сознательно и не без умысла блокирующих представителей местной власти. Почувствовав честность, отзывчивость и высокую порядочность офицера, к нему потянулись со своими бедами и тревогами жители близлежащих сел.

Как-то под вечер в дверь коменданта робко постучали. Вскоре делегация высокогорного колхоза за чашкой ароматного чая уже вела беседу с Николаем Васильевичем.

— Помоги, ради аллаха, сынок, — со слезами на глазах просили старики. — Еще в прошлом году перегородили дамбой арык, и наши поля остались без воды. К кому только не обращались, все без пользы. Одна надежда на тебя осталась, начальник, иначе хоть с голоду помирай!

На следующий день капитан Наумкин отправился к председателю исполкома. Как протекала его беседа с местным руководством, какие еще меры предпринял комендант, доподлинно неизвестно. Только вскоре на поля пошла живительная влага.

До соседнего Ирана тут рукой подать. В хорошую погоду в бинокль все видно как на ладони. В былые времена нашим пограничникам покоя не было от нарушителей с сопредельной стороны. Ныне другая напасть — как бы со своими беспокойными гражданами справиться, оружие убережешь от желающих им разжиться да все ограждения сохранить в целостности и сохранности.

Наумкин с первых дней своего комендантства взял за правило регулярно бывать у коллег в зеленых фуражках, налажив постоянное взаимодействие со всеми соседними заставами. И совсем не случайно носит теперь на парадном кителе редкий для офицера внутренних войск знак — «За отличие в службе по охране государственной границы» первой степени.

Недавно мне довелось беседовать с то-

варищами, вернувшимися из командировки в Зангелан. Рассказали о тамошней неспокойной обстановке, как водится, передали приветы от знакомых офицеров, выполняющих службу в районе. А потом кто-то вспомнил:

— Представляешь, сколько времени прошло, а Наумкина там до сих пор добром вспоминают. Жаль, говорят, уехал, настоящий наш защитник. Мы даже хотели его народным депутатом Азербайджана выдвинуть.

Когда передал этот разговор Николаю Васильевичу, то он порозовел от удовольствия. Замолчал на время, видимо, вспоминая все перипетии своей зангеланской одиссеи, а потом задумчиво сказал:

— Хорошие люди там, в горах. И работать умеют на совесть. Вот только кому-то, видно, не по нутру, чтобы азербайджанцы с армянами жили в дружбе и согласии. Всячески стравливают два народа, а сами греют потом руки на чужом горе. Ну, а что не забыли меня, слов нет — приятно. Да я и сам, кстати, недавно оттуда письмо получил. Зовут: «Приезжай в гости. Будем рады, как родному».

Предвижу: загорятся злобой глаза кое у кого, услышь такое. Мол, вот и этот офицер сторону азербайджанцев принимает, все грехи за междоусобицу готов на головы армян свалить. Дабы начисто опровергнуть даже малейшее подозрение в национальных симпатиях Наумкина, придется поведать еще про одну из его командировок — на этот раз в Армению.

ЛЕТОМ 1988 года, вскоре после печально известных событий в аэропорту «Звартноц», прибыл тогда еще старший лейтенант Наумкин со своими солдатами в Ереван для выполнения задач по охране общественного порядка. При нем там вводили комендантский час, начинали борьбу с массовыми хулиганскими проявлениями, переросшими позже в кровопролитие.

В первый же день, узнав о трагедии в Спитяке, внутренне содрогнулся. А потом был форсированный марш на помощь попавшему в беду городу. Расстояние в шесть километров его подразделение преодолело почти шесть часов, так сильно забита оказалась дорога машинами. Не успели прибыть на место катастрофы, как кинулись руками разбирать завалы, вытаскивать полузадушенных людей. Даваясь слезами от своего бессилия перед грозной стихией, снова и снова бросались на каждый слабый крик, стон, на каждую надежду спасти хотя бы еще одного живого человека. И в мыслях не было интересоваться, какой национальности несчастный.

Но наряду с горем и страданиями пришлось лицом к лицу столкнуться с человеческой подлостью и расчетливым коварством. Охраняли одно время базу «Райпотребсоюза» и мастерскую пошива галантерейных изделий. Здания были полностью разрушены, а готовая продукция и сырье лежали на земле, прямо под открытым

небом. Приходит раз мужчина-армянин. Представляется главным инженером данного предприятия, показывает свои документы. Потом просит: двоим его рабочим нужно срочно помочь—люди остались без крова, элементарной одежды и обуви. Договорились, что те придут вечером и им дадут небольшой рулон войлока для утепления временного жилья, а также две пары сапог. Николаю Васильевичу пришлось вскоре отлучиться по служебным делам, и он не забыл поставить задачу сержанту Литвину обеспечить решение данного вопроса. А когда вернулся, то узнал: приезжали двое армян на «Жигулях» и, ссылаясь на разрешение офицера, пытались спешно загрузить машины тюками дорогостоящей импортной кожи и другими материальными ценностями. Бдительный сержант задержал мародеров и передал в руки сотрудников милиции.

Многое увидел и понял старший лейтенант Наумкин за тот месяц в Спитаке. Не делил он тогда, да и теперь не делит людей по национальному признаку. Критерий для офицера всегда один: каждый должен оставаться при любых обстоятельствах Человеком. Потребовалось, и он с риском для собственной жизни спасал армян, извлекая их из развалин. Недосягаемая и недосягаемая охранял их добро. А когда видел, как воруги пытались нажиться на чужом горе—без колебаний хватал их за руку, решительно восставал против беззакония. И не думал даже выяснять, кто бандюга по национальности. Ибо преступник во все времена был и остается явлением наднациональным и надклассовым.

Сейчас с полным основанием можно утверждать: офицерскую судьбу для себя Наумкин-младший выбрал твердо и на всю жизнь. Срочную службу проходил в конвойном подразделении. Перед самым увольнением в запас отличился при задержании бежавшего осужденного. Тогда подал рапорт с просьбой оставить его на сверхсрочную. Школа прапорщиков, полтора года выполнял обязанности начальника караула. Затем учеба в Саратовском высшем военном командном Краснознаменном училище имени Ф. Э. Дзержинского МВД СССР. За шесть лет уверенно преодолел путь от командира взвода до комбата части особого назначения. Не было случая, чтобы ловчил, прятался за чужие спины, искал обходных, легких путей на офицерской дороге. Всегда торил ее упорно, словно целину. И каждая командирская верста капитана Наумкина обильно сдобрена его трудовым потом.

Не может пожаловаться, что обойден поощрениями. Когда в прошлом году побывал в отпуске у родителей, отец сразу заметил на его кителе свежую колодочку.

— Смотри-ка, мать, Колька уже и медаль «За боевые заслуги» получил,—отметил с явным одобрением. И тут же почитал нужным уточнить:—А за какие такие сражения дали?

— Ладно, батя,—попытался отшутиться сын,— раз наградили, значит, заслужил.

Скромность—тоже одна из фамильных черт Наумкина. Не привык он козырять своими достижениями, требовать в счет их для себя особых привилегий.

— Вот и домашнего телефона у нас нет, у одних во всем подъезде,—посоветовала Нина при нашей последней встрече.— Сколько прошу, Коль, похлопочи, тебе ж положено. Да и мне он совсем не роскошь, постоянно одна остаюсь с ребенком, пока ты по командировкам мотаешься. Так нет, отшучивается: дескать, не пошла пока очередь.

Слушал верную подругу боевого комбата и невольно вспомнил конец прошлого года. Тогда на общем собрании офицеров капитану Наумкину вручали, кстати, первому во внутренних войсках, удостоверение, памятную медаль и денежную премию в сумме пятисот рублей Московской ассоциации писателей-криминалистов. Так были отмечены высокий профессионализм, личное мужество и отвага Николая Васильевича в борьбе с преступностью. Потом в кулуарах принимал поздравления товарищей и все повторял: «Почему мне? Есть же у нас в части другие, более достойные...»

Как не понять реакцию офицера. При его весьма скромной зарплате такие деньги—целое состояние для неработающей Нины, которая с трудом сводит концы с концами в семейном бюджете.

И еще подумалось: сейчас, когда на каждом шагу создаются многочисленные благотворительные фонды, как важно, чтобы материальная помощь распределялась справедливо. Чтобы получали ее те, кто действительно заслужил это по праву и кто в ней наиболее остро нуждается.

О МНОГОМ переговорили мы с Николаем тем морозным январским вечером. И когда уже я собирался откланяться, случайно обратил внимание на цветное фото капитана Наумкина, стоявшее на шкафу. Беспристрастный объектив запечатлел мужественный облик офицера в камуфляже спецназовца. Волевой поворот головы, немного грустные глаза. Перехватив мой взгляд, Нина пояснила происхождение снимка.

— Это в прошлом году, в Карабахе. Как улетели наши, так месяц за месяцем ни слуху ни духу. Извелась аж вся. Собрались мы тогда, жены офицеров, и к начальнику политотдела подполковнику Енягину: где там наши мужья; что с ними? Спасибо, Владимир Николаевич оперативно сработал—послал фотографа, тот побывал во всех точках, на заставах горных. А вскоре нам карточки привезли—смотрите, не волнуйтесь, все живы.

Вот ведь какое дело—фото мужа в качестве свидетельства, что, дескать, жив на той войне необъявленной и других людей собой прикрывает от смерти.

А в Вильносе «фашистами» называли. За что же так? Обидно.

Подполковник А. ДРОГНЕВ.

«И ТЕПЕРЬ ХРАНЮ СВОЮ ПАРАДКУ...»

Мне, бывшему воину внутренних войск, больно читать, как чуть ли не во всех смертных грехах «желтая пресса» обвиняет наших солдат. Это их-то, кто

первым приходил на помощь людям в Армении, Азербайджане, Молдове, в Узбекистане и Киргизии! Кто, не щадя своей жизни — и это не красивые

слова, — выполнял свой воинский долг. Должна же быть какая-то ответственность за необъективность, откровенную ложь и клевету. Я считаю кощунством, когда поливают грязью тех, кто идет под пули ради спокойствия народа.

Да, проблем и недостатков, как, кстати, и повсюду сегодня, хватает и во внутренних войсках, но надо же писать обо всем объективно!

Я два года отслужил в войсках правопорядка и никогда не считал, что эти годы прошли для меня даром. Армия многому научила меня. И теперь храню свою парадку так же, как храню воспоминания о службе, о своих боевых товарищах.

**Сержант запаса
З. Юлдашев.**

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Выражаю мою глубокую благодарность товарищам мужа, особенно командиру роты Игорю Михайловичу Баженову. Они не оставили меня и двоих моих детей в несчастье одних, взяли на себя все горестные хлопоты, помогли и в жилищном вопросе. Желаю им всем здоровья и успехов в службе!

**Т. Комарова,
вдова прапорщика.
г. Курган.**

* * *

В нашем лесном подразделении состоялась очередной слет солдатских матерей. Причем на этот раз

мы пригласили к себе в гости и всех мам поселка, чьи ребята служат сейчас в армии, на флоте или готовятся стать в ратный строй.

Встреча, по отзывам солдат, сержантов, удалась на славу. Ну а родители, приезжавшие к нам из Литвы, Армении, Грузии, Казахстана — короче, из разных уголков страны, — в один голос заявляли, прощаясь: «Уезжаем со спокойным сердцем, за сына теперь душа не болит».

**Подполковник
Р. Дамиров,
командир батальона.**

* * *

Люди фронтового поколения, кто вступил в Коммунистическую партию в тяжелое для страны время, и сегодня сохраняют верность социалистическому выбору. Мы его отстаивали в бою. Нам нужно отстаивать его сегодня. Необходимость в этом чувствую, когда из передач радио и телевидения, из прессы узнаю о призывах некоторых сограждан перечеркнуть прошлое нашей страны. Наверное, такие люди слабо представляют то прошлое.

**Н. Мишин, ветеран
партии, войны, труда,
Вооруженных Сил.
г. Черныгов.**

«ОРКЕСТР САВИЦКОГО»

Так уж получилось, что город Грозный с годами растерял некогда богатые традиции духовой музыки. До минимума сократилось количество духовых оркестров, дефицит исполнителей испытывает даже симфонический оркестр Чечено-Ингушской государственной филармонии, сокра-

тилось число учащихся духовых отделений музыкальных школ и училищ.

В этой нелегкой ситуации была предпринята попытка возрождения духовой музыки. Одна из форм ее популяризации — концерты духовых оркестров в парках, скверах, на площадях города. Желанным

гостем в нашем городе стал духовой оркестр Нской войсковой части внутренних войск, возглавляемый военным дирижером старшим лейтенантом Виталием Савицким. В репертуаре оркестра марши и старинные вальсы, современные мелодии. По душе пришелся грозненцам «Оркестр Савицкого».

**И. Шаулов, зав. отделом
культуры Грозненского
горисполкома.**

213

ПОЛЗАРПЛАТЫ ЗА ПРОЕЗД

С нового года у нас в Литве подорожал проезд на общественном транспорте. Один билет для проезда городским автобусом или троллейбусом стоит теперь 15 копеек, т. е. в че-

тыре раза дороже, чем было. Более чем в два раза дороже приходится платить за проезд пригородными и междугородными автобусами. Если раньше транспортные расходы на дорогу —

а живу я в двадцати километрах от части — были ощутимы на семейном бюджете, но терпимы, то теперь просто разорительны. Ведь вместе со мной на работу ездит и моя жена. К сожалению, когда повышали цены на проезд, как не спрашивали.

Прапорщик А. Дашко.

ОТ РЕДАКЦИИ. Как сообщили нам в финансовом отделе ГУКВВ МВД СССР, в связи с повышением цен на продукты питания, одежду, обувь и т. д., расценок за услуги, в том числе транспортные, с 1 марта 1991 года офицерам, прапорщикам и военнослужащим сверхсрочной службы повышены оклады денежного содержания на 90—130 рублей, увеличены размеры денежной компенсации за продовольственный паек. В этом же месяце им выплачена упреждающая компенсация дополнительных расходов, вызванных изменением розничных цен за апрель в размере 80 рублей. А с 1 мая эта компенсация будет включена в оклад денежного содержания. Хорошо это или плохо!

С одной стороны — хорошо. Любой добавке к зарплате кормильца в семье военнослужащего рады. С другой стороны — цены сегодня растут, как правило, «в», а вот денежное содержание военнослужащим увеличивается, как правило, «на». А это значит, что с каждым днем люди военные все ближе и ближе к роковой черте бедности.

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

ТУБЕРКУЛЕЗ ДЛЯ ВСЕХ. А ЛЬГОТЫ?

В одном из номеров вашего журнала было опубликовано письмо прапорщиков-контролеров, осуществляющих надзор за осужденными, больными туберкулезом. Там, в частности,

шла речь и о предусмотренных для них льготах: повышении на пятнадцать процентов должностных окладов и отпуск 45 суток. Хотелось бы узнать, распространяются ли ука-

занные льготы на нас, военнослужащих, выполняющих служебно-боевые задачи в составе плановых, сквозных и судебно-следственных караулов. Нам ведь тоже приходится по роду службы общаться с больными туберкулезом (и в открытой форме тоже).

Лейтенант В. Радевич.

Прокомментировать письмо мы попросили заместителя начальника финансового отдела ГУКВВ МВД СССР полковника М. САБАНОВА:

— В соответствии с приказом министра внутренних дел СССР должностные оклады повышаются на 15 процентов только контролерскому составу, осуществляющему надзор за осужденными и лицами, находящимися под стражей в порядке меры пресечения, больными туберкулезом и содержащимися в ИТК (отделениях), участках, тюрьмах, следственных изоляторах, больницах, учебно-производственных и лечебно-трудовых мастерских, специально созданных для содержания и трудового использования больных туберкулезом. Обязательное для повышения оклада условие — заниматься охраной осужденных, больных туберкулезом, лица контролерского состава должны не менее 50 процентов месячной нормы служебной нагрузки.

Очередные отпуска продолжительностью 45 суток (см. Положение о прохождении воинской службы прапорщиками) предоставляются военнослужащим-контролерам, старшим контролерам и командирам взводов при исполнении ими обязанностей по осуществлению надзора за осужденными, больными туберкулезом.

На офицеров и прапорщиков, выполняющих служебно-боевые задачи в составе плановых, сквозных и судебно-следственных караулов, эти льготы, увы, не распространяются. Вопрос не раз поднимался на различных уровнях, но своего решения пока не нашел — каких-либо руководящих документов на этот счет к нам не поступало.

ОТ РЕДАКЦИИ. Для того, чтобы заболеть туберкулезом, не обязательно общаться с больными осужденными не менее 50 процентов месячной нормы служебной нагрузки. И произойти это может не только в «зоне», но и в спецвагоне, и зале суда — везде, где есть возможность контакта с туберкулезными больными. Тогда почему такая дискриминация! Вопрос адресуете компетентным товарищам из соответствующих служб МВД СССР.

ВЫЗОВ

НАМАНГАН — город в стране известный. Прекрасные ароматные яблоки, о которых еще в песне поется, снискали ему славу. На базаре тех яблок уйма, но не лежала к ним душа, несмотря на обещания бойких торговцев снизить цену для гостей. Ни к чему душа не лежала.

В тот день «черный тюльпан» унес из Намангана пять цинковых гробов. Память настойчиво возвращала к скорбным минутам прощания с погибшими воинами.

С трудом верилось, что это было наяву, а не в страшном сне.

«...Его сожгли заживо. Долго били, топтали ногами. Вдруг один из толпы взял тряпку, пропитанную бензином, и стал выжимать на лежавшего солдата. Чиркнул спичкой... Рядовой Холод — кажется, это был он — корчился, взмахивал руками. Кричал страшно, звал на помощь. Потом затих...» Это рассказ рядового Бахтияра Хаитова, ставшего случайным свидетелем жуткой расправы.

Судмедэкспертиза подтвердит: Григорий Холод скончался от ожогов.

Рядовой Юрий Стасевич сгорел в подожженном автобусе.

Рядовые Юрий Биян и Сергей Крылов растерзаны толпой.

Это чудовищное преступление совершено 2 декабря 1990 года в центре Намангана.

БЫЛ теплый воскресный день, многие подчиненные майора В. Тезикова находились в увольнении. Первом увольнении после длительного пребывания в Ошской области. Знать бы офицеру, чем оно обернется, трижды бы приказал: личному составу за КПП — ни ногой. Жаль, не дано нам заглядывать в будущее. Однако прогнозировать последствия своих решений с учетом общественно-политической ситуации, оперативной обстановки в месте дислокации командир обязан, как говорится, по долгу службы.

Увы, майор Тезиков не придал значения тому, что вокруг военных начли сгущать-

ся тучи. Накануне в Наманган привезли гроб с телом моряка-тихоокеанца. Он погиб в результате несчастного случая. Но кто-то свил липкую паутину слухов: «В России убивают узбеков». Такой была психологическая атмосфера за высоким забором военного городка, когда подписывались увольнительные записки.

Рядовые Ю. Биян, С. Крылов, Ю. Стасевич, Г. Холод, И. Гаязов и С. Козоброд из небогатого набора развлечений почему-то выбрали ресторан. Потом за это ухватятся как за отягчающее обстоятельство: пьяному море по колено, вот и забыли ребята строгие восточные традиции, полезли на

рожон. Ничего подобного и в помине не было. На всю компанию заказали одну бутылку водки. Это и судебно-медицинская экспертиза подтверждает: один из убитых находился в средней степени опьянения, двое — в легкой.

Вообще весь эпизод с рестораном можно вычеркнуть как несущественный. Даже если бы и повели себя солдаты некорректно — неужто лишать их жизни за это? Но, похоже, кое-кого такая чудовищная логика нисколько не смущает.

Подчеркнем: ни одной вызывающей нотки не было в поведении воинов. Но повод для конфликта всегда можно найти, если задаться такой целью.

Не успел автобус, в который сели солдаты, тронуться с места, как на Холода набросился с бранью один из местных парней: «Эй, чего расселся? Ну-ка, встань! Не то...» Агрессивный тон подхватили другие пассажиры. Григорий был не из тех, кто молча сносит оскорбления. «Мы же вас, узбеков, в Узгене защищали. За что вы к нам так?» — упрекнул он обидчиков. В ответ на него набросились с кулаками.

Водитель остановил «пазик» напротив универмага, не доехав до остановки. Вмиг образовалась огромная толпа, вспоминают чудом оставшиеся в живых И. Газзов и С. Козоброд. Под улюлюканье и вопли юнцов началась дикая расправа.

В донесении командующему внутренними войсками МВД СССР говорится, что, выехав к месту происшествия, командир увидел у автобуса толпу численностью 1,5 тыс. человек. Попытки приблизиться к автобусу оказались безрезультатными. Майор В. Тезиков принял решение о выделении части личного состава для освобождения подчиненных.

В 19.00 военнослужащие, оснащенные резиновыми палками и щитами, ушли к универмагу. К тому времени толпа увеличилась до 3,5 тыс. человек, оттеснить ее от автобуса не удалось. Со стороны магазина, где была рассредоточена местная милиция, раздались автоматные очереди.

В этой обстановке майор В. Тезиков решил вызвать дополнительные силы. В 20.00 воины были на месте происшествия, и снова экипированные лишь табельными средствами защиты. Однако через 30 минут они были вынуждены вернуться в военный городок за оружием. Получив автоматы и боеприпасы, военнослужащие поспешили к месту происшествия. Путем активных действий удалось оттеснить бесчинствующую толпу от горящего автобуса. Возле него находились 4 трупа, в том числе 2 обгоревших.

Побоище продолжалось до позднего вечера. Получив тяжкие травмы, скончался рядовой К. Федоров. Пятеро военнослужащих попали в реанимацию. Более восьмидесяти солдат и офицеров обратились за медицинской помощью по поводу ранений, многие госпитализированы. Погибли трое гражданских. Таков печальный финал намаганской трагедии.

ВЕРСИЯ местного руководства: поводом для драки послужило якобы то, что пьяные солдаты начали приставать к девушке, а также потребовали изменить маршрут автобуса. В общем, как заявил министр внутренних дел Узбекистана В. Камалов, «первыми повели себя неправильно военнослужащие». А вот мнение заместителя председателя кабинета министров республики И. Джурабекова, возглавлявшего правительственную комиссию: произошел обычный бытовой конфликт.

О времена, о нравы! Выходит, заживо сжечь человека — все равно что устроить склоку на кухне коммуналки. Интересно, при вынесении приговора убийцам тоже будут руководствоваться этой «оценочной шкалой»?

Если конфликт носил бытовой характер, то есть вспыхнул стихийно да еще по вине солдат, откуда взялись камни, в течение двух часов летевшие в воинов плотным градом, арматурные пруты, дротики из сварных электродов — явные признаки заранее подготовленной и спланированной акции?

А чем такой факт прикажете объяснить? Днем 2 декабря начальник УВД попросил майора Тезикова подготовить 150 солдат для пресечения возможных беспорядков: на рынке возникла взрывоопасная ситуация.

Есть также данные о том, что неизвестные лица ходили по махаллям, призывая людей собираться на улицах.

Невооруженным глазом было видно: обстановка в городе накалялась. Но никто не принял действенных мер для предотвращения взрыва. Теперь звучат циничные заявления, обвинения в адрес военнослужащих. Ясное дело, кому охота признавать бессилие (или намеренное бездействие?) правоохранительных органов?

Но больше всего поражает другое: ни один руководитель не выразил публичного соболезнования родным и близким убитых воинов, не попытался дать нравственную оценку случившемуся. Вместо этого — попытки сбить с толку общественное мнение, сыграв на деталях, отвести его от главных мотивов расправы над солдатами.

Было уже такое. «Стакан клубники на базаре». Помните? Между тем все еще не найдены организаторы событий в Фергане, Оше, Паркенте. С огромным трудом идет процесс расследования варварских преступлений. Не обещает он быть гладким и в Намангане. Здесь под давлением толпы задержанных участников массовых беспорядков отпустили на свободу. На поруки родителей и общественности. По этому поводу И. Джурабеков на пресс-конференции дал следующие разъяснения: «Это были 15—16-летние дети. Маленькие еще дети, не большие. Их вообще не имели права задерживать...»

Для справки: из 27 отпущенных «под родительский надзор» лишь пятеро школьного возраста, остальным 20, 25, 30 лет...

Что и говорить, упрямая вещь — факты. Каким боком ни поворачивайся, а белые нитки, коими шита версия о стихийно вспыхнувшем бытовом конфликте, — на виду.

Выступая на XXII съезде Компартии Узбекистана, президент республики И. Каримов провел такую линию. Перед XXVIII съездом КПСС начались ферганские события. Накануне первого этапа XXII форума узбекских коммунистов произошли печально известные столкновения на межнациональной почве в Ошской области Киргизии. И вот теперь Наманган... Спрашивается, случайно ли это? Видимо, кто-то стоит за этими бесчеловечными акциями.

Кто? Будем надеяться, правоохранительные органы, несмотря на оказываемое сопротивление, установят имена и цели сценаристов и режиссеров кровавой трагедии. Но пока не наступил долгожданный момент истины, попробуем выстроить альтернативную версию событий.

Наманганская трагедия вновь заставляет задуматься о существовании в Фергане организованной силы, которая использует националистически настроенную молодежь для достижения политических целей.

В июне 1989 года Наманган, как известно, не присоединился к бесчинствам и зверствам, потрясшим Ферганскую долину. Отчего бы не предположить, что это вызвало недовольство у вдохновителей массовых беспорядков? А возможно, здесь имела место и такая логика: наманганское звено, по замыслу местных «хозяев жизни», в назначенный срок наращивает цепь кровавых акций, знаменуя новый этап активности на невидимом фронте борьбы за власть. Но в этот раз роль приговоренных к растерзанию и сожжению была отведена солдатам внутренних войск.

Почему именно они оказались в поле действия скрытых сил, формирующих в сознании обывателя образ «врага»? Ключ к ответу найти не сложно. Внутренние войска спасали турок-месхетинцев. Достаточно было шепнуть податливой на всевозможные уловки молодежи: присланные центром солдаты обошлись, мол, жестоко с узбекскими парнями, — и вот уже готова критическая масса для цепной реакции, в глазах одурманенных юнцов защитники «врагов» становятся такими же «врагами». А

далее — по старому сценарию. Так, расшатывая и без того шаткие устои власти, укрепляют свое положение исповедующие принцип «чем хуже — тем лучше».

В контексте сказанного особое звучание приобретает одна деталь. Утром 3 декабря майор В. Тезиков получил письмо за подписью председателя облисполкома С. Ташпулатова, в котором содержалось требование срочно передислоцировать личный состав за пределы области. «При невыполнении этого требования, — говорится в письме, — возможны инциденты с непредсказуемыми последствиями, за что будете нести персональную ответственность. Транспорт подготовлен к выезду в 07.00.03 декабря сего года».

Такой вот неприкрытый ультиматум командиру. Он, словно проявитель, превращающий белый лист в фотографию, обнажает истинный смысл некоторых фактов, связанных с пребыванием военнослужащих внутренних войск в Намангане.

Становится, к примеру, ясно, почему за последние месяцы прекратилось финансирование и материальное обеспечение работ по благоустройству военного городка. Бытовые проблемы воинов местному руководству были просто «до лампочки». Какое тут благоустройство, если представители власти только и ждут момента, чтобы выдворить их из области.

Можно посмотреть на «грозную» депешу и в другом свете. Как на дипломатичную интерпретацию угроз и оскорблений, постоянно звучащих в адрес солдат, семей офицеров и прапорщиков.

КОНЕЧНО, было бы верхом несправедливости отождествлять кучку подонков с добрым и щедрым узбекским народом. Ведь не кто иной, как местные жители, спасли рядовых Козоброда и Гаязова. Директор молодежного центра А. Джуреев привез в реанимацию Костю Федорова и сдал для него кровь. Заведующий отделением анестезиологии и реанимации областной больницы Б. Пузалов сутки не отходил от раненых солдат.

Народ осуждает убийц. Но одним осуждением не остановить развития антиармейских настроений, коль сам председатель облисполкома пытается поставить военнослужащих в положение, очень напоминающее бегство (вообразите, они покидают Наманган, и тут же по городу расползаются слухи: проучили военных, теперь они ноги уносят — значит, виноваты). А с какими чувствами провожало бы воинов русскоязычное население!

Утверждают, что в наманганской трагедии признаков межнационального столкновения нет. Избивали, забрасывали камнями всех одетых в форму, независимо от национальной принадлежности. Все это так. Но давайте не будем поспешно отрицать связь кровопролития с проблемами межнациональных отношений.

— Экстремисты поставили перед собой

218

цель унижить, оклеветать военнослужащих, заставить командование вывести войска из региона. Еще бы, наши подразделения препятствуют дестабилизации обстановки, обеспечивают общественный порядок, безопасность граждан всех национальностей. Стоит нам только выйти из Ферганы — в Россию хлынет новая волна беженцев. — поделился своими мыслями генерал-майор Е. Нечаев, заместитель начальника Политуправления внутренних войск МВД СССР.

Причины? Говорят, русскоязычное население активно включается в перестроенные процессы, показывая пример узбекам. А местные «боссы» пуще всего на свете боятся пробуждения народа. Им нужны покорные, забытые трудяги. Вот и сеют зерна вражды, дабы реже задумывались люди о позоре своего несправедливого существования.

Впрочем, это из области предположений. Вернемся к реальности, ее суровым урокам.

В ноябре 1990 года состоялась встреча М. С. Горбачева с народными депутатами —военнослужащими. По Центральному телевидению выступил с заявлением министр обороны. Прозвучало требование о необходимости принять меры по защите чести и достоинства, жизни и здоровья военнослужащих и членов их семей. При насилие и вооруженных нападениях на воинов даны указания применить оружие. Как знать, не является ли зверская расправа с солдатами в Намангане вызовом людям, присягнувшим на верность Отечеству. Проверкой готовности личного состава защитить граждан и себя от насилия. Попыткой втянуть войска в крупномасштабный конфликт с применением оружия.

Если иметь в виду провокацию, то она провалилась. Войска не привели в действие свой арсенал, проявили выдержку и гуманность. А вот с организацией спасения попавших в беду солдат, обеспечением активной самозащиты... Обратимся еще раз к донесению командующему:

«...В ходе пресечения массовых беспорядков участники бесчинств пытались расправиться с солдатами, жестоко избивали их металлическими прутьями, забрасывали камнями...»

Скупые строки документа. Трудно без боли и горечи читать их. Но еще горше было слушать рассказы солдат и офицеров. О том, как озверевшие молодчики, пользуясь численным превосходством, рассеяли военных и милиционеров. Как спасались солдаты от преследователей. Рядовой Хаитов спрятался в кабине пожарной машины (оттуда и увидел, как заживо сожгли Холода). Командира взвода спецназа (1), за которым погналась толпа, укрыли местные жители...

Только с прибытием вооруженного подразделения удалось частично взять ситуацию под контроль. Несколько очередей поверх голов быстро остудили агрессивный пыл толпы. Но время было упущено...

— Мы допустили тактическую ошибку, — считает лейтенант В. Мухин. — Следовало

без колебаний брать с собой оружие, хотя б спецназу. Стреляя вверх, быстро сумели бы рассеять толпу и спасти ребят. Своими глазами видел из бэтэзера, как одного из них, еще живого, забивали камнями. Пытались втащить его через боковую люк, но толпа, отступая от наезжавшей машины, волокла по земле свою жертву, а у нас было слишком мало сил, чтобы прорваться сквозь плотное кольцо.

В сложившейся ситуации проявлена растерянность, неорганизованность в управлении подразделениями. Силы и средства к выполнению внезапно возникающих задач подготовлены не были — такой вывод сделан в приказе командующего внутренними войсками.

НАВЕРНОЕ, у каждого из нас в крови эта проклятая боязнь «переборщить». Никак от нее не избавиться. То «тбилисский синдром» заставляет быть не в меру осмотрительным, то антиармейская истерия психологические барьеры возводит. А главное, нет механизма правовой защиты военнослужащих, сотрудинок милиции на тот случай, если в чрезвычайной ситуации использованы слишком крутые меры. Преступный мир давно вышел на тропу войны, а мы все еще от синдромов лечимся: «как бы чего не вышло». Нет, на войне как на войне!

— Помогите отстоять нашу честь! — с болью говорил старший лейтенант И. Гончарук, раненный в том бою. — Чтобы все знали: безнаказанно нападать на солдат никто не позволит.

Наболело... К счастью, крик души молодого офицера и тысяч таких, как он, ветеранов горячих точек, находит живой отклик в верхах.

«Буду делать все возможное, чтобы сотрудники МВД чувствовали свою защищенность, — заявил министр внутренних дел СССР Б. Пуго. — Пока этого нет. Дикий случай расправы с солдатами внутренних войск — ярчайшее тому подтверждение. Такое нетерпимо. Работник правоохранительных органов должен быть лицом неприкосновенным».

Хорошо бы к золотым словам министра да охранную грамоту державную солдатам правопорядка. Иначе так и будут в ответ на преступный вызов звучать лишь редкие залпы газетных строк. Не в этом ли главный урок наманганской трагедии?

**Подполковник Ю. КИСЛЫЙ
наш спецкор**

НЕ НАХЛЕБНИКИ, А ХОЗЯЕВА

ТО, ЧТО видят читатели на цветной вклейке журнала — это, поверьте, сюжет, не надуманный нашим фото корреспондентом. Хотя у кое-кого может возникнуть сомнение — вышел же сразу после окончания Великой Отечественной красочный фильм «Кубанские казаки», шокировавший полуголодную, полуразутую страну изобилием продуктов и чуть ли не райской жизнью колхозников.

К счастью, подобные «пропагандистские» приемы все реже встречаются в средствах массовой информации, на подмостках театров и на киноэкранах. Вот и мы, чтобы на фоне пустых прилавков наших магазинов ни у кого не появилась мысль о «нежизненности» фоторепортажа, прокомментируем его словами людей, непосредственно причастных к уникальному подсобному хозяйству подразделения.

— В конце семидесятых годов, когда я принял батальон, в этой роте было неплохое хозяйство, — вспоминает подполковник запаса И. Герасимчук. — И все же возможности оказались далеко не использованными. Прикинули: подразделение — на краю города, значит, с выпасом коров дело худо. Зато немало пищевых отходов в городских и учрежденческих столовых пропадает. Почему бы нам не расширить свинарник? Расширили, кроме того, завели кур, кроликов. И уже больше десяти лет рота не получает мяса из государственных ресурсов. Ни килограмма!

— Вообще-то роте везет на командиров с хозяйской жилкой, — дополняет рассказ политработник

майор П. Булига. — Нынешний ее командир капитан В. Носенко долго служил в таежных гарнизонах. И когда оказался на Украине, вдосталь утолил свою жажду поработать на щедрой земле — поднял запущенный сад, что рядом с военным городком. Нашел участок земли для огорода — там сейчас выращивают капусту, корнеплоды.

И еще интересную деталь подметил в разговоре политработник: редкий найдется солдат или офицер, кто сам не захотел бы приложить руки к ротному хозяйству.

Офицер, к примеру, возвращающийся с проверки караулов, обслуживающих суды, непременно по пути заедет в городскую столовую и уточнит, когда можно будет забрать пищевые отходы. Понять его просто: к празднику он сможет купить в роте парное мясо.

Солдату же работа в саду или на огороде позволяет эмоционально разрядиться после напряженной и утомительной службы. Не случайно подразделение считается наиболее благополучным по состоянию дисциплины, а его коллектив — крепким, сплоченным.

И в заключение короткого рассказа о подсобном хозяйстве приведем цифру: на одного довольствующегося воина здесь производят продукции почти на 300 рублей. И вряд ли в войсках найдется воинский коллектив, который вышел бы на такие показатели.

Полковник В. УСКОВ.

216

КОНВОЙ- СЛОВО ВОЕННОЕ

Процесс обновления и нравственного очищения некоторые нынешние популярные издания понимают своеобразно. По их логике — чем больше грязи, так называемой «чернухи», на страницах, тем скорее придем к всеобщему просвещению.

В ряду излюбленных тем оказалась пресловутая «жизнь зоны». Причем, ратуя за гуманизацию всей внутренней жизни исправительно-трудовых учреждений, авторы многих публикаций берутся походя рассуждать и о службе солдат, выполняющих задачи конвойной службы. Создавая (волей или неволей) ореол мучеников вокруг преступников, эти авторы низводят государственную службу во внутренних войсках до «повинности низшего сорта».

Вот и «Огонек» (1990 г., № 33) в который уже раз прошелся по «зоне».

Н А ЗАКАТЕ ЛЕТА воздух в этой чашеобразной долине напоминает густой напиток, настоящий на терпкой полыни, седом ковыле и прохладной голубизне высокого августовского неба. Тишина стоит — невероятная. И только изредка всплеснет ее реактивный раскат взлетающего «Ил-86»-го или же менее громогласных «Ту», «Яков» и «Аннушек», торящих свою небесную дорогу. Неподдалеку — местный аэропорт, где в тугой узел переплетаются пути и судьбы тысяч людей.

Не менее тесно сплетены они и еще в одном месте, находящемся всего в нескольких километрах от взлетной полосы. Место это обнесено прочным забором и колючей проволокой, через сотню-другую метров воткнуты в землю пики караульных вышек с часовыми на их острие. Официально оно именуется исправительно-трудовой колонией общего режима.

8 ночь с 16 на 17 августа колония взорвалась изнутри. Спичкой, поднесенной к бикфордову шнуру, послужила потасовка между несколькими осужденными в швейном цехе промзоны. Вскоре конфликт вылезнул наружу и, подобно напалму, начал растекаться по всем закуткам. Массовые беспорядки превратились в массовое побоище, в самый натуральный погром. Люди с определенным усилием, применю это слово, остервенело били друг друга арматурными прутьями и ломami, всем, что попадалось под руку, выбрасывали из окон второго и третьего этажей. Жгли вышки и другие постройки, сметали все на своем пути. Венцом ночной оргии явился захват штрафного изолятора (ШИЗО) и освобождение находившихся там братьев.

Чтобы рассказ был более беспристрастным, дополню его выдержками из письма некоего Пашки (фамилия не установлена); обнаружено оно было 18 августа старшим сержантом Э. Шлетом во время неудавшегося перебреса. Стиль автора сохраняю: «Ох, и ночь была, не приведи, господь,

ДУБЛИСТУЖА

еще раз такую заваруху пережить. Убиззли в прямом смысле, сколько трупов, пока еще не известно, даже менты не знают точно. Били-то безжалостно, озверело — палками и арматуринами, ломанами и табуретками. Человек пятьдесят унесли за забор вообще не понять каких: то ли это человек, то ли просто груды мяса (носили на одеялах). Еще столько же покалечили: переломали ноги, руки, позвоночники. Трупы никто не убирал, валялись по всему лагерю...»

Что касается трупов, то здесь анонимный автор письма малость загнул. Ни один из пострадавших не скончался ни в ту «варфоломеевскую» ночь, ни потом. Но во всем остальном он близок к истине.

К ЧЕМУ ИЗЛАГАЮ такие страсти? Да к тому, что неадекватность уже порой становится баракаться в бурном и не всегда чистом потоке газетных и журнальных статей, проповедующих «толстовщину» по отношению к нашим многонеуважаемым согражданам, находящимся за решеткой или же за колючей проволокой. Ах, какие печально-грустные глаза осужденных крупным планом смотрят на нас со снимка Владимира Ефимова («Огонек», 1990, № 7). Или вот еще: «Вагоны с решетками грохочут по нашей стране почти столько, сколько существуют железные дороги. То тише, то громче. В проклятое царское время злодеям подавали захудалые пассажирские вагоны 4-го класса, забрав их окна узорчатый железом. Когда художник Ярошенко в те годы написал картину «Всюду жизнь», зрители возле нее рыдали: им было жутко глядеть, как несчастные узники простирали на волю руки и кормили птиц.

От таких душевных мук заточенных пассажиров избавила новая власть...»

Читая эти строки из публикации Георгия Рожнова «СВ: спецвагон» («Огонек», 1990, № 7), и впрямь хочется зарыдать. Но не от умиления, да простит меня автор, а от того, что давней той картиной, выставив напоказ руки тех узников, кормящих птичек, прикрыл он другие, зачастую по локоть в крови. Руки уже «нашенских» грабителей, бандитов и убийц. А задумался ли автор над тем, что прежде чем упрятать эти руки за железную стенку спецвагона, кому-то пришлось, рискуя жизнью, выбить из них нож, кастет или пистолет, разомкнуть их железную хватку на чьем-то горле?

В своей публикации вы рукоплещете по поводу высказанного начальником Политического управления внутренних войск МВД СССР А. И. Гриенко мнения о недостатках в системе конвойной службы. Далее вы уже злорадствуете:

«...Горькая убежденность в том, что конвойная служба, которой мы доверяем охрану преступников, а следовательно, и нашу безопасность, ни того, ни другого в полной мере сегодня обеспечить не мо-

жет». В таком случае, может, вы вспомните исторический промежуток времени в жизни нашей страны или какое-нибудь заморское государство, где побег из-под охраны или конвоя были вовсе исключены.

Проанализировав немало подобных инцидентов, пришел к выводу, что лишь малая толика из них вызвана по вине администраций ИТК и других правоохранительных органов. Остальные же — плод распушенности, вандализма, животных страстей и жестокости самих осужденных.

Утверждая это, я вновь возвращаюсь к событиям в ИТК и, чтобы освежить их в памяти читателя, к письму Пашки «на волю».

«Барак, в котором жили наши козлы, круговую ими же и уложен. Выбрасывали в окна вместе с рамами, а внизу уже добивали до конца ломанами и железными прутьями. Представь себе, Наташка, эту картину: действительно, есть что посмотреть, а потом вспомнить...»

Улавливаете? Почувствовать, посмотреть и вспомнить. На большее мозговые извилины этого человека не способны. Инстинкт стадности? Но давно уже назрел вопрос: из-за чего весь сыр-бор? Администрация притесняла осужденных? Содержались они в нечеловеческих условиях? Да нет же, самый заурядный дележ власти между двумя враждующими группировками. Об этом свидетельствуют и сами события, и последующее их расследование. А события развивались так, что во время побоища во власти толпы оказались контролеры прапорщики Николай Кобяков и Анатолий Чекаев, дрессировщик служебных собак рядовой Александр Еремин и несколько сотрудников колонии. Но ни один волос не упал с их головы. И это говорит не о благородстве осужденных, а о том, что их агрессивность была направлена на разрешение своих, внутренних проблем.

Какие проблемы решались с помощью арматуры и ломов? Об этом я узнал из рассказов начальника ИТК подполковника внутренней службы Г. Бояринаева, его заместителя по оперативно-режимной работе майора внутренней службы В. Сивцова, политработника капитана Н. Иванова и других, кто был свидетелем событий той августовской ночи. Оказывается, это был маленький «дворцовый переворот». Лидеры из блатных одной группировки — осужденные Цыганков, Оганесян, Хайрутдинов, Артюшкин и Шидаков — решили свергнуть других, власть предреждавших. Однако, поскольку авторитетом взять не смогли, кинули провокационный клич: «Мужики, бей блатных и козлов!» «Мужики» (для непосвященных) — основная масса осужденных, которая не входит в блатную элиту, и претерпевает большую часть гонений со стороны последней. Как видим, зерно упало в благоприятную почву, и началась ночная вакханалия...

ИЗ ОБЩЕЙ КАРТИНЫ можно сделать вывод, что далеко не несчастные, отверженные люди изолированы от нашего общества. И не нужно некоторым до-сужим авторам превращаться в зеленых крокодилов, льющих, до поры до времени, пресловутые слезы, одобренные изрядной порцией неоправданной гуманизации.

Теперь, как и обещал, о наболевшем. И хоть проблемы не новы, но, как гласит мудрость: под лежащий камень вода не течет.

Первое — относительно массовых беспорядков в ИТК всех режимов. Конечно, их надо предупреждать. Но коль нарыв созрел — необходимо хирургическое вмешательство. Какое? Сил конвойных подразделений и местной милиции зачастую недостаточно, чтобы идти со взбунтовавшимися один на один. Оружие разрешено применять только в случае побегов, и то со многими оговорками. На территории же зоны — ни-ни! Следовательно, под рукой у охраны и администрации должны быть какие-то другие средства типа слезоточивого газа, водометных установок и т. п.

Далее. Целесообразно ли расположение исправительно-трудовых колоний в непосредственной близости от аэропортов (я не зря упомянул об этом вначале)? Это хорошо, что «война» закончилась внутри зоны. А не дай бог, осужденные, да еще захватив оружие, вырвались бы за ее пределы? Неужели недостаточно нам Якшиянца с его компанией, нерюнгринских авиапиратов и других террористов, так часто в последнее время заставляющих белоснежные лайнеры Аэрофлота менять курс?

Теперь о парнях в краповых погонах с буквами «ВВ», аббревиатуру которых досужие умельцы расшифровывают как «веселые войска». Сразу оговорюсь, что веселого здесь мало. И не потому, что молодые ребята ежедневно, месяцы и годы варятся в одном котле с уголовным сбродом, а в самой системе комплектования. Даже несколько жутковато было читать откровения рядового запаса А. Капустина в газете Центрального управления войск «Зоркий часовой», где он пишет: «Мне пришлось провести на ГСП (городской сборный пункт) 36 часов. Призывная кампания приближалась к своему логическому завершению, здание быстро пустело. У оставшихся, а в основном это были те, кто не пошел медкомиссию в «серьезные войска», нервы были на пределе: стройбат? железнодорожные? внутренние?»

Конечно, ничего нового в этих откровениях нет. Но на определенные размышления они все же наталкивают. Вот здесь я на все сто процентов согласен с Г. Рожновым, который утверждает: «...Общество обделяет этот род войск своим вниманием прежде всего потому, что не вполне отдает себе отчет в том, насколько личное благополучие каждого из сограждан зависит от добросовестности, порядочности и профессионализма солдата, чьи погоны украшены буквами «ВВ».

Согласен и с тем, что введение службы

по контракту — идея насколько заманчива, настолько и утопична. По крайней мере в обозримом будущем, и особенно касательно конвойных частей. Даже если мы положим каждому конвойнику не 300, а 400, 500 рублей, охотников найдется немало. Это мнение не только мое, а десятков тех, кто сегодня несет службу на каравальных вышках.

НО ВЕДЬ МЫ ДЕБАТИРУЕМ, а преступлений от этого меньше не становится, этапы осужденных вновь и вновь пополняют места не столь отдаленные. И все это надо охранять, пресекать, обезвреживать. Где же выход? В свое время Лев Толстой сказал: все великое просто. Так почему бы и нам не пойти по такому пути? Известно, что в комплектовании пограничных войск КГБ представляли этого ведомства принимают далеко не второстепенное участие. А разве служба во внутренних войсках менее важна, чем в пограничных? Так почему бы УВД обл- и крайисполкомов не подбирать загодя кандидатов из числа призывников для дальнейшей службы во внутренних войсках? А затем, по представленным спискам, военкоматы призывали бы их и распределяли по частям войск МВД. И подойти к этому делу не формально, а со всей ответственностью: парней подбирать толковых, физически крепких, морально и психологически устойчивых. Например, из числа спортсменов. Скажете, что от этого «пострадают» ВДВ и ВМФ? Да ничуть. Ведь мы во всеулышание заявили о сокращении наступательных вооружений, значит, высвободившиеся резервы надо направлять именно во внутренние войска.

Да я и не соглашусь никогда с тем, что служба в десанте, будь он морской или воздушный, гораздо важнее, чем охрана нашего с вами покоя. Многие скажут: зато почетней, ведь это — Родину защищать. Ну а военнослужащие внутренних войск, хорошо ли, худо ли (это кому как покажется), ограждая наших сограждан от преступных посягательств целой армии состоявшихся и потенциальных злоумышленников, разве не почетную миссию выполняют? Скажу больше: негоже расхолаживать ребят, которые в большинстве своем честно и добросовестно стоят на посту, куда их определил воинский долг, рассказами о том, что: «безнравственно, преступно, глупо называть конвойную службу армейской, вдалбливать парням, что, сторука преступников, они выполняют свой конституционный долг по защите Отечества».

Даже сугубо штатский человек знает, что «конвой» — это вооруженный отряд, сопровождающий кого-то-нибудь для охраны или предупреждения побега». В словаре так записано.

Безнравственно, преступно и глупо разубеждать солдата внутренних войск в том, что он — человек не военный. Не «ключают» конвойные войска на разглагольствования доброхотов из «Огонька» и К°.

Майор В. ЯСТРЕБА

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

В ОТ уже несколько лет кряду «демократические» средства массовой информации разжигают антиармейские настроения, представляя Вооруженные Силы страны, внутренние войска, КГБ скопищем милитаристских субъектов, которые одержимы только одним: разрушить, развеять в пыль «общечеловеческие ценности», обуздать демократию, совершить военный переворот, установить диктатуру. «Комсомольская правда», «Огонек», «Московские новости», другие газеты и журналы под флагом дискуссии о военной реформе представляют самый профессиональный слой армии — офицеров и генералов — безграмотными дебилами, марширующими под звуки военного оркестра и всегда готовыми подать команду на открытие огня по своему народу.

Что ж, инсинуации «радикальной» прессы понятны: опорочить офицеров, вбить клин неприязни между молодыми и опытными кадрами, размыть извечный принцип существования вооруженной силы — едино-

началие, подорвать веру в армию у народа. И обыватель, к сожалению, поддался на эту провокацию: пишет, клеймит, негодует, готов в вину армии оставить и пустые прилавки магазинов и всю неустроенность нашего бытия. Долгое время люди в шинелях как бы не замечали язвительных укусов «Огонька» и его соратников по плюрализму. Казалось, поймут, утешутся, ведь ни одна страна не позволяет себе обливать грязью своих защитников и держать их, что называется, в социальной нищете. К тому же антиармейские выступления несли на себе печать глубокого непрофессионализма, ерничания, отдавали сенсацией. Вступать в полемику в подобных случаях вряд ли было корректно. А костер неприкрытой ненависти к военным разгорался.

Печатное слово в неправовом государстве все еще трактуется как некий закон, истина, инструкция, призыв к действию. Не потому ли в Прибалтике, Грузии, Молдове стали преследоваться офицеры, прапорщики, их семьи. Им создаются невыносимые

условия жизни и быта. В них стреляют, оскорбляют. В Закавказье гибнут мальчишки в военной форме от рук боевиков и разного рода распоясавшихся экстремистов. В Намангане толпа, наэлектризованная националистическим и антирусским угаром, растерзала пятерых солдат внутренних войск, а двоих из них, облив бензином, сожгла.

В последнее время «Комсомольская правда», «Литературная газета» пытаются вновь отыскать «позорные страницы» из истории армии и внутренних войск, представив их убийцами своего народа. На этот раз всячески муссируются слухи и домыслы вокруг трагических событий в Новочеркасске, происшедших в начале июня 1962 года.

Таким вступлением открыл встречу за «круглым столом» редакции главный редактор журнала полковник Александр Горлов, кандидат исторических наук. В ней приняли участие очевидцы конфликта: Виталий Замула, бывший председатель Новочеркасского горисполкома; Лев Липатов, бывший помощник начальника Политуправления внутренних войск по комсомольской работе; генерал-майор Павел Фалынсков, преподаватель Академии Генерального штаба; генерал-майор юстиции Вячеслав Фролов, заместитель Главного военного прокурора; полковник юстиции Николай Анисимов, начальник отдела Главной военной прокуратуры; подполковник юстиции Александр Третьцкий, военный прокурор отдела ГВП; дофковник Юрий Ражев, заместитель главного редактора журнала «На боевом посту»; Виктор Муратов, член Союза писателей СССР, член редколлегии журнала.

Более года Главная военная прокуратура по поручению I Съезда народных депутатов СССР проводила прокурорскую проверку обстоятельств использования войск Северо-Кавказского военного округа, частей и подразделений внутренних войск с 1 по 8 июня 1962 года и применения ими оружия 2 июня в г. Новочеркасске против демонстрантов и при защите здания горкома партии и горисполкома, горотдела милиции, КГБ и госбанка во время нападения бесчинствующих лиц на государственные и партийные учреждения, а также на газораспределительную станцию. Более сотни военных и гражданских юристов расследовали эти обстоятельства. На встречу за «круглым столом» работники Главной военной прокуратуры привезли 10 томов прокурорской проверки. В каждом томе — по 300 листов. Пять часов шла беседа. Воспоминания очевидцев сменяли документы.

«Мы должны воздействовать на тех, кто не понимает необходимости проводимых партией и правительством мер в интересах народа. Надо, чтобы все правильно поняли, что если не осуществить сегодня такой меры, как повышение закупочных цен на

мясо, а завтра будет такое положение, когда будет ощущаться нехватка этих продуктов, будут очереди за мясом».

(Из выступления Н. С. Хрущева на митинге дружбы советской и кубинской молодежи, 2 июня 1962 года)

«Все мы глубоко понимаем, что в недалеком будущем от упорядочения цен на ряд продуктов выиграет каждый человек, каждая семья, вся Советская страна.

Только самые отсталые люди или рваческие элементы могут рассуждать по-иному... Живем мы сейчас хорошо и знаем, что будем жить еще лучше».

(Из июньских газет 1962 года)

НАЧИНАЛОСЬ С ПОВЫШЕНИЯ ЦЕН

А. ГОРЛОВ: Без фона общественно-политической ситуации в стране и Северо-Кавказском регионе нам, вероятно, не обойтись и не уяснить тот драматический новочеркасский конфликт, который мог вспыхнуть в любой точке Союза. Ныне леворадикальные деятели пытаются навести политический глянец на «отца отпели» Хрущева, но именно при нем усилились и стали неизбежными деформации в нашей экономике. Верным признаком такой деформации было хроническое отставание сельского хозяйства, дальнейший насильственный процесс раскрестьянивания. И в этих условиях руководство решало все проблемы организационными перетрясками и наращиванием капитальных вложений. В итоге хрущевские реорганизации привели крестьянство к окончательному разочарованию, а затраты на подъем сельского хозяйства стали возрастать быстрее, чем его продукция. Его манипуляции с кукурузой, свертыванием угольной промышленности, развалом армии и авантюра построения коммунизма для «нынешнего поколения советских людей» окончательно обострили как саму хозяйственную ситуацию, так и ее восприятие общественностью.

В. ЗАМУЛА: Да, именно это все породило постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1962 года № 456 «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птиц, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное». В пункте 5 этого постановления говорилось о том, что государство несет убытки при продаже населению мяса и мясoproдуктов, а потому с 1 июня повышаются цены в среднем на 30 процентов на говядину, баранину, свинину, колбасы, сливочное масло.

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА: Тогда хоть объявляли о повышении цен. А в нынешнюю эпоху «нового политического мышления» заходишь в магазин и видишь: маленькая баночка майоны в томатном соусе подскочила в цене в среднем на 500 процентов! А кошка как не ела майону в 62-м, так и не ест в 91-м. Вынужден—человек.

В. ЗАМУЛА: В 60-е годы нас бы просто поразгоняли за такие фокусы. Постоянно играть на нервах у народа, измученного очередями, дефицитами, пустыми полками, весьма рискованно. История знает, как страшен русский бунт. Именно свидетелем бунта я и был.

Но вернуться к Новочеркаску, с которым связаны у меня лучшие страницы жизни. Там я заканчивал Политехнический институт, работал комсоргом ЦК ВЛКСМ, преподавателем Политехнического, заворгом горкома партии, затем секретарем, а в канун печальных событий председателем горисполкома. Город, я бы сказал, представлял собой странный конгломерат. Он все еще значился как рассадник стародавних взглядов и обычаев, и вместе с тем в нем присутствовало индустриальное влияние на людей. Несмотря на множество предприятий, четыре высших учебных заведения, ряд академических институтов, это был город с районной судьбой. Новочеркасский электровозостроительный завод (НЭВЗ) — настоящий гигант, первенец электровозостроения, головное предприятие в отрасли. Электродный завод, завод керамических труб. Только это перечисление говорит о высокой концентрации рабочего класса.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: В чем же заключалась районная судьба Новочеркаска?

В. ЗАМУЛА: снабжение продовольственными и промышленными товарами города с 250-тысячным населением было архи-скверным. Жилье строилось черепашными темпами, не было своего молочного завода, водоснабжения, очистных сооружений. Не хватало больничных коек, детских учреждений. Все проблемы социальности разрешались, что называется, с кровью. В первом квартале 62-го года я выехал в Закавказье, Краснодар, Сочи, чтобы закупить несколько вагонов продовольствия и промтоваров. Миссия удалась, но остроту положения не сгладила.

Рабочий контингент НЭВЗа был весьма неоднороден. Кадровых потомственных рабочих представлял сборочный цех, а в сталелитейном и чугунолитейном, кроме молодежи, было много бывших осужденных, «раскулаченных и расказаченных», как тогда говорили. В этих же цехах трудилась большая группа глухонемых. Условия работы были адскими, по существу, все вручную.

31 мая меня и первого секретаря горкома партии вызвали в Ростовский областной комитет в связи с повышением цен. Рекомендации высказали такие: митинги в поддержку решения партии и правительства можно не проводить, а взять под контроль городские рынки, чтобы не было всплеска спекулятивных цен на мясо.

После объявления постановления Совмина по Всесоюзному радио о «временном» повышении цен, к нам прибыл заведующий промышленным отделом обкома партии. Он пошел с директором по цехам НЭВЗа...

Из воспоминаний рабочего НЭВЗа Петра СИУДЫ:

«С января 1962 года на электровозостроительном заводе в который уже раз проводилось снижение расценок оплаты труда. Последними цехами, где снижали расценки в мае, были сталелитейный и кузнечный. К этому времени рабочие других цехов уже кое-как привыкли к очередному ущемлению их интересов, но новая акция несправедливости возмутила людей. Были и другие веские причины для недовольства. Плата за квартиру в частном секторе доходила до 50 рублей в месяц — это треть зарплаты рабочего. За продуктами по выходным приходилось ездить в Ростов, Шахты, другие города.

Но даже все эти серьезные обстоятельства вряд ли повлекли бы за собой забастовку, если бы не директор завода Курочкин. Было так. Узнав о недовольстве рабочих в сталепеке, туда явился директор с представителем парткома. Разговор с рабочими повели высокомерно, по-барски. В этот момент к группе рабочих, окруживших Курочкина, подошла женщина с пирогами в руках. Увидев пироги, директор решил поостроумничать. «Теперь вместо пирожков с мясом будете есть пироги с капустой», — сказал он.

Эта хамская реплика Курочкина стала, на мой взгляд, той последней искрой, которая повлекла за собой трагедию в Новочеркаске».

А. ГОРЛОВ: Виталий Михайлович, это начиналось так, как свидетельствует Сиуда?

В. ЗАМУЛА: Именно так. Только с Курочкиным был не представитель парткома, а заводделом обкома. Случилось это в обеденное время, где-то часов в 11. На стыке двух смен и завязался неприятный диалог. Тут бы директору сказать, что он расценки отменяет, успокоить рабочих, но увы...

Забегая вперед скажу, что нам всем тогда не хватило такта, самокритичности, обыкновенной человечности. И совершенно правильным было решение, когда на

бюро обкома всех секретарей Новочеркасского горкома сняли с работы, а мне объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Из воспоминаний рабочего НЭВЗ Петра СИУДЫ:

«В ответ на реплику Курочкина кто-то крикнул: «Да они еще, сволочи, издеваются над нами!» Одна из групп, в которой были токарь Влащенко и слесарь Черных, пошла к компрессорной заводу и включила заводской гудок, чему пытался воспрепятствовать мастер Афонин. Другая группа отправилась по цехам с призывом прекратить работу и начать забастовку. И росла она, как свежий ком. Цеховой художник Коротева написал плакаты: «Дайте мясo, масло!», «Нам нужны квартиры!»

Из материалов прокурорской проверки:
«Митингующая толпа, в которой уже появились лица в состоянии алкогольного опьянения, требовала расправы над администрацией. Рядом с заводом пролегла железная дорога союзного значения. Ее блокировали, остановили поезд «Саратов—Ростов», машиниста из кабины вышвырнули, на обшивке электровоза появилась надпись: «Хрущева на мясо!» Обстановка на заводе и вокруг него становилась неуправляемой. Собравшаяся на площади толпа требовала встречи с ответственными работниками партийных и советских органов. Организаторы и подстрекатели беспорядков, увлекая за собой разъяренную массу людей, громили оборудование завода, нападали на партийно-комсомольский актив...»

Из справки управления внутренних дел Ростовского облисполкома:

«В 1960 году в г. Новочеркасске за различные уголовные преступления было привлечено к уголовной ответственности 252 человека, из них ранее судимых 134, или 53,1 процента. За пять месяцев 1962 года зарегистрировано 107 уголовных преступлений, привлечено к ответственности 103 человека, из которых ранее судимых 34, или 33 процента.»

В. ЗАМУЛА: 1 июня, когда уже начались беспорядки, прибыл первый секретарь Ростовского обкома партии Басов. Он предложил: «Давайте соберем актив и не дадим разгореться страстям». Но страсти уже всю бушевали. Первые попытки «утихомирить» забастовщиков предприняли дружинники из числа инженерно-технических работников, но тщетно. Тревожные сигналы стали подавать с захваченного тепловоза. К заводу потянулись рабочие второй и третьей смен, жители рабочих поселков. К полудню прибыли милицеские наряды, но толпа оттеснила их, автомобиль перевернула.

А. ГОРЛОВ: Я вижу, что мы и без навешанных вопросов подробно рассматриваем причины новочеркасского конфликта и именно в контексте того времени. Давайте подведем черту и проясним главное: кто отдавал приказ на применение войск, была ли эта мера неотвратима?

В. ЗАМУЛА: Лишь маленькое добавление к такой постановке проблемы, Александр Георгиевич. Ситуация была настолько острой и серьезной, что в Новочеркасске экстренно прибыли члены Президиума ЦК КПСС А. Микоян, А. Кириленко, Ф. Козлов, предсовмина РСФСР Д. Полянский, Шелепин, секретарь ЦК КПСС Л. Ильичев, завотделом ЦК партии Степаков, зам. зав. отделом ЦК Сталин, первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов, генералы КГБ Иващутин, Захаров и другие ответственные работники.

Из объяснения бывшего командира танкового полка полковника в отставке Михеева:

«Накануне 1 июня я с батальонами проводил учебные стрельбы в учебном центре в 25 километрах от города, а первого числа в 15 часов мне позвонил полковник Димонов и сообщил о неспокойной обстановке на НЭВЗе и приказал выделить до 20 человек в качестве патрулей в помощь милиции. Никакого указания на оснащение их оружием не поступало. Люди уехали на бэтэрах. Группу возглавил я.

По прибытии на место во время инсруктажа патрулей неожиданно открылись ворота завода со стороны площади и появилась толпа примерно в 100—150 человек. Многие были пьяны. Они сразу же опрокинули радионую машину ГАЗ-69, окружили бэтээр, угрожали солдатам физической расправой. Я призвал людей к благоразумию, прекращению безобразий и бесчинств.

Когда мы пришли в заводоуправление, сразу бросились в глаза следы погрома: опрокинутые столы, поломанные стулья, разбитые оконные стекла, разбросанная документация, на полу валялись портреты Хрущева. Толпа находилась за территорией завода. Часть людей митинговала, другие распивали вино и водку.

Примерно в 19 часов прибыл генерал-лейтенант Шапошников. Он был одет в комбинезон темно-синего цвета без знаков различия. Я доложил ему о своей задаче и о том, что оружия и боеприпасов у нас нет. Шапошников подтвердил поставленную мне задачу.»

П. ФАЛЫНСКОВ: Тогда я был заместителем командира танкового полка политической части. Хорошо помню, что в те страшные дни многие из нас совершенно не представляли, как должны действовать

войска, чем помочь органам правопорядка. С заводом нашу часть связывали прекрасные шефские связи. Многих заводчан знал я, прекрасно знали рабочие меня, других офицеров, нашего командира дивизии генерал-майора Олешко. Он в ту пору был начальником Новочеркасского гарнизона. Генерал Олешко вел себя во время беспорядков очень мужественно, все силы прилагал к тому, чтобы успокоить забастовщиков, отговорить их от противоправных действий. Но, как всегда это бывает, толпа без экстремистов не толпа. Говорить ему не давали. И тогда начальник гарнизона приказал командиру полка Михееву вызвать учебные танки для охраны завода. О боеприпасах и оружии разговора вообще не было.

По пути следования танков их пытались поджечь, забрасывали горящими тряпками. И тогда Михеев приказал организовать охрану техники.

Из объяснения бывшего командира роты танкового полка Ю. РОДИ:

«Наш полк за всю операцию по пресечению массовых беспорядков ни одного выстрела не сделал. Ни от кого команды на применение оружия не поступало. По прибытии в казармы состоялась проверка наличия боеприпасов. Все до единого патрона были на месте».

А. ГОРЛОВ: У меня вопрос к заместителю Главного военного прокурора генералу Фролову. Вячеслав Сергеевич, в некоторых средствах массовой информации распространяются слухи о том, что армия и внутренние войска специально готовились к подавлению новочеркасской забастовки, что это была одна из провокаций из серии мероприятий по дискредитации Хрущева. Так, журнал «Крытый двор», издающийся в Новочеркасске, «авторитетно» заявляет: новочеркасская трагедия — предтеча «дворцового переворота». Ей предшествовали такого же рода саботаж, компротация и провоцирование оздоровительного процесса при Хрущеве, какие мы наблюдаем сейчас.

В. ФРОЛОВ: Однозначно скажу, и это доказано тщательной прокурорской проверкой, что к стихийно возникшим на НЭВЗе событиям ни армия, ни внутренние войска не готовились и не могли готовиться, поскольку никто не предполагал, что возникнет такая взрывоопасная ситуация.

В момент возникновения беспорядков военное руководство во главе с командующим Северо-Кавказским военным округом находилось на учебных сборах в Краснодаре, а танковые подразделения Новочеркасского гарнизона согласно плану боевой подготовки выполняли задачи в учебном центре. Подразделения внутренних войск, которые были втянуты в происходившие события, также ни к какому «умиротворению» рабочих не готовились,

а выполняли свои функции на местах их постоянной дислокации.

А. ГОРЛОВ: И все-таки, можно ли было обойтись без войск?

В. ФРОЛОВ: Эту позицию прояснит Александр Владимирович Третьцкий. Он очень скрупулезно разбирался в этих обстоятельствах, встречался с сотнями людей, его слушали на Комитете Верховного Совета Союза ССР.

А. ТРЕТЬЦКИЙ: Применение частей Советской Армии и внутренних войск можно было предотвратить, если бы тогдашнее партийное и советское руководство, и особенно в самом начале митинга — администрация завода, смогли бы найти компромисс с рабочими, убедили их оставаться на своих рабочих местах. Если бы жители города не были доведены до такого уровня жизни и обеспечения продовольствием. Ведь после этих драматических событий город Новочеркасск сразу же был переведен в более высокую категорию по снабжению продуктами питания.

К этому следует добавить, что такие должностные лица, как первый секретарь обкома Басов, должны были знать, что привлечение войск строго регламентировано воинскими уставами, в частности главой 20 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил СССР, которая прямо предписывает применение войск только для борьбы с пожарами и со стихийными бедствиями (наводнениями, последствиями землетрясения, обвалами, снежными заносами) или для оказания помощи гражданскому населению, пострадавшему от пожара или стихийного бедствия, распоряжением командующего войсками округа (ст. 371 УГиКС ВС СССР).

В то же время законом запрещено подчинять воинские части, подразделения или команды представителям местных органов власти (ст. 375 УГиКС ВС СССР).

«ИНАЧЕ ВЫ НЕ КОМАНДУЮЩИЙ...»

Н. АНИСИМОВ: Приведу объяснения полковника в отставке М. Деркачева, бывшего офицера для особых поручений командующего СКВО генерала армии И. Плиева. Они характерны тем, как действовали представители высшего политического руководства страны.

— Я присутствовал, — давал объяснения Деркачев, — при разговоре члена Президиума ЦК КПСС А. Кириленко с командующим И. Плиевым. Кириленко приказал ему принять меры к освобождению «заблокированного» в заводууправлении первого секретаря обкома А. Басова. Генерал

армии Плиев эту задачу поставил при мне генерал-майору Олешко, при этом обратил внимание на то, чтобы ни в коем случае не была применена сила к народу, а тем более оружие. Мне известно, что солдаты и офицеры соединения Олешко были вооружены штатным оружием, однако имели холостые патроны. Что касается курсантов Ростовского артиллерийского училища, то они вообще не имели оружия. Боеприпасами снабдили лишь часовых у входа в горком партии, банк, телеграф и других жизненно важных объектов.

Около 21 часа 1 июня Плиева вызвал Кириленко. В моем присутствии он трижды задавал вопрос командующему: «Какие меры вы планируете предпринять для наведения порядка?» Плиев дважды доложил Кириленко о дислокации частей и подразделений дивизии Олешко и их задачах. Член Президиума ЦК КПСС выразил неудовлетворенность ответом. В третий раз Плиев заявил ему, что вопрос наведения порядка — дело руководства города и области, а также правоохранительных органов, но не армии. «Сталкивать народ с военными не буду», — твердо сказал он. Вместе с тем командующий доложил, что им дано указание выставить несколько танков без боеприпасов у моста через реку Тузлов.

За все время беседы Кириленко морщился, проявлял недовольство, делал колкие и грубые замечания, подталкивал генерала армии к применению силы, но тот стоял на своем, категорически отказываясь от применения войск.

Из материалов прокурорской проверки:

«Я слышал, — давал пояснения полковник в отставке А. Давыдов, бывший начальник политотдела танковой дивизии, — как Кириленко сказал Плиеву: «Командующий, слушайте мою задачу: здание заводоуправления забаррикадировано, там находятся члены бюро обкома партии. Чтобы через 4 часа бюро было здесь, иначе вы не командующий!»

Кроме меня при этом присутствовали член Военного совета СКВО генерал-лейтенант Иващенко и командир дивизии Олешко.

Мы прибыли к заводоуправлению. Из толпы выделилась группа в полсотни человек, которая вела себя наиболее агрессивно. Несколько хулиганов приблизились к бронетранспортеру и ударили водителя каким-то предметом по голове. Я подбежал к БТРУ, через борт прыгнул в кузов, чтобы осмотреть водителя и помочь ему, а в это время закричали «Бейте его, паразита!» Меня схватили за портупею, ударили в левый бок, разорвали гимнастерку. Я с борта прыгнул в гущу толпы и начал разъяснять, что вести себя так недостойно. Тогда кто-то крикнул: «Не трогать полковника, он дело говорит!»

В толпе было много пьяных, они встретили солдат камнями. Затем направили неуправляемый автомобиль без водителя в строй военнослужащих...

У здания горкома партии я встретил Микояна и полковника Шаргородского, заместителя командира танковой дивизии. Анастас Иванович раздраженно сказал ему: «Если хоть один хулиган проникнет в здание горкома, то вы больше не полковник!»

Свидетельство генерал-майора в отставке Ивана СЕЖКОВА, бывшего начальника отдела штаба СКВО:

«Первый секретарь Ростовского обкома партии Басов зашел в кабинет, где я находился, и начал кричать, почему его целый день не смогли освободить и вывезти с завода. Он очень возмущался нерешительными действиями военных по его «вызовлению как заложника».

Позже я присутствовал в комнате, где собрались члены Президиума ЦК КПСС, командующий, член Военного совета, другие генералы, Басов, Курочкин. Фрол Романович Козлов сказал Плиеву, что количество солдат надо увеличить, но оружие не применять. Кириленко, Микоян, Шелепин, Ильичев на чем свет стоит ругали директора завода, критиковали Басова за нерешительность, трусость, за то, что он якобы прятался в подвале. Обо всем этом Козлов по аппарату ВЧ докладывал Н. С. Хрущеву. Он также рассказал о причинах забастовки и о принимаемых мерах. При этом Фрол Романович несколько раз подчеркнул, что дано указание оружие ни в коем случае не применять. После доклада Хрущев, обернувшись к Плиеву, он сказал: «Вы слышали, товарищ Плиев, оружие не применять».

Из воспоминаний Петра СИУДЫ:

«В ночь на 2 июня возбуждение забастовщиков не только не утихло, но и возросло. Рабочие сняли с фасада заводоуправления портрет Хрущева, прошлись по зданию и собрали все его портреты. Свалили их на площади в кучу и устроили большой чадный костер... Примерно в это время группа рабочих во главе с прекраснейшим молодым парнем Сергеем Сотниковым, с которым я встречался и позже, на следствии, отправилась к газораспределительной станции с целью перекрыть подачу газа на промышленные предприятия города».

А. ГОРЛОВ: Мне думается, что «безграничный плюрализм» достиг такого апогея, что некоторые средства массовой информации вскоре начнут оправдывать и такое явление, как каннибализм. В свое время, мне помнится, «Комсомолка» пролила крокодиловы слезы по оставшимся в живых Овечкиным, дескать, бес попутал слабые души. Ныне отдельные газеты и журналы соревнуются между собой, кто боль-

ше выльет грязь на армию и внутренние войска по поводу их действий в Новочеркасске. Все настойчивее звучат голоса о реабилитации погромщиков, о том, чтобы им поставить памятник. Кому только не пытаются иные демократические деятели соорудитьobelisks!

Вот «прекраснейший молодой парень Сотников»! Поставить ему памятник за то, что он пытался вывести из строя газораспределительную станцию? Полно! Разве могут быть оправданы подобные смещения в здравом смысле?!

Другой факт. Беснующаяся толпа, подогретая алкоголем, останавливает движение на напряженнейшей железнодорожной магистрали «Юг—Центр», бьет окна в вагонах, пассажиров держит в заложниках, среди которых женщины, дети, старики. Группа погромщиков устремляется в банк, естественно, не с целью защиты государственных ценностей. Офицеров выбрасывают из окон второго этажа, штурмуют горотдел милиции, пытаются освободить задержанных из камеры предварительного заключения... В каком цивилизованном государстве подобное варварство может возникнуть в добродетель?!

Из экспертной справки: «Отключение газа лишь одному из заводов при остановке его на одни сутки повлекло бы за собой ущерб на сумму в 50 тысяч рублей, не считая оплаты за вынужденный простой. Внезапное отключение газа заводу могло вызвать локальные взрывы в трубных печах-газодонагревателях и других аппаратах, их повреждение и травмирование персонала».

ЭМОЦИИ ВМЕСТО ФАКТОВ

А. ГОРЛОВ: Так случилось, что я тоже свидетель новочеркасских событий. Был тогда корреспондентом дивизионной газеты. В составе сводного отряда прибыл в Новочеркасск. Слухи в городе ходили самые невероятные: какой-то полковник застрелился, какой-то лейтенант покончил с собой. Вот и журнал «Крытый двор» «утверждает»: «среди солдат и офицеров — кроме самоубийц — пострадавших не было». А некая Н. Овсянникова «вспоминает»: «...Я выбралась из толпы, встала у столба рядом с металлической оградой, напротив парикмахерской. В это время с двух сторон сквера подъехали бронетранспортеры с солдатами. Они вскинули оружие. Мелькнула мысль: «будут стрелять в воздух». Но прозвучала команда, и солдаты стали стрелять в людей».

Как это всегда бывает, каждый слух обростаёт невероятными подробностями — чем дальше от событий, тем больше невероятных подробностей, — и, естественно, это поражает воображение читателей. Думается, только на почве слухов родилось выступление в «Огоньке» (№ 42, 89 г.) нынешнего председателя Моссовета Г. Полова, который пишет:

«Новочеркасск — мой родной город. В его пригороде я кончал школу. Здесь жили мои родственники, на этом самом заставшем заводе работали мои дядя и тетя. Я хорошо представлял себе людей, вышедших на демонстрацию. Врагами социализма они быть не могли. И, стоя под деревьями, с которых совсем недавно падали сраженные пулями любопытствующие ребятишки, я понял раз и навсегда, что никогда не признаю систему, в которой можно безнаказанно убивать...»

И далее он предлагает поставить памятник в Новочеркасске расстрелянным рабочим и тем офицерам, которые пожертвовали собой, но предотвратили еще более грандиозную бойню, отказавшись дать приказ танкам идти на демонстрантов.

В. ЗАМУЛА: Эмоции ныне перехлестывают через край. Новочеркасские события кое-кто пытается представить неким прологом тбилисских событий. Однако ныне ясно как божий день, что военные никаких решений не принимали ни в Новочеркасске, ни в Тбилиси.

Из материалов прокурорской проверки: «Бывший начальник Политуправления — член Военного совета СКВО генерал-лейтенант Д. Иващенко пояснил, что инициатором привлечения войск Новочеркасского гарнизона без согласования с вышестоящим руководством явился первый секретарь Ростовского обкома КПСС А. Басов. Кстати, он был и членом Военного совета округа. По его приказу войска оказались втянутыми в конфликт с рабочими».

П. ФАЛЫНСКОВ: Слухи о самоубийстве солдат и офицеров, о том, что какой-то полковник призывал с балкона бросать оружие, — сплошная выдумка.

А. ТРЕТЕЦКИЙ: Есть необходимость доложить о действиях внутренних войск. Вначале по распоряжению МВД для оказания помощи местным органам власти в Новочеркасск прибыли 150 военнослужащих без оружия. В связи с осложнившейся обстановкой, призывами к расправе с военнослужащими, представителями советских и партийных органов в город прибыли другие подразделения. В общей сложности было задействовано 714 человек. Этим сводным отрядом руководила оперативная группа. Ее возглавил заместитель министра внутренних дел П. Ромашков.

В 2 часа ночи 2 июня командир полка

подполковник Малютин доносил, что подразделениями взяты под охрану горком КПСС, госбанк, КГБ, горотдел милиции, телеграф, радиоузел и тюрьма № 3. Из ядра части к 8.00 доставлены оружие и боеприпасы. Дано указание оружие не применять.

Из материалов Центрального архива внутренних войск МВД СССР:

«В 10.30 толпа вышла на площадь. На предупреждение прекратить движение, первые ряды с бранью бросились на цепь военнослужащих, били их кулаками, палками и другими предметами. Это было у центрального входа в ГК КПСС. Здание охраняло 105 солдат. Естественно, что их прижали к стене. Часть толпы прорвалась в здание, учинив там погром и избиение сотрудников и военнослужащих. Последние вынуждены защищаться оружием без применения огня.

Совместными усилиями с прибывшими подразделениями Советской Армии граждан выдворили из помещения. В этом районе находились тт. Кириленко, Шелепин, Полянский и др. Но никто из них перед собравшимися на площади людьми не выступил, не обратился с просьбой о соблюдении порядка.

Критическая ситуация нарастала. С целью пресечения бесчинств военнослужащие Советской Армии произвели предупредительную стрельбу, которая не оказала должного воздействия. Хулиганствующие лица били солдат в живот, хватили стволы оружия. И тогда прозвучала автоматная очередь...»

Из объяснений генерал-майора в отставке Алексея НАЗАРЬКО, бывшего заместителя начальника штаба СКВО:

«Ни письменного, ни шифрованного документа на применение войск не существует. Был звонок министра обороны маршала Р. Я. Малиновского. Он отдал распоряжение: поднять танковое соединение, но танки не выводить.

Стрельба возникла вследствие неправомерной попытки одного из хулиганов завладеть оружием часового по охране горкома партии.

Скажу прямо: события в Новочеркасске отдельными газетами и журналами преподносятся в явно искаженном виде, суть которых заключается в стремлении любыми способами доказать, что армия и внутренние войска способны стрелять в свой народ».

В. ФРОЛОВ: Все собранные материалы прокурорской проверки подтверждают факты в спонтанной стрельбе. Утверждения средств массовой информации о массированном огне идут от некомпетентных людей. Массированный огонь вызвал бы непредсказуемые жертвы.

А. ТРЕТЕЦКИЙ: Многочисленная толпа, отделившись от общей массы демонстран-

тов, начала штурмовать горотдел милиции с криками: «Давай оружие». Солдаты и офицеры, забаррикадировав двери, пытались сдержать натиск, но безуспешно. Бесчинствующие прорвались во двор и помещения горотдела.

Они пытались вырвать оружие у солдат. Прозвучал предупредительный выстрел вверх, но это также не остановило нападавших. Один из них выхватил автомат у рядового внутренних войск Репкина и пытался открыть огонь по военнослужащим и работникам милиции. Поскольку автомат был на предохранителе, погромщик замешкался. В эти секунды рядовой Азизов смертельно ранил его.

«Стреляли и на площади у горкома партии и горисполкома, когда многотысячная толпа, не обращая внимания на залпы в воздух, ринулась на солдат, охранявших здание, — писала недавно «Советская Россия». — Да, люди должны защищать свои права. И сегодня у нас есть то, чего не было у новочеркасцев в 1962-м: узаконенные митинги, демонстрации, забастовки. Это острое оружие демократии. При дилетантском с ним обращении льется кровь. И гремят выстрелы. И разлетаются впрах все попытки изобразить из себя граждан демократического государства. Потому что демократия начинается с порядка, с законопослушания». К сожалению, даже сегодня это мало кто понимает. А уж в те годы...

В ходе обороны помещений горотделов милиции и КГБ военнослужащими внутренних войск было убито еще 4 погромщика. От них пострадали многие солдаты, сержанты и офицеры, в том числе возглавлявший группу подполковник Пелевин. Будучи в безвыходном положении, под угрозой убийства, он выпрыгнул из чердачного окна горотдела милиции и сломал обе ноги. Во время столкновений 35 военнослужащих получили ранения и травмы.

А ГОРЛОВ: В журнале «Дружба народов» (№ 8—89 г.) народный депутат СССР Рой Медведев представляет новочеркасский конфликт так: «Существуют разные версии событий в Новочеркасске. Я знаю о них со слов очевидца — моего дальнего родственника, случайно оказавшегося в городе как раз в день трагедии. По его свидетельству, возбужденная демонстрация вышла к зданиям горкома и горисполкома, охранявшимся войсками. Толпа не расходилась, несмотря на призывы и угрозы. Для устрашения войска произвели первый залп в воздух. Но пули заделали многих мальчишек, которые забрались на окаймлявшие площадь деревья. Когда рабочие и члены их семей увидели раненых и убитых, падавших с деревьев, они бросились на солдат, а второй залп был сде-

лан уже в демонстрантов. За пределами Ростовской области мало что знали о событиях в Новочеркасске. Однако в городах области, включая Ростов-на-Дону, в течение 3—4 дней не работали предприятия и фактически было введено военное положение».

Что можно сказать в связи с подобным «свидетельством» Медведева и его «дальнего родственника»?

Из материалов прокурорской проверки: «В одном из томов есть копия письма группы участников и свидетелей новочеркасских событий в Верховный Совет СССР, лично А. Лукьянову. Они пишут: «Публикация Роя Медведева сделана без опоры на документы, на тщательно проверенные факты. Ее цель — оклеветать, скомпрометировать наши Вооруженные Силы. Никакого военного положения в городе не вводилось. Вечером 2 июня был объявлен комендантский час, который отменен 4 июня. Все предприятия, организации и учреждения не только области, но и города работали, кроме Новочеркасского электровозостроительного завода.»

Р. Медведев выдает себя за активного перестройщика, а на деле погряз во лжи. Ему нужна сенсация, «жареные» факты. Мы выражаем сомнение в достоверности и других его публикаций, освещающих прошлое нашей Родины». Вот такое письмо».

А. ГОРЛОВ: Да, народные депутаты СССР Гавриил Попов и Рой Медведев поют, как говорится, в унисон. Акценты подобных публикаций ясны: каратели в лице армии и внутренних войск расстреливают мирную демонстрацию и детишек, забравшихся на деревья. Как это «удачно» перекликается с Тбилиси, Баку, Нагорным Карабахом, Прибалтикой. Словом, преемственность.

Хотелось бы услышать в связи с этим мнение Главной военной прокуратуры.

В. ФРОЛОВ: Конечно же, это безответственные заявления. И весьма прискорбно, что они исходят от народных избранников, которые сознательно, другого слова здесь не подберешь, дезориентируют общественность. В новочеркасском конфликте погиб лишь один юноша, 16-летний Геннадий Терлецкий, но не на площадях, а у горотдела милиции, когда часовые применили оружие по нападающим. Терлецкий в эти минуты из любопытства подсматривал за схваткой в проем забора. Случайная пуля поразила его.

Но проблема, которая волнует общество, гораздо шире. И она, на наш взгляд, кроется в принятом 24 декабря 1989 года постановлении Съезда народных депутатов СССР по докладу Комиссии, образованной первым Съездом народных депутатов СССР, по расследованию событий в Тбилиси 9 апреля 1989 г.

В этом документе указано, что Съезд обращает внимание на отсутствие четкой

законодательной регламентации порядка и практики использования вооруженных сил для разрешения внутренних конфликтов.

Именно наличие и обнаружение законодательной регламентации в те годы предотвратило бы последующие конфликты, в том числе и на межнациональной почве, способствовало бы не представлять перед народом армию «козлом отпущения».

Особенно это проявляется в нынешней тревожной обстановке. И недаром в статье журнала «Известия ЦК КПСС» «Защитить «человека с ружьем» вызывает обоснованную тревогу военнослужащих усиление антиармейских настроений в ряде союзных и автономных республик. Поразительный факт: люди в шинелях, благодаря которым во многом удается остановить раздувание межнациональной розни, не допустить братоубийственных столкновений, объявляются «главными врагами национальной независимости», «оккупантами», «военными преступниками». В ряде республик в последнее время приняты законодательные акты, ущемляющие гражданские права военнослужащих, посягающие на их человеческое достоинство. В армии с болью воспринимаются подобные акты, солдаты и офицеры в письмах, адресованных Президенту СССР, с возмущением оценивают такие действия законодательных органов республик.

«НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН» И УРОКИ ТРАГЕДИИ

А. ГОРЛОВ: Вячеслав Сергеевич, «Литературная газета», другие средства массовой информации настойчиво выпячивают роль генерала М. Шапошникова, как правозащитника, который якобы решительно выступил против применения войск в новочеркасской ситуации и даже подавал команду «Рязряжай оружие». «Литгазета» утверждает, что Шапошников за это и был исключен из партии. Какова же его роль в те трагические июньские дни?

В. ФРОЛОВ: Главная военная прокуратура проверяла уголовное дело генерал-лейтенанта в отставке Матвея Кузьмича Шапошникова, которое возбуждалось КГБ и им же прекращено. Исключение генерала из КПСС никакого отношения к новочеркасским событиям не имеет. Должен заявить, что газеты и в этом дезориентировали общественность. Исключен он спустя пять лет по причинам иного рода. Одна из них: написание и распространение анонимных материалов под псевдонимом «Неистовый Виссарийон». Если это представляет

интерес для читателей журнала, мы можем вернуться к этой истории подробно и отдельно. Прокурорской проверкой подтверждено, что Шапошников в Новочеркасске не играл той роли, которая им разрекламирована в газетах.

П. ФАЛЫНСКОВ: Генерала Шапошникова, первого заместителя командующего округом, я видел лишь однажды. Это было 1 июля в 17 часов. Замкомандующего лично мне приказал, чтобы я со склада в военном городке получил дымовые гранаты для применения к демонстрантам. Эту команду я получил в присутствии генерал-майора Олешко. Когда я доложил члену Военного совета генерал-лейтенанту Иващенко о приказе Шапошникова, он очень возмутился и сказал: «Вы что с Шапошниковым с ума посходили, против рабочих применять дым!» И запретил получение гранат.

У заместителя командующего не было ни людей, ни средств связи. Никаких оперативных решений он не принимал.

Генерал Шапошников никаких команд не то, чтобы разрядить автоматы, сдать боеприпасы, как об этом пишут «Литгазета» и «Комсомолка», не давал и не мог давать, поскольку боеприпасов у личного состава не было.

А. ТРЕТЕЦКИЙ: Я оглашу некоторые материалы прокурорской проверки. Бывший секретарь Ростовского обкома партии т. Фоменко дал следующие объяснения: «Утверждения Шапошникова о даче указаний командования округа на применение оружия — безосновательная выдумка. Никаких разговоров о недопущении применения оружия против рабочих Шапошников не вел, и его призывы об этом ложны и провокационны. Они направлены на нагнетание обстановки вокруг событий почти тридцатилетней давности».

Полковник в отставке М. Деркачев пояснил: «Находясь неотлучно при генерале армии Плиеве, я не слышал, чтобы он отдавал какие-либо приказание генералу Шапошникову. Замкомандующего в эти дни никакого руководства войсками не осуществлял».

Бывший член Военного совета генерал-лейтенант в отставке Иващенко свидетельствует: «Матвей Кузьмич Шапошников никаких требований о недопущении участия войск в пресечении демонстрации не выдвигал, тем более, что вопрос о применении оружия не ставился и никем не обсуждался».

А. ГОРЛОВ: Как мы выяснили, приказа на применение оружия не было, а жертвы случились, и немалые. Какова точка зрения на это Главной военной прокуратуры?

Н. АНИСИМОВ: Действительно, как усматривается из материалов прокурорской проверки, приказа на применение оружия не было. В той экстремальной ситуации, когда обстановка у здания горкома партии и горисполкома оказалась неуправляемой,

здание уже было захвачено бесчинствующими элементами, и его помещения подверглись разгрому, а отдельным офицерам и солдатам угрожала явная опасность для жизни, когда наиболее рьяные хулиганы наносили побои стоящим в оцеплении по охране здания горкома и горисполкома, а также одновременно предпринимали попытки отобрать у военнослужащих оружие, в целях самозащиты некоторыми часовыми было применено оружие по нападавшим, в результате чего появились раненые и убитые. Всего на площади Ленина оказалось 17 погибших от огнестрельных ран.

Во дворе Новочеркасского горотдела милиции, куда прорвались погромщики, убито пятеро. Всего погибших 24 человека. Двое из них убиты не в ходе нападения: Соловьев — вечером 1 июня неизвестным гражданином, Шульман — вечером 2 июня воинским патрулем, от которого пытался скрыться во время комендантского часа.

Особо следует обратить внимание на противоправные действия хулиганствующих элементов во дворе Новочеркасского ГОМ, куда они многотенной толпой ворвались, пробив закрытые двери. Основное их намерение: освободить задержанных 1 июня возле НЭВЗа граждан в количестве 30—40 человек и содержащихся в КПЗ горотдела. Одновременно со стороны нападавших раздавались призывы о захвате оружия.

А. ГОРЛОВ: Мы заявили о построении правового государства. В этой связи хотелось бы уточнить: какие правовые акты существуют у нас для локализации конфликтов войсками? Каковы рамки выполнения приказа о применении оружия и в каких ситуациях оно может применяться?

В. ФРОЛОВ: Причины и подробности новочеркасской трагедии, пожалуй, никто не выяснял ни после нее, ни спустя почти 30 лет.

Тогда, в 60-х годах, у нас еще «не было» ни митингов, ни забастовок, ни взрывов, ни крушений поездов, ни международных конфликтов, ни блокирования транспортных коммуникаций, обстрелов, ущемления человеческого достоинства и других потрясений в обществе. Поэтому никаких правовых актов не принималось, на сессиях Верховного Совета СССР подобные вопросы не возникали.

И только начиная со второй половины 80-х годов стали издаваться правовые акты. Одним из первых появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР» от 23 ноября 1988 г., затем объявляются более жесткие Указы, в частности о чрезвычайном положении в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах от 15 января 1990 года.

В этих решениях высшего законодательного органа страны стали регламентироваться действия внутренних войск, правоохранительных органов.

В декабре 1989 г. на 2-м Съезде народных депутатов принята Декларация о недопустимости блокады автомобильных и железных дорог, создания любых препятствий для свободного перемещения граждан и грузов в пределах СССР, в которой прямо указано на осуждение блокирования транспортных коммуникаций в любой форме, включая устройство искусственных препятствий, обстрел, создание небезопасных условий для проезжающих, ущемление их человеческого достоинства.

Применение оружия в какой бы ни было ситуации является крайней мерой, а должностные лица, отдающие приказ на его применение, несут огромную личную ответственность, особенно в непредсказуемо возникающих конфликтных ситуациях, не исключающих появления большого количества жертв.

Применение оружия конкретно каждым военнослужащим возможно только в крайнем случае, когда опасность не может быть устранена другими средствами, или же при необходимой обороне, когда налицо явное посягательство на жизнь военнослужащего.

Ведь необходимая оборона — это не только субъективное право каждого гражданина, это и осуществление морального долга. Для работников МВД, военнослужащих, лиц, выполняющих служебную обязанность по охране общественного порядка, социалистического имущества, необходимая оборона в то же время и правовая обязанность, невыполнение которой влечет за собой уголовную ответственность (комментарий УК РСФСР к ст. 14).

Очень важно не только издавать требуемые временем Указы и распоряжения, но и всеми средствами доводить их до широких слоев населения, чтобы каждый мог отдавать отчет своим действиям, отвечать за совершаемое, представлял бы, в какой он находится ситуации, знал, на что идет.

К этому зовут уроки новочеркасской драмы и острейшие конфликты наших дней с человеческими жертвами.

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ВОЕННЫХ?..

А. ТРЕТЕЦКИЙ: Думается, есть смысл в нашем разговоре остановиться на событиях, которые последовали за вторым июня. Они не менее драматичны. И пусть об этом «заговорят» документы.

Спецдонесение. 7 часов 45 минут 4 июня:

«В районе пос. Октябрьский на железной дороге зафиксировано две попытки завалить щебнем полотно и остановить движение по магистрали».

Из докладной записки: «Со 2 июня и в последующие дни в г. Ростове-на-Дону, Шахтах, Новошахтинске, Сальске и Зернограде появлялись антисоветские надписи на тротуарах, заборах, домах, а также рукописные листовки».

Из спецсообщения: «Тов. Козлов Ф. Р. предупредил, что завтра будет разъярено всем, кто не выйдет на работу 5 июня, все будут уволены и выселены из заводских квартир».

Записка по ВЧ министру внутренних дел. 4 июня:

«Жизнь полностью нормализовалась. На НЭВЗе им. Буденного не вышли на работу в 1-ю смену — 66 человек, во 2-ю — 42. Проведен партактив. С докладом выступил Ф. Р. Козлов. В прениях выступили 6 человек. Единодушно одобрены действия соединений и частей по ликвидации массовых беспорядков. В докладе отмечены выдержка, стойкость и высокая дисциплина военнослужащих. Микоян провел совещание с работниками торговли, на котором вскрыты серьезные недостатки в обеспечении населения продовольствием, промтоварами.

В числе главных организаторов и зачинщиков массовых беспорядков были: 1. Только что освободившийся из мест заключения за убийство преступник. 2. Бывший полицейский. 3. Бывший атаман во время оккупации немцев. 4. Сын разбогатевших и предупрежденных о выселении туляццев».

Из показаний бывшего прокурора г. Новочеркасска Н. ПЕРЦЕВА:

«Утверждаю, что в мой адрес ни в момент событий, ни после них не поступали сигналы, жалобы, заявления от кого-либо из граждан на неправильные, незаконные действия военнослужащих, в том числе на непропорциональное применение оружия».

В отношении хулиганствующих элементов прокуратурой возбужден ряд дел в основном по признакам ст. 206, часть 2 УК РСФСР. 20—25 дел я лично направлял в народный суд, утверждая по этим делам обвинительное заключение. Среди военнослужащих виновных лиц не было. Если бы такие оказались, то в соответствии с законом я направил бы материалы в военную прокуратуру. Впоследствии ни от кого из числа военных, работников правоохранительных органов не слышал о том, что по чьему-либо указанию применялось в те дни оружие».

Из материалов прокурорской проверки. Генерал-лейтенант в отставке Д. Иващенко: «В штабе первого городка собрались члены Президиума ЦК КПСС, руководство области и долго решали, где и как похоронить погибших. В конце концов пришли к соглашению: на разных кладбищах облас-

ти. Эту акцию поручили провести начальнику Ростовского УВД полковнику милиции Стрельченко...»

В. ФРОЛОВ: Зачем была нужна такая таинственность, неоправданная жестокость? Кто мог эту бесчеловечную миссию возложить на начальника УВД? Ясно кто.

А. ГОРЛОВ: Но почему-то вновь и вновь стрелы вины и ненависти летят в военных. Хотя для посвященных совершенно ясно — почему. Невелика сегодня смелость облить помоями армию, внутренние войска, гораздо сложнее сказать истинную правду, найти пружины того горестного конфликта. Легче всего заклеить 18-летнего солдата и представить его убийцей, а власть предержавших увести в тень. Безнравственность здесь вопиюща. Никто тогда из высшего политического руководства страны не встал впереди солдатской цепочки и не обратился к людям, хотя те так этого ждали... Так же было и в Тбилиси, когда партийные чиновники прятались в кабинетах.

В. МУРАТОВ: В подтверждение мысли генерала Фролова о бесчеловечном погребении погибших зачитаю письмо жительницы Новочеркасска Н. Дьяконовой. Она пишет:

«...Сегодня пасха. Который год мимо моего окна многолюдный поток новочеркасцев идет в этот день на кладбище, чтобы положить букеты алых тюльпанов на могилы близких. Иду и я на городское кладбище. Чаще всего кладу цветы на братскую могилу. Ведь я не знаю, где похоронен мой муж. Эта мысль не дает мне, старому человеку, покоя. Почти тридцать лет неизвестности. Сколько еще проживу — не знаю. Но по русскому обычаю хотелось бы найти свой последний приют с мужем.

2 июня 1962 года мой муж Александр Николаевич Дьяконов, как секретарь парторганизации цеха завода металлоизделий, был вызван на совещание в горком партии. Когда шел, началась стрельба. Случайная пуля попала ему под левую лопатку. В хирургической больнице он скончался. Куда было увезено его тело — неизвестно. Мой муж — участник Великой Отечественной войны, пограничник. Помогите мне найти его могилу...»

Вот такой крик души.

В. ФРОЛОВ: Вот еще беспрецедентный документ: «Подписка о неразглашении государственной тайны особой важности. Я, дежурный Каменского ГОМ старший лейтенант милиции Шушков А. А., даю настоящую подписку в том, что я обязуюсь выполнить правительственное специальное задание и выполнение его хранить как государственную тайну. В случае нарушения настоящей подписки, я строжайше предупрежден, что буду привлечен к ответствен-

ности вплоть до высшей меры наказания — расстрелу. 14 июня 1962 года, 16 час. 08 мин.» Таких противоправных подписок в новочеркасском деле Главная прокуратура обнаружила более 80. Когда шло расследование о нахождении мест захоронения, некоторые бывшие сотрудники милиции отказались отвечать на вопросы прокурора. Подполковнику Третецкому пришлось убеждать одного из таких более двух часов в том, что никакой ответственности тот нести не будет за «разглашение государственной тайны особой важности».

А. ТРЕТЕЦКИЙ: Зато другой бывший милицкий работник, давший подписку, когда я попросил показать могилу погибших, со вздохом сказал: «Я вас ждал 28 лет!»

Вот его рассказ: «6 июня работник уголовного розыска Каменского ГОМ привез 8 трупов (семь мужчин и одну женщину). Машина остановилась на выезде в пос. Тарасовский, чтобы никто о нашей задаче не знал. Перегрузили трупы на бортовую машину и ночью повезли их к небольшому кладбищу у развалин бывшего цыганского колхоза. Все трупы были завернуты в брезент. Женщина была в синих туфлях на низком каблучке — так это пронзительно врезалось в память. Похоронили всех прямо на могилках. Когда копали, гробы попадались. Никаких холмиков мы не оставляли, все разровняли...»

Таковы grimасы беззакония.

Трудно, скрупулезно продвигалось установление мест захоронения погибших. Одни из участников и свидетелей этой акции умерли, другие отказывались давать объяснения по причине «провала в памяти», третьи рассказывали небылицы.

А. ГОРЛОВ: Даже такой информированный человек, как генерал-лейтенант М. Шапошников, в своем послании утверждал: «Генералы из правоохранительных органов Тупченко и Стрельченко вкупе с прибывшими из Москвы Щелоковым и другими тайком захоронили убитых в одной из заброшенных шахт».

Вот уж поистине: в огороде бузина, а в Киеве дядька! Ведь в 1962 году союзного министерства внутренних дел не существовало, а Щелоков в то время работал в Молдавии и не помышлял о министерском портфеле. И заброшенная шахта — вымысел. Это пример того, как с подачи генерала Шапошникова в средствах массовой информации рождаются абсурдные свидетельства, якобы исходящие «из первых рук».

Из материалов прокурорской проверки:

«Погибшие 2 июня граждане (кроме Шульги Л. В., умершего от сепсиса 20 июня 1962 г. и похороненного родственниками) были доставлены в мерг 1-й больницы г. Новочеркасска, а затем по указанию начальника УВД Ростовского облисполкома полковника милиции Стрельченко П. И.

вывезены в лесопосадку Октябрьского района, откуда по его же команде партиями доставлены начальниками ГОМ области — таганрогским, каменским, новошахтинским в обслуживаемые ими районы и тайно похоронены безымянными на отдаленных кладбищах.

1. Захоронения на кладбище поселка Марцево г. Таганрога.

Бывший начальник Таганрогского ГОМ по распоряжению Стрельченко убыл с сопровождающим за город к лесопосадке и без документов получил несколько трупов. Ночью милиционеры, написав подписки о неразглашении государственной тайны, закопали трупы без гробов на дальнем кладбище в пос. Марцево на местах старых захоронений. При этом никаких отметин, указателей захоронения не устанавливалось.

Осмотром кладбища в пос. Марцево установлено, что оно расположено вблизи товарной станции и захоронения на нем начала 60-х годов имеются на расстоянии 150—200 метров в северном направлении от жилых домов переулка Дачный. Из материалов проверки видно, что в Марцево могли быть захоронены: Вершеник П. Я., Тимофеев Ю. Ф., Линник В. П., Мисетов В. И., Грибова А. Д., Зверева А. М., Артющенко А. В., Тинин В. В.

2. Захоронения в районе г. Каменска-Шахтинского и перезахоронение в Тарасовском районе.

Полученные без какого-либо документального оформления и вывезенные из Новочеркасского района трупы были захоронены в сосновом бору вблизи Вишневецкого хутора Каменского района. Однако на следующую ночь, т. е. 6 июня, трупы были перевезены в Тарасовский район на заброшенное кладбище. Участвовавшие в этом сотрудники милиции написали подписки о неразглашении государственной тайны под угрозой применения к ним высшей меры наказания.

Данное кладбище находится в 600-х метрах от автодороги Тарасовский—Большинка. Ориентир: крест и памятник Касьяну Тихону. Здесь могли быть захоронены: Драчев В. С., Шахайлов М. Г., Келеп К. К., Карпенко В. К., Слепкова Е. И., Грищенко В. Н., Федорков В. Ф., Константинов В. В.

3. Захоронения на кладбище г. Новошахтинска.

4 июня 1962 года милиционеры горотдела захоронили труп неизвестного мужчины, убитого 2 июня в ходе новочеркасских событий, на кладбище станицы Заплавской. На следующее утро жители станицы обнаружили свежую безымянную могилу и сообщили об этом в милицию. В связи с этим труп пришлось перезахоронить на кладбище Новошахтинска вместе с другими убитыми 2 июня.

Бывший начальник уголовного розыска Новошахтинского ГОМ пояснил, что он и несколько милиционеров на окраине кладбища выкопали братскую могилу и произвели там захоронение прямо в могилах других более ранних погребений.

Из объяснений смотрителя кладбища Скобелевой А. В. усматривается, что в западной стороне кладбища ранее были могилы румынских военнопленных. В 60-е годы они были ухожены, а ныне пришли в упадок, стали бесхозными. Могилы разрыты животными, кости разбросаны. По территории захоронения занимают площадь 20 х 20 метров. Скобелева заявила, что определить какое-либо захоронение военнопленных не представляется возможным. Здесь же были похоронены трое убитых в Новочеркасске. Она же пояснила, что в 1962 году смотрителем этого кладбища был ее отец, который ни о каких тайных захоронениях не говорил. При предъявлении подписки, составленной Скобелевым Павлом Ивановичем, об ответственности за неразглашение погребенной дочь признала в ней почерк и роспись своего отца.

На основании материалов проверки наиболее вероятно, что на кладбище г. Новошахтинска захоронены: Терлецкий Г. Н., Ситников В. А., Лиманцев Ф. Г., Шульман А. Э., Ревякин В. П., Дьяконов А. Н., Соловьев В. И.

А. ТРЕТЕЦКИЙ: То, что новочеркасцев волновало почти 30 лет, нашло разрешение. Главная военная прокуратура восстановила справедливость. Материалы о захоронении погибших 2 июня 1962 года направлены в Ростовский облисполком и областное УВД. Местные власти обязаны теперь не только уведомить родных и близких о местах захоронения погибших в ходе новочеркасской трагедии, но и обустроить заброшенные кладбища и могилы. В этом их долг, к этому зовет и память о жарком июне Новочеркаска.

А. ГОРЛОВ: В глубинах человеческой памяти ничто не исчезает—ни малое, ни великое. И сколько бы лет ни прошло, ощущение истинности не должно покидать нашу трагическую историю. Но разговор о ней должен быть честным и доказательным. Обида, ярость, гнев, неспровержение правды, домыслы и сочинительство в этом плохие помощники.

Думается, мы правильно поступили, что в разговоре за «круглым столом» был отдан приоритет не эмоциям, а фактам, материалам прокурорской проверки, документам, тем свидетельствам, которые тщательно выверены военными юристами.

Редакционная коллегия журнала выражает признательность и благодарность Главной военной прокуратуре за предоставленные материалы о новочеркасских событиях 1962 года и помощь в организации «круглого стола».

Полковник Ю. ДУРНЕВ.

• КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА В ЖУРНАЛЕ • КНИГА •

ПИТЕР ЧЕЙНИ

• РОМАН •

ГОЛУБОВОЙ ДРАКОН

В

-В ДРУГ через некоторое время моя супруга заявляет, что у нее полно дел, что поднимается туман и Беренике лучше уехать, а то как бы не сбиться с дороги. Та распрошлась и отправилась прямиком ко мне в надежде получить объяснение странному поведению Мареллы. Я ответил, что не в состоянии этого сделать, но немедленно позвоню жене и попытаюсь выяснить, в чем дело. После этого я несколько раз просил соединить меня с видлой, но никто не ответил. Тогда Береника решила, что телефон все еще отключен.

Торенсен на мгновение умолкает, отпивает глоток виски и снова продолжает рассказ:

— Когда Береника вошла ко мне в кабинет, мне показалось, что она смотрит на меня с подозрением. Надо вам сказать, что эта девушка не только не питает ко мне нежной страсти, но, напротив, всегда держалась крайне холодно и высокомерно. И мне отлично известно, что она не раз уговаривала отца взять другого адвоката. И тут сразу же прямо спросила, могут ли какие-либо действия — и мои, и ее отца — оправдать намеки Мареллы. Потом начала выяснять, каким образом у Ли Сэма могли бы возникнуть неприятности. А дальше стала настаивать, чтобы я во всем признался ее отцу. Иначе Береника попросит, чтобы он сам докопался до истины. Я немного подумал и решил ничего от нее не скрывать. Но чего я до сих пор не понимаю, так это — каким образом о моих делах узнала Марелла?

Адвокат снова замолчал, допил виски и бросил выразительный взгляд на бутылки, но сдержался.

— Слушайте, Кауши, я готов сделать полное признание. Я расскажу вам правду и, если это вам поможет раскрыть дело, надеюсь, вы обо мне не забудете. История такова: два или три года назад ко мне пришел Руди Спигла. Он работает на Джека Рокку и управляет транспортной компанией грузов, в частности перевозкой шелков Ли Сэма. Спигла сказал мне, что на контрабанде шелка можно легко заработать кучу денег, и пояснил, что благодаря грузовикам мы, ничем не рискуя, сколотим приличное состояние. Его план и в самом деле показался мне безопасным. Во всяком случае, для меня, поскольку я знал, что Рокка — стоит ему обнаружить махинации Спиглы — быстро с ним закончит, пустив в ход кастет или пулю. Однако при любом раскладе это останется строго между Роккой и Спиглой. Мне нужны были деньги, и я согласился. Должен признать, мы действительно неплохо заработали. Беренике я сказал, будто старый Ли Сэм тоже занимается шелковой контрабандой — мне это показалось очень ловким ходом. Я знал, что, даже если старик

Окончание. Начало в № 3.

начнет отпираться, Береника не поверит, а сама будет хранить тайну ради него.

— Сволочь вы, Торенсен, — говорю я, — но очень неглупая сволочь. Ладно, продолжайте.

— Беренику страшно удивило, что такой богатый человек, как ее отец, опускается до мелкого жульничества. Но я напомнил ей, что все китайцы — игроки по натуре, и объяснил, что старого бонзу занимают не столько деньги, сколько риск. Тогда она поверила.

Торенсен встает и снова наливает себе виски.

— Без двадцати восемь Береника ледяным тоном попрощалась со мной и уехала. Я чувствовал себя на коне — теперь я мог уехать из Сан-Франциско в полной уверенности, что эта молодая особа ради своего папочки будет держать язык за зубами. Так что волноваться не стоило.

— Да, но тут-то вы и попали пальцем в небо, правда? Береника оказалась гораздо сообразительнее, чем вы думали. Я наверняка здорово вас ошарашу, но могу сообщить, что она ни на секунду вам не поверила!

Адвокат и вправду ошалело тарашится на меня.

— Не понимаю!

Я смеюсь.

— Слушайте, дружок, сейчас я скажу еще одну вещь, которая, надо думать, окончательно вышибет вас из седла. Когда Беренику с отцом вызвали на допрос в полицию, наша приятельница заставила старика признаться, будто он занимался контрабандой шелка.

Торенсен широко открывает глаза.

— Не может быть! Старый Ли Сэм в жизни не прикасался к этому делу. Он даже ни о чем не догадывался!

— Правильно. Тогда почему Береника вынуждала его признаться в том, о чем он не имел понятия? Хотите знать ответ? Девушка не попала на вашу удочку. Более того, заподозрила, что вы скрываете какие-то гораздо худшие махинации. С другой стороны, она не сомневалась, что в случае чего вы не отстанете от своей версии. И вот, во избежание расследования, которое могло бы обнаружить истинное положение вещей, Береника уговорила старика сделать ложное признание.

Торенсен, видно, здорово струсил.

— И однако я сказал вам чистую правду! Мы со Спиглой никогда не прозвонили ничего, кроме шелка. Ни разу не дотрагивались ни до чего другого!

— Угу, это вы так думаете.

Я закуриваю и поднимаюсь.

— Ладно, значит, ваша версия такова. Что же, может, это и смешно, но я верю в вашу искренность. В таком случае, вы навели меня на след.

Я беру плащ и шляпу.

— Так вы безуспешно ломали голову над поведением Мареллы? И над странной атмосферой на вилле, над непонятными поступками жены, над тем, как она уволила Нелли и приняла Беренику? Не-

ужели до вас так и не дошло, что всему этому есть замечательное объяснение? Нет? Тогда вы пропитались виски до полного разжижения мозга!

Торенсен снова изумленно таращит на меня глаза.

— Ну, Кауши, вам-то сообразиловки не занимать, это уж точно. Неужто вы нашили ответ?

Я киваю.

— Ясное дело. Все очень просто — Марелла по уши накачивалась нарковой.

* * *

Мы приземляемся в аэропорту Сан-Франциско в четыре часа утра. При таком пилоте можно мечтать только об одном — поскорее добраться до постели. Парень так замерз, что даже перспектива скорой встречи с женой не может охладить его больше. А я умираю от желания поспать. Честное слово, если бы сейчас на меня набросились убийцы, я, наверное, не стал сопротивляться.

На прощание мы с пилотом заглатываем по стаканчику обжигающего черного кофе, потом я сажусь в машину и еду в «Сэра Фрэнсиса Дрейка».

В моей комнате на столе лежит конверт от Бренди. Он возвращает мне писульку Мареллы Эймару. Там же письмо из архивов Федерального бюро, адресованное в полицейское управление Сан-Франциско для меня.

Я вскрываю конверт. Внутри — оригинал письма Мареллы Боссу от 1 января.

Я смотрю на него как баран на човые ворота и раздумываю, не чокнулся ли я окончательно.

Марелла никогда не писала этого письма! Здесь совершенно другой почерк, но и его я тоже где-то видел!

Я бросаю письмо на стол и вынимаю из кармана рекламу Оклахомы Джо, которую получил перед отлетом в Лос-Анджелес... На обратной стороне, как вы помните, кто-то набросал несколько строчек карандашом, советуя искать Джо Мидлера у Оклахомы.

Да, тот самый почерк! Значит, этот неизвестный советчик — автор письма к Боссу, подписанного «Марелла Торенсен»!

Теперь я понимаю, почему Марелла так удивилась появлению Береники на видле: она вовсе не писала в Шанхай! Записка на рекламном проспекте, письмо моему шефу и письмо в Шанхай написаны одной и той же женщиной, но не Мареллой.

Ну что ж, надо извернуться и как-нибудь выяснить имя этой любительницы скрести ручкой по бумаге.

Я убираю письма в ящик стола и забираюсь в постель. А за окном занимается новый день.

Похоже, я начинаю соображать, в чем загадка всей этой запутанной истории.

КОГДА я просыпаюсь, уже три часа пополуночи. Прежде чем принять душ, звоню дежурному и прошу предупредить начальника участка Бренди и инспектора О'Халлорана из полицейского управления, что я ожидаю их к четырем часам.

Потом с наслаждением принимаю душ и отхлебываю глоточек бурбона — по моим понятиям, самый роскошный завтрак. А тут и мои приятели появляются.

Бренди плюхается в большое кресло, кладет ноги на стол и закидывает в рот десятицентовую сигару. О'Халлоран со своей гнусной трубкой в зубах и бутылкой бурбона в лапе вольготно устраивается на диване. Вскоре комната до такой степени наполняется дымом, что я начинаю мечтать о противогазе.

Но все же приходится объяснить им вкратце что к чему и дать ценные указания.

— В первую очередь, надо срочно обыскать кабинеты Рокки и Спиглы в «Ту Мунс» и то же самое дома. Не пропустите ни одного гаража, грузовика или склада, ничего, что как-то относится к компании транспортировок Рокки. И сейчас и вам скажу, почему. Я сильно подозреваю, вся эта история с контрабандой шелка придумана для отвода глаз. Эта публика так охотно признается в подпольном провозе шелка, что в конце концов я подумал: а не скрывается ли под завесой этой тьмы хорошенькое осанное гнездо? Вот так-то. А единственный способ быстро и с толком перерыть всю округу — облага. Стало быть, сегодня ночью предстоит гигантский шмон во всех горячих точках: «Ту Мунс», служебные помещения, гаражи, склады — все! Главное — действовать одновременно. Предлагаю назначить операцию на полночь. Ты, Бренди, придумай для облавы какой-нибудь предлог, только так, чтобы это не выглядело совсем липой. Закончив обыск, арестуй Рокку и Спиглу, а заодно всех, кто будет этим недоволен. Отвези всю компанию в центральное управление и держи там до утра. Если кому из них потребуется помощь религии — отпустишь на воскресную службу. Так, ладно. Пока ты, Бренди, организуешь облаву, мы с О'Халлораном пошарим на дому у Рокки и у Спиглы — вдруг обнаружим какую-нибудь наколку? Потом О'Халлоран присоединится к тебе, а я пойду побеседую с Оклахомой Джо, хозяином клоповника, где, если верить таинственной записке, у меня есть шанс найти Джо Мидлера. Кстати, Бренди, ты случаем не знаешь чего-нибудь об этом Охлахеме?

— А как же! Между прочим, то, что он замешан в этом деле, выглядит довольно странно. Понимаешь, Охлахома, кажется, единственный человек в этом городе, кто несколько не бонтся Рокку. Говорят, когда-то они уже выясняли отношения на

пушках. Оба были ранены и теперь вроде как относятся друг к другу с почтением. Ума не приложу, почему Джо Мишлер вздумалось прятаться у Оклахома? Раз он работал на Спиглу, то никак не мог рассчитывать на радушный прием у врага Рокки.

— Не ломай напрасно голову, Брендя. Может, у него на то свои причины. Ладно. А теперь проверим программу действий. Ты занимаешься облавами, Брендя, а когда все будет на мази, звонишь мне. Как только машины выедут на место, мы с О'Халлораном займемся жилищами наших клиентов. Ты, Терри, постарайся, чтобы к полуночи путь был свободен. Нам надо подобраться к Рокке и Спигле незаметно, а потом ударить без всяких происшествий. Ясно?

— Ясно, — говорит Брендя. — Похоже, сегодня ночью весь город встанет на рога. Представляешь картину? Чтобы обшарить все предприятия Рокки, нужно не меньше тридцати групп! Ох, и погудят же сегодня полицейские сирены! Как бы мирные граждане не вообразили, будто началась атомная война!

Я улыбаюсь.

— Ты прав, Брендя, дело предстоит горячее. А теперь — за работу!.. Мне еще надо пораскинуть мозгами.

И они уходят.

* * *

Ровно в полночь начинается представление. В смысле организации Брендя с О'Халлораном постарались на славу. Я бы и сам не сумел лучше.

Без десяти двенадцать телефонная служба отключила все линии, соединяющие склады, гаражи, кабаре и прочие заведения Рокки. Это на случай, если какой-нибудь умник почувствует неладное и задумает предупредить приятелей.

Облавы не предвидятся только в одном подозрительном притоне — у Оклахома Джо. Но можно не сомневаться, что благодаря негритянскому радио городской шпаны Оклахома узнает о грандиозном переполохе у Рокки. И мой старый приятель Джо Мишлер возрадуется, что вовремя перебежал во вражеский стан. Поэтому как, сдается мне, бастионы господина Рокки сильно пошатнутся этой ночью.

Со мной в машине Брендя, О'Халлоран, начальник группы и четыре агента. Все мы вооружены, потому что в таких случаях всякое бывает. Но я настроен скорее оптимистично. Как только Джек Рокка поймет, что с протоколом шутки плохи, ему останется только сдать.

Мы переступаем порог «Ту Мунс» прежде, чем швейцар успеваешь оценить размер катастрофы и подать сигнал тревоги. В следующую минуту Брендя уже стоит посреди таилплошадки и вопит на весь зал, как сержант морской пехоты. Почтенная публика галопом мчится к служебному ходу, надеясь таким образом улизнуть от

преследования. Иллюзия! Там уже ждут две полицейские машины, и стражам порядка остается только раскрыть объятия.

— Спокойно! — орет Брендя. — Никакой паники! Это не налет. Мы проводим акцию по оздоровлению общества. Не двигайтесь с места, леди и джентльмены, нам нужны не ваши деньги, а лишь имена и фамилии. Задержаны будут только подозрительные лица. Остальные смогут вернуться домой и объяснить жене, что ходили навещать больного приятеля.

Мы с О'Халлораном бежим по коридору к лифту. В это время кабинка останавливается, и выходит Рудя Спигла.

— Привет, Руди, — говорю — Ну что, пошли? Я приготовил для тебя самый уютный уголок камеры! Покой, свежий воздух, мягкое освещение... Ну, как тебе это нравится?

Он смотрит на меня, как на гнию.

— Так это опять вы, Каушин? По-моему, вы готовите себе ужасные неприятности, — бросает он. — Хотя вы и федеральный агент, но нельзя же творить что угодно безнаказано!

— Кроме шуток? — улыбаюсь я. — Ну что ж, олух царя небесного, сейчас я покажу тебе, что могу сделать безнаказано!

И я от души луплю его по физиономии. Спигла стучается об стенку. Еще немного — и на цементе остался бы отпечаток его головы. Однако он поднимается и, свирепо глядя на меня, тянет руку в карман. Но Терри уже держит его на мушке. Быстрый обыск — и он вытаскивает на свет божий пушку Спиглы, кольт 32-го калибра.

— У тебя есть разрешение на оружие? — спрашивает Терри.

— А как же!

Спигла вытаскивает из кармана бумажку. Терри читает ее и рвет на мелкие кусочки.

— Вот и все, — с удовлетворением замечает он, — нет у тебя больше никакого разрешения. И я арестую тебя за незаконное хранение оружия.

— Фуфловый предлог! — вопит Спигла. — Вам обоим это дорого обойдется. И сперва скажите мне, почему вы устроили здесь облаву? В моем заведении нет ничего противозаконного, и вам это отлично известно!

— Что? Незаконно, говоришь? А нам чихать, — любезно поясняю я. — Ты хочешь знать причину проверки? Что ж, пожалуйста, во-первых, система вывоза отходов не соответствует муниципальным нормам; во-вторых, порции спагетти и мороженого меньше норм, предусмотренных галатой мер и весов; в-третьих, нам больше нечего делать. А если тебе нужны другие причины, то тебе их даст судья и, возможно, в трех экземплярах.

— А пока, — говорит Терри, — поправлю профиль, чтобы научить вежливо разговаривать с моим коллегой!

И он награждает Спиглу такой оплеухой, что ее, должно быть, слышно у небесных врат.

— Прежде чем мы с вами расстанемся, мистер Спигла, — говорю я, — попрошу все ваши ключи. Я намерен тщательно исследовать ваше жилище на Малбери Амз. Вдруг я там найду ферму по разведению белых мышей?

— Тысяча чертей, Каушн! Вы мне за это заплатите! У вас нет никакого права обыскивать мой дом. Где ордер на обыск?

— Совершенно верно, сокровище, — отвечаю я, угосая его прямым коротким ударом в ухо, но это просто так, чтобы не терять навык. — Ты абсолютно прав — у меня нет ордера, но зато у меня воспаленные гланды и родинка в форме миндалины на коленке (это потому, что мамаше Каушн страшно хотелось миндали, когда она меня ожидала)... Так вот, эти две особенности дают мне полное право обыскать твое гнездышко любви, о свет моих очей, а потому заткнись и гони ключи!

Он молча дает мне связку, и в тот же момент из лифта в сопровождении двух фараонов выходит Джек Рокка. Он любезно улыбается и, очевидно, воспринимает происходящее не только хладнокровно, но и с полнейшим добродушием. И я говорю себе, что у этого Джека неплохо развито чувство реальности.

Поглядев на Руди, он сразу понимает, что произошла легкая стычка — во-первых, у Спиглы башка раздулась, как тыква, а во-вторых, там и сям виднеются другие знаки дружеского участия.

— Неужели ты так никогда и не научишься вести себя разумно, Руди? — качает головой Рокка. — Какой смысл ссориться с легавыми? Прекрати ершиться и пошли.

— Bravo, Рокка! — одобряю я — Очень мудрое предложение.

Он широко улыбается.

— Скажите, Каушн, зачем понадобилась эта гигантская облава? Как я уже говорил вам, у меня в этом городе нет никакого подпольного бизнеса. Я веду себя тихо и спокойно. Повторяю, это чистая правда.

— Я верю вам, Рокка. Беда в том, что некоторые люди не в состоянии даже догадаться, какие фигли-мигли творятся у них под носом. Пока, мыслитель!

Фараоны уводят их, а мы с О'Халлораном поднимаемся на лифте. Из окна доносится вой полицейских сирен на Калифорния-стрит и по всему портовому кварталу.

Мы быстро обыскиваем кабинеты Рокки и Спиглы. Пусто! Одни деловые бумаги, счета и прочее в том же роде.

— Ладно, Терри, — говорю я, — здесь мы с тобой расстанемся. Ты беги домой к Рокке, перекопай все снизу доверху и попытайся найти что-нибудь жареное. А я отправлюсь к Спигле. Когда закончишь, топай в контору и посчитай результаты других облав. Главное, не забудь про гру-

зовики. И подожди меня, потому что мне надо еще повидать нашего приятеля Джо Миллера.

— Окей, Лемми, только будь осторожен с Джо. Этот экземпляр отнюдь не питает к тебе теплых чувств, а потому запросто может приставить к пушку и спустить курок, чтобы посмотреть, не накачан ли ты воздухом.

— Ты меня удивляешь, — возмущаюсь я. — Уж если кто и спустит курок, то только сын мамаша Каушн по имени Лемми! Ну, до скорого.

Я спускаюсь вниз и выхожу через главный подъезд. На углу улицы, как мы и договаривались, ждет машина. Я сажусь за руль и гоню к красивым кварталам в верхней части города. Когда я добираюсь до Малбери Амз, бьет час.

Я показываю удостоверение ночному сторожу, объясняю, что иду в квартиру мистера Спиглы и не хочу, чтобы мне мешали. Потом сажусь в лифт и через пару минут вхожу в обиталище Спиглы.

Да, ничего не скажешь, парень умеет жить, и надо признать, у него хороший вкус. Обстановка явно дорогая, но без кричащей роскоши. Все в образцовом порядке, блестит и сверкает. Шкаф набит заказными костюмами и ботинками ручной работы. Вижу стопку шелковых рубашек и даже полдюжины новеньких дамских ночных сорочек. Это меня немного огорчает, потому как доказывает, что Руди не всегда занят только работой.

И я методично принимаюсь за дело, переворачивая все вверх дном. Шарю по углам, придумываю самые невообразимые тайники... Ничего! Я закуриваю и принимаюсь разглядывать фотографии девичьих стенок. Вот уж чего тут хватает! В самой глубине, низкосок от большого резного секретера висит большой портрет Руди, должно быть, питает к оригиналу особо теплые чувства, поскольку к рамке прикреплена маленькая лампочка. Я зажигаю свет и смотрю.

Вот это девочка! Незабываемое лицо. Взгляд отрешенный и нежный, ищущий тепла и поддержки, как некогда старик Диоген искал человека. Внизу надпись: «Руди, подарившему мне чудесный сон и волшебные грезы».

Видали вы что-нибудь подобное? Девочка, которая это написала, заслуживает, чтобы ее как следует отшлепали хорошо нагретой сковородкой. Нет, я насколько не шушу!

Продолжаю обыск. Наконец, добираюсь до секретера — его я оставил на закуску. Но и там нет ничего, кроме старых писем, билетов и программ скачек. Но в ящиках далеко не такой образцовый порядок, как во всей квартире.

Перекопав все, я так и не нахожу ни единой зацепки. Усевшись за секретером, еще раз оглядываю комнату. Великолепное жилище, и Руди здорово потрудился над освещением — повсюду лампочки, дающие мягкий, интимный свет. Внезапно я замечаю одну из таких ламп как раз над

портретом. Это довольно странно, поскольку у картины и так есть собственное освещение.

Идея! Я встаю и снимаю портрет. В самую точку! За картиной стенной сейф, и вторая лампа предназначена для его освещения.

Открываю ключом Руди.

Внутри нет ничего, кроме письма. На конверте — штемпель центрального почтамта Сан-Франциско и время выемки — 9 часов.

Конверт аккуратно вскрыт ножом. Я вытаскиваю письмо. Почерк мне не знаком.

«Руди, хочу сказать тебе, что ты поступил со мной на редкость благородно. С моей стороны было очень гадко так тебя преследовать; но я сумею исправиться и начать все сначала, как ты мне советовал. Спасибо за бабки.

До свидания, Руди, будь счастлив. Эффи».

Это письмо вызывает у меня живейший интерес, потому как написано оно теми же чернилами «синь южных морей», что и письмо Мареллы к Торенсену, отданное мне Береникой.

Я запикиваю письмо в кармаи, внутренне хихикая от удовольствия. Этот сейф, в котором нет ничего, кроме письма, выглядит более чем забавно. Причем письмо — из тех, что обычно рвут, едва прочитав.

Интересно, почему Руди его сохранил? Впрочем, ломать голову не приходится, и вскоре у меня появляется смутная догадка: если он так берег это письмо, значит, предполагал, что однажды оно может ему очень пригодиться. Ну что ж, а я так совершенно уверен, что письмо Спигле больше не потребуется.

Я закрываю сейф, вешаю на место картину и чувствую, что окурочек вот-вот обожжет мне губы. Куда бы его бросить? На секретере стоит великолепная пепельница — глубокая, с дырочкой для окурочков на крышке и маленьким отделением для зажигалки сбоку.

Я беру новую сигарету и вытаскиваю из чехла зажигалку. Прикурив, пытаюсь положить ее на место, но что-то мешает, переворачиваю пепельницу, и на стол падает кольцо. Я внимательно разглядываю его. Это дамское золотое кольцо-печатка, и на нем выгравированы скрещенные ключи.

Так-так-так! Печатка Мареллы! Та самая, которой, по словам Нелли, она запечатывала все свои письма. И та, что исчезла!

Стоя посреди комнаты с кольцом в руке, я вглядываюсь в портрет на стене, за которым прячется сейф, и снова читаю дарственную надпись: «Руди, подарившему мне чудесный сон и волшебные грезы».

Ладно, хватит! Я нашел все, что хотел. Кольцо, надпись и письмо в сейфе, которое Руди оставил там нарочно для первого любопытствующего. Все это достаточно красноречиво...

Что ж, хорошая работа! Теперь остается Джо Мицлер.

ПРИТОН Оклахома Джо мне удастся отыскать только в половине третьего. И, уверяю вас, это далеко не дворец. Строберри-стрит — вообще такая улица, где можно ожидать чего угодно: там полным-полно борделей, грязных мебелишек, китайских притонов и прочих зловещих уголков. На замусоленной вывеске над баракком написано, что его хозяин — Оклахома Джо. На двери в конце коридора вырезано окошко. Надпись под ним гласит: «Справки. Звоните». Но я не думаю звонить, а просто распахиваю дверь и вхожу.

Передо мной комнатка, где нет ничего, кроме стола и небольшой печурки. За столом сидит кряжистый малый, похожий на бывшего моряка.

— В чем дело? — говорит он при виде меня. — Читать, что ли, не умеете? Там же написано: звоните. А дырка для того, чтобы выбирать посетителей. Мы не принимаем кого попало!

— Да что вы говорите? А я терпеть не могу звонки. Так это вы Оклахома Джо? Потому как если да, то рекомендую вам быть вежливым и все такое, а иначе я проделаю в вашей голове дыру побольше, чем глазок в двери.

— Ну да? — шерстит он. — Мистер жуть какой сердитый?

— Страшно сердитый, — заявляю я и сую ему в нюхалку свой значок. — А теперь слушай, Джо. Советую тебе помалкивать и вежливенько отвечать на вопросы, особенно когда их задает Лемми Каушн. У тебя есть жилец по имени Джо Мицлер, если только он не назвался как-то иначе. Сейчас я тебе его опишу.

И я самым добросовестным образом набрасываю ему портрет Джо. Оклахома смотрит на меня, задумчиво почесывая в затылке.

— Право слово, — наконец говорит он, — я в затруднительном положении... Вроде бы ваш клиент у меня. И я почти уверен, что он занимает комнату на третьем этаже. Но, по-моему, этот парень...

— Да что, по-твоему...

— Да то, что он из тех, кто даже в постели не расстается с пушкой. Я, конечно, обязан расспрашивать клиентов, кто они и откуда, но, когда появился этот тип, я сразу подумал, что он от кого-то прячется. И еще. Сдается мне, у парня прескверный характер, и он вполне способен засыпать свинцом весь барак, коли решит, что пришли по его душу... скажем, кто-нибудь вроде вас... то есть легавый!

— Спасибо, Оклахома, вы очень любезны, что предупредили меня, но, знаете, жизнь легавых прямо-таки кишит всякими неприятностями, так что Джо Мицлер — это еще цветочки. А потому, если у вас нет возражений, пойду-ка я скажу пару теплых слов нашему приятелю.

— Ладно, — говорит он, поднимаясь, — пошли.

— Ну, об этом и речи быть не может. Ты остаешься тут и молчишь в тряпочку. Если ты воображаешь, будто я пушу тебя вперед, чтобы ты успел предупредить Мицлера и он начал палить, как только откроется дверь, значит, ты плохо знаешь мистера Каушна. Так что не рыпайся и не пытайся умянчать, иначе я тебя превращу в решето. Понял?

Оклагома понял.

Я прохожу в другой конец комнаты, открываю дверь и оказываюсь в сильно загаженном коридоре. В конце его — шаткая лесенка. Карбакаюсь вверх. На втором этаже две двери. Обе приоткрыты, и оттуда доносится храп. Я бесшумно поднимаюсь на третий этаж.

Тут тоже две двери. Правая открыта, и в комнате никого нет. Осторожно поворачиваю ручку левой двери. Заперто. Под дверь тут же появляется полоска света. Я вытаскиваю люгер, отступаю я, вышиб замком ногой, вхожу.

Эта комната — настоящий чердак. В глубине, под самым окошком, — раскладушка, а на ней возлежит Джо Мицлер собственной персоной. Когда я вхожу, он тянет лапу под подушку. Я помахиваю люгером.

— Слушай сюда, Джо, когда ты вынешь свою очаровательную ручку из-под подушки, она должна быть пустой, иначе я разнесу тебе череп, Усек, красавец?

Он не отвечает, но руку вытаскивает, потом приподнимается и садится, свесив лапы, более, чем когда бы то ни было, похожий на гориллу. Я беру стул, прислоняю его спиной к двери и усаживаюсь. Дуло моей пушки глядит прямо в пузо Джо.

— А теперь ты меня выслушаешь, Джо, и попытаешься вести себя вежливо и послушно. Будешь паянкой — может, судьба обойдется с тобой не слишком сурово. Но предупреждаю: начнешь валять дурака — не успеешь даже пожалеть об этом.

Он улыбается.

— Понял, мистер Каушн. Я вас слушаю. А уж потом решу, стоит мне говорить или нет.

— Отлично. Тебе, конечно, любопытно, как я узнал твой адрес. Мелочь, конечно, но очень важная! Ну что ж, я тебе с удовольствием об этом расскажу: неизвестный доброжелатель отправил мне рекламный проспект этого барака, указав на обратный стороне, что, возможно, я тебя здесь найду. И, представь себе, я быстро сообразил, кто автор записки. По-моему, это лялька-блондинка.

Я шарю в кармане, вытаскиваю оттуда бумажку, потом встаю и иду к Джо.

— На-ка, Джо, глянь и скажи мне, ели это почерк.

Он берет проспект и разглядывает записку. А я тем временем сую руку под подушку. Представьте себе мое удивление! Там лежит старый кольт .45-го калибра, к

тому же заряженный как полагается! Я засовываю его в карман пиджака, а Джо следит за мной с легкой грустью. Возможно, он питает нежные чувства к этой пушке.

— Точно, — говорит, — это почерк блондинки. А как вы догадались?

— Ну, Джо, она же тебя боялась, разве не так? Это неизбежно. Преследуемые беглецы в конце концов всегда ссорятся. Она тебя бросила, но, видно, сочла, что этого мало, а потому и навела меня на след, чтоб я отправил тебя за решетку. Вероятно, лялечка считает, что когда ты попадешь под замок, ей будет нечего бояться.

Он смотрит на меня с улыбкой.

— А для легавого вы не дурак!

— Кто? Я? Да меня все называют Эйнштейном! Но я хочу спросить у тебя еще кое-что. Блондинка тебя боялась, согласен, но не потому ли, что ее заставили работать на пару с тобой и у нее просто не было выбора? Уж не Руди ли Спигла приставил тебя к ней?

Джо возвращает мне проспект, и я снова убираю его в карман.

— Думайте, что хотите, — говорит он. — Мне нечего сказать.

— Кроме шуток? А я думаю, ты станешь куда болтливее, когда сядешь задницей в кресло с подогревом. И я даже представляю, как запахнет жареной свинойной! Знаешь, я повидал немало крепких орешков, но наступает момент, когда любовь раскалывается.

Похоже, он малость забеспокоился.

— Ну да? И насчет чего же я должен раскалываться? Я в жизни никого не прикончил. Уж не хотите ли вы, часом, взвалить на меня убийство Мареллы Торренсен?

— Да что ты! — возмущаюсь я. — Как можно! Я уверен, что Мареллу шлепнул не ты, но вот убийство сторожа морга, Глюка, — точно твоя работа. Признайся, Джо, ведь это ты его порешил, а?

— Это еще надо доказать.

Я быстро понимаю, что эту тварь не так просто взять на пушку.

— Послушай, Джо, я ведь не прошу тебя выложить мне всю свою биографию. Мне нужно уточнить два-три момента, а ты просто скажешь, ошибаюсь я или нет. Вот, например, такой: когда Спигла начал ездить на виллу Розалито? Не погода ли назад? Ответив, ты несколько себе не повредишь.

Джо делает вид, будто страшно удивлен.

— Вот как? Спигла ездил на виллу? Кто бы мог подумать!

— Тебе это отлично известно, Джо. Немного найдется такого, чего бы ты не знал о Руди Спигле. Очень возможно, что ты вел машину, когда он забирал тело Мареллы с виллы Розалито, и даже не исключено, что это ты бросил труп в воду. В таком случае ты же и звонил в полицию, чтобы сообщить насчет покойни-

цы, плавающей возле набережной. Да-да, Джо, сдастся мне, ты очень много знаешь. Он по-прежнему прекрасно себя чувствует. Сидит себе с идиотской улыбкой, которая страшно действует мне на нервы.

Должен признаться, у меня вообще аллергия на таких, как Джо Мицлер. Гнусные второсортные ублюдки! Громадные лапищи, тяжелая артиллерия и всегда к услугам какого-нибудь кайда*. Видеть не могу эту мелкую сволочь!

Но сейчас я чувствую, мой голубок что-то затевает. Уж слишком он спокоен, и это приводит мне на память Оклахому Джо. Раз Оклахома его прячет, не исключено, что они приятели. Тогда какого черта Оклахома с такой поспешностью сообщил мне, легавому, что Мицлер сначала нажимает курок, потом думает? И вдруг я врубаюсь, в чем хитрость: наверняка у Джо есть вторая пушка. Стало быть, Оклахома Джо — неплохой стратег. Очевидно, он представлял себе дело так: я обнаруживаю под подушкой кольт, забираю его и тут же успокаиваюсь, настолько успокаиваюсь, что убираю люгер в кобуру. И тут уж Джо остается только выхватить вторую пушку и отыгаться.

Мне так хочется проверить это дело, что я решаю рискнуть. Запихиваю люгер под мышку и прикуриваю сигарету, наблюдая за Джо краем глаза. Не успевает спичка погаснуть, как он переходит к действию.

Джо сует лапу под рубашку и выхватывает маленький пистолет-автомат 22-го калибра. Потом смотрит на меня и щерится в довольной ухмылке. Так и хочется врезать по этой роже! Но я улыбаюсь в ответ.

— Ты меня удивляешь, Джо, — говорю. — Никогда не думал, что ты пользуешься такими дамскими игрушками.

Тут мне в голову приходит занятная мысль.

— Но скажи-ка, Джо, не из этой ли штуки ты ухлопал Мареллу?

— Неправда, Кауши! Начнем с того, что это не я прикончил Мареллу, и потом для работы я бы и в руки не взял эту штуку. Я люблю игрушки побольше, вроде колъта, который вы у меня стащили. В жизни не стрелял из такой ерунды, но это ничего не значит. Очень уж хочется потренироваться и всадить вам в чайник пиллюлю.

Он радостно смеется. Настоящий гангстер, этот Джо! Пожалуй, он и впрямь способен застрелить меня из этой мухобойки. А потом спокойно завалиться спать.

— Раз уж вы такой любопытный, могу вам кое в чем признаться, Кауши. Да, это я пустил Мареллу поплавать и я же потом позвонил фараонам. Но только от моих откровений вам ровно никакого проку, потому что я сейчас нафарширую вашу черепушку свинцовыми сливами, а потом корешки свырнут в водичку и вас. Короче, растворитесь без осадка.

Я не в настроении шутить. Надо было совсем рехнуться, чтобы валять дурака с

* Кайд — главарь гангстерской банды (Прим. пер.)

таким типом, как Джо. Он поднимается на ноги и чуть-чуть поворачивает пистолетик. На меня тут же нисходят покой и умиротворение — этот придурок забыл снять предохранитель! Кроме того, он сам признался, что никогда не стрелял из пистолета-автомата. И никто не подумал объяснить, что на этих штуках есть предохранитель, который надо сдвинуть большим пальцем.

— Куда стрелять? — нахально спрашивает Джо. — Спереди? Сзади? В голову или в буфет? Говорят, это больнее всего.

Я встаю. Дуло тоже приподнимается и сейчас смотрит мне в грудь.

— Ты не рискуешь нарваться на неприятности, если начнешь палить, Джо? Вдруг кто-то услышит и прибежит? — спрашиваю я.

— Плевать! У меня здесь одни кореша. Я ныряю головой вперед и слышу, как Джо отчаянно ругается: он нажимает курок, но пистолет и не думает стрелять. И тут я бодаю его в солнечное сплетение; сразу же лулю с правой и с левой в брюхо, потом отступаю и резко выбрасываю вперед ногу. Джо, получив прямо по центру буфета, с хрипом падает на пол.

Мне остается подобрать пистолетик и сунуть в карман.

Джо извивается от боли на грязном полу. Должно быть, ему совсем не сладко. Я прикидываю, что еще несколько минут он безвреден для общества, и с люгером в руке бесшумно спускаюсь вниз. Оклахома страшно удивлен, увидев меня живым и здоровым.

— Привет, Оклахома. У тебя есть телефон?

Он отвечает, что есть. Я показываю ему люгер и говорю:

— Сейчас ты позвонишь в полицию и скажешь, что мистер Каушн просит срочно прислать машину за Джо Мицлером и Окламой Джо.

— Дерьмо собачье! — кричит он. — Что вы можете иметь против меня? Я же ничего не сделал!

Я запикиваю его в маленькую комнатку и провожаю до телефона. Для вящей убедительности угощаю довольно резким ударом по физи. Поэтому, набирая номер, он вытирает кровь черным от грязи носовым платком.

В ожидании машины мы с Окламой поднимаемся к Джо. Тот совсем не в форме. Очевидно, мой башмак угодил в нужную точку, и не исключено, что я искалечил его навеки. Эта мысль доставляет мне некоторое удовольствие, потому что, как я уже говорил, у меня аллергия на Джо Мицлера.

Мы сажаем Джо на стул. Он стонет, дергается и, похоже, вот-вот вывернется наизнанку. Я закуриваю и поворачиваюсь к Оклахоме.

— Слушай-ка, Оклахома, — говорю. — У тебя есть время подумать. Но только давай побыстрее. Скоро придут копы, но если ты будешь вести себя разумно, тебя никто не заребет.

— Да? — неуверенно спрашивает он.

— Угу. Скажи мне одну вещь: с каких пор Руди Спигла или Джек Рокка торгуют наркотиками в этих краях?

Он смотрит на меня круглыми глазами.

— Не понимаю, о чем это вы.

— Ты уверен?

— Еще бы нет!

И тут я слышу, как подъезжает машина. Вскоре появляются мои коллеги под началом одного из помощников О'Халло-рана.

— Можете забирать обоих уродов, — говорю я. — Тот, у которого что-то вроде желудочных колик, — Джо Мицлер. Для начала ему можно предъявить обвинение в покушении на федерального агента. Потом сыщется что-нибудь еще. А этот — хозяин притона. Укрывательство и торговля наркотиками.

Как ни вопит Оклахома, что он ни в чем не виноват, его увозят вместе с Мицлером. Ну, а я сажусь в свою тачку и еду в участок. Там меня поджидают Брендис с О'Халлораном.

— Могу сказать тебе лишь одно, Лемми: снимаю шляпу! — заявляет Брендис. — Большинство пойманных мы отпустили, но Рокка и Спигла — под замком, каждый в своей камере. А кроме того, накрыли несколько старых знакомых, которых давно разыскиваем.

— А как большой шмон в гаражах, на складах и так далее? — спрашиваю. — Нашли вы то, что меня интересует?

На физиономии Брендиса появляется довольное выражение:

— Еще как! Сначала мы было решили, что остались с носом. В кабаре, на складах и в гаражах — дырка от бублика! Но, проверив число грузовиков, выяснили, что два где-то бродят. Ну, я отправил ребят патрулировать. Грузовики нашли и обыскали. В одном действительно лежали шелка Ли Сэма, но второй казался совершенно пустым, пока не приподняли двойной пол.

— Поздравляю, дружище! — говорю. — Этот грузовик стоял недалеко от порта, так ведь?

— Точно! А откуда ты знаешь?

— Он направлялся к Оклахоме или возвращался оттуда, — объясняю я. — И могу догадаться, что вы там нашли.

Брендис указывает на столик в углу.

— А вот что: потрясую коллекцию наркоты! Хватило бы на целый завод. Морфий, кокаин, опнун — весь базар! Кого будем сажать, Лемми?

— Никого. Во всяком случае, пока! Можно даже выпустить всех, кого забрали сегодня, оставив только Рокку и Спиглу. Но не пускайте к ним адвокатов!

— Ладно, — ворчит Брендис. — А теперь что будем делать?

— Вы — что угодно, а я пойду спать, потому как завтра отправляюсь в путешествие.

— Так-так. И куда же ты собрался на этот раз, Лемми?

— В Сан-Диего. Письмо с преспектом и указанием, где искать Джо Мидлера, прилетело оттуда. Вот я и жажду повидаться с лялькой, которая отправила мне это нежное послание. И будь я дровяк, если после этого мы не захомутаем более крупную дичь, чем вся эта мелюзга!

10

Я ПРОСЫПАЮСЬ, смотрю в окно и вижу, что сегодня один из тех зимних дней, какие я особенно люблю. Мороз и зябкое, бледное солнце. В такую погоду красотики закутываются в меха, и это придает им забавно-кокетливый вид.

После душа заглатываю классический завтрак (вы уже знаете, какой) и надеваю парадное облачение — новый костюм и шелковую рубашку. Это подарок одной куколки, так сказать, знак благодарности. Там вышла скверная история — гачгстеры изрешетили ее мужа автоматными очередями, случайно приняв за кого-то другого. Надо думать, тот парень здорово им насолил.

Заглатываю еще стаканчик бурбона, просто чтобы не потерять навык, и звоню Беренике.

— Привет, Береника! У телефона Лемми Каушн, и он хотел бы с вами поговорить.

Я слышу ее тихий смех. Удьянительно приятный звук — прямо мурашки бегут по коже.

— Ну, разумеется, мистер Каушн, — самым невинным тоном говорит Береника. — Я вас жду. Хотите надрать мне уши?

— Возможно, потому что хочу услышать от вас всю правду и ничего, кроме правды, Береника. А иначе страшно рассержусь. Только не надейтесь выкрутиться, забывая мне уши китайскими сказками!

— А между прочим, китайские легенды очень красивы, Лемми... — Ее голос звучит еще нежнее. — Слышали вы, например, о Голубом Драконе?

— Ладно-ладно, Береника, ваш голубой дракон может проваливаться хоть в тартары!

— Прекрасно. Но предупреждаю, что Голубой Дракон — это вы! Я сразу дала вам это имя!

— Хорошо, куколка, называйте хоть голубым драконом, хоть лакированной уткой — неважно. Учтите одно: сейчас я приеду к вам за правдой, а если ваши объяснения меня не удовлетворят, придется посадить под замок Ли Сэма, вашего бедного старого папу. Что вы на это скажете?

— Это разобьет мне сердце, — очень серьезно отвечает она.

— Ну что ж, Береника, если хотите сохранить свое сердце в целости и сохранности, придется честно отвечать на мои вопросы.

И я вешаю трубку. Не знаю, что думаете о Беренике вы, ребята, знаю только то, что думаю о ней сам.

А думаю я: «Спасайся, кто может!»

Эта герлушка с пол-оборота устраивает вам электршоук. Я жду в гостиной, и она появляется в голубом платье, облегающем тело, как волны скалу. Причесана Береника на чисто американский лад. Никому бы и в голову не пришло, что ее предки по мужской линии всю жизнь носили косичку и колотили в гоуг.

— Добрый день, Береника. Садитесь в кресло, а я буду задавать вопросы. Скажете правду — все обойдется, а нет — так я вызываю машину, и дорогой старый папа едет в мышеловку.

Она усаживается и окидывает меня ледяным взглядом.

— Меразвец вы, Лемми! Могу я у вас спросить, в чем вы обвиняете моего отца?

— Можете! Я обвиняю его во ввозе и продаже наркотиков в городе Сан-Франциско. Вам известно, чем ему это грозит? Береника выпрямляется.

— Если вы это сделаете, Лемми, я вас убью, — говорит она неестественным, напряженным голосом.

— Возможно, но это не помешает ему выслушать приговор. И, можете поверить мне на слово, старику будет чертовски трудно доказать, что он тут ни при чем и что его, как и Торенсена, обвел вокруг пальца Руди Спигла.

Береника облегченно вздыхает.

— Значит, вы в курсе, — говорит она.

— Да. И вы должны понять, что по уши влип! И пусть однажды вечером вы спасли меня от лап Джо Мидлера, велел подмешать мне в виски снотворного, в случае необходимости я могу проявить самую черную неблагодарность.

— Я расскажу вам все, что знаю, Лемми, — обещает Береника.

— Я хочу выяснить две вещи: первое — что произошло на вилле Розалито в ту среду, когда вы приехали на встречу с Мареллой? И второе — каким образом к вам в руки попало письмо Мареллы мужу, в котором она обвиняла его в любовной связи с вами?

— Вы правы, Лемми, я тогда соврала. Просто я отчаянно испугалась. Но теперь расскажу всю правду.

Береника рассказывает мне о встрече с Мареллой, и ее версия полностью совпадает с тем, что я слышал от Торенсена. Когда речь заходит о шелковой контрабанде, девушка поясняет:

— Папа это категорически отрицал, и тогда я решила, что Торенсен мне наврал и просто хотел таким образом прикрыть какую-то гораздо более опасную контрабанду. После этого я подумала, что должна вернуться на виллу Розалито и выправить у Мареллы правду.

— Минуточку, Береника! Когда вы показали Марелле шанхайское письмо, она вам его вернула?

— Нет, Лемми, я оставила письмо там.

Никак не думала, что это может оказаться так важно.

— О'кей, Береника. Итак, вы вернулись на виллу. Что там произошло?

— Я приехала туда без двадцати девять, но сколько ни звонила — дверь никто не открыл. Я обогнула дом и вошла через террасу. В доме горел свет, но при этом — ни души. Я обошла все комнаты и в конце концов добралась до кухни. Вот тут-то, на столе, прислоненное к чайнику, лежало письмо Мареллы Эймару...

Я аж подпрыгиваю.

— Береника, — кричу, — дурочка вы этакая! Что ж вы мне раньше-то не сказали? Черт возьми! И зачем понадобилось выдумывать эту притянутую за уши историю с письмом в автомобиле?

Она улыбается.

— Я чувствовала, что вы и так подозреваете меня в убийстве Мареллы, вот и не хотела рассказывать о возвращении на виллу. Но я никак не могу понять, Лемми, почему так важно, что письмо лежало на кухне.

— Дело вот в чем: днем на кухне лежала другая записка, оставленная специально для меня, чтобы я вернулся к девяти часам. Не соображаете? Предполагалось, что, приехав, я сразу же найду письмо Эймару. На самом же деле я побывал на вилле сразу после вас и, разумеется, ничего не обнаружил.

— Значит, письмо поддельное. Должно быть, убийца Мареллы написал его, чтобы вы заподозрили меня.

Я качаю головой.

— Нет, моя куколка, все гораздо сложнее! Письмо действительно написала Марелла. Более того, это единственное, написанное ее рукой!

— Но тогда, выходит, Марелла была еще жива незадолго до того, как я приехала на виллу, и ее заставили...

— Очень похоже на то, Береника! И я бы страшно хотел знать, кто именно...

Я долго изучаю ее ледяным взглядом, но девушка молчит и тоже смотрит на меня.

— Ладно, — говорю. — Стало быть, вы нашли письмо. А что потом?

— Сунула письмо в перчатку и поехала домой. Отцу ничего не сказала: папа — человек пожилой, зачем его пугать? К тому же сначала я не приняла эту бумажку всерьез. Просто не сомневалась, что это подделка. Но пока нас допрашивали в полиции, вы нашли письмо, и моя горничная это видела!

— Почему вы посоветовали своему старому папочке сделать фальшивое признание насчет шелковой контрабанды?

Береника пожимает красивыми плечиками.

— Я поняла, что этим пытаются прикрыть какое-то более грубое нарушение закона. Кроме того, я знала, что Торенсен станет держаться своей версии о подпольном провозе шелка. Поэтому-то я и решила, что, если отец признается в мелком грехе, полиция не станет копать глубже.—

На губах девушки мелькает легкая улыбка. — Увы, я не приняла в расчет Голубого Дракона...

— То есть меня?

— То есть вас.

Береника встает и подходит к окну. Солнце еще не село, и я люблюсь его отсветами на темных волосах. Немного постояв там молча, девушка угощает меня сигаретой и подносит зажигалку.

— Послушайте, Береника, мне бы очень хотелось вам поверить, тем более что ваш рассказ неплохо вяжется кое с какими моими собственными соображениями. Но, по-моему, вы еще не все рассказали. Так что, коли знаете что-нибудь, живо выкладывайте. Таким образом вы избавите от бесконечных неприятностей и себя, и своего мандарина папу.

Береника твердо смотрит мне в глаза.

— Я рассказала вам всю правду, Лемми. И ничего не боюсь. В семействе Ли Сэм нет ни подлецов, ни трусов.

— Bravo! Зато в семействе Кауши полным-полно кретнинов и кое-кому из нас случалось до смерти трусить. Иными словами, это еще ничего не доказывает.

Береника смеется, но внезапно снова серьезнеет.

— Все-таки я никак не возьму в толк, почему Марелла пыталась напакостить мне этим письмом. Я ни разу не причинила ей ни малейшего зла!

Я улыбаюсь.

— Что ж, дорогая моя, попытайтесь представить себе бабенку, воображающую, будто другая может ее заложить. И как же она поступает? Ясное дело, старается опередить возможную доносчицу... Уловили?

— Но... но... вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что Марелла почему-то сочла, будто вы в курсе ее махинаций. Вот я попыталась вас нейтрализовать. Ладно, а теперь мне пора смыкаться. Но сначала дам вам несколько рекомендаций, впрочем, советую воспринять их как приказы. Сидите дома! Запрещаю вам высовывать на улицу даже кончик носа. У меня такое впечатление, что в ближайшие несколько дней вам в этом чертовом городишке будет небезопасно. Как только вернусь — дам знать.

— Вы уезжаете, Лемми? — спрашивает она. — И далеко?

— Может, да, может, нет, — говорю. — Но мы еще свидимся. Даже если в следующий раз мне придется презентовать вам пару браслетов из нержавеющей стали. А на сем — привет, Береника!

Она снова улыбается.

— Подождите. Дайте мне все-таки рассказать вам эту легенду о Голубом Драконе. По-моему...

— Милое мое дитя, я — парень жутко занятой и не знаю никаких голубых драконов, кроме тех, которые являются меня щекотать, когда малость пережму с бурбоном. Расскажите мне свою легенду в другой раз.

— Ох, уж эти мужчины! — фыркает она. — Как я их всех презираю!

Вместо ответа я ее обнимаю и доказываю, что по крайней мере на сей раз прекрасная дочь Неба солгала. Через некоторое время девушка высвобождается, слегка переводит дух и с нежной улыбкой шепчет мне на ухо:

— Вам должно быть стыдно, господин федеральный агент! Но, может, теперь вы позволите рассказать о Голубом Драконе?

Я беру шляпу.

— Потом, Береника. Мне надо работать.

И я смываюсь, оставив ее посреда комнаты.

Честное слово, эти девчонки просто чокнутые! Я гоняюсь за убийцей, а эта миллашка хочет, чтобы я тратил время на сказки о каких-то голубых драконах!

Что ж, такова жизнь!

11

Я прилетаю в Сан-Диего ровно в семь. Это настоящий матросский город. Много лет назад я тут изрядно помотался, распутывая одно дело, связанное с флотом. Начальник полиции — некий Китлин, отличный малый. Вот уж кто наверняка постарается мне помочь.

Беру номер в знакомом отеле, принимаю очень горячую ванну, просто чтоб шарики крутились быстрее, и топаю в управление. Китлин, конечно, на месте. При виде моей физиономии он испускает радостный вопль, и вскоре мы уже сидим в его излюбленном баре за бутылкой бурбона.

— Дело вот в чем, — говорю. — Получил я письмо от одной блондинки, для простоты назовем ее Лялькой. На письме стоял штампель Сан-Диего, думаю, моя девчушка тут, потому как у нее вряд ли бы хватило бабок, чтобы забраться подальше. Пожалуй даже, пришлось срочно подыскать работенку.

— А чем она занимается, Лемми? — спрашивает Китлин.

— Хрен ее знает, может, и есть у Ляльки какие-то особые таланты. Вообще-то она недурно скроена и раньше, кажется, была танцовщицей в какой-то дыре. Это одна из тех девиц, которые будто нарочно созданы на погибель матросам, так что если в порту есть даясинги, скорее всего, стоит поискать именно там. А нет, так придется прочесать кабаре, мелкие мюзик-холлы и театральные агентства.

— О'кей. Я пошлю своих ребят, и они раскинут такую сеть, сквозь которую даже инфузории не просочиться! Пошли, Лемми.

Китлин дает парням задание, а я возвращаюсь в гостиницу, падаю на кровать и погружаюсь в глубокие размышления.

Будит меня телефон. Это, естественно, Китлин.

— Твоя подружка найдена, Лемми! Один из моих мальчуганов ее быстро откопал, но мы, ясное дело, не подали виду.

Эта блондинка уже два дня работает в «Фоли» на углу Мейн-стрит и Харбор-плейс. Можешь сходить туда когда угодно.

Я благодарю и в одиннадцать часов иду в «Фоли». Обхожу здание и проникаю через служебный вход. Взглянув на мое удостоверение, старичок сторож тащится за режиссером. Потом я объясняю, что мне нужно. Похоже, парень не сильно удивлен. Наверняка он давно привык, что к его танцовщицам ходит самая разная публика.

Мы идем по длинному коридору и через минуту оказываемся за кулисами. Какая-то бабенка закончила номер, занавес падает, и за кулисами напротив я вижу пару колготок, а в колготках — кого бы вы думали? — Ляльку-блондинку!

— Привет, — говорю, — тебя-то я и искал.

Она смотрит на меня с такой тоской, будто давным-давно ожидала крушения всех своих надежд.

— Черт побери! Я вижу, мне так и не удалось сбить вас со следа... а я-то думала... Ну, и что дальше?

— Сейчас ты оденешься, моя красавица, получишь бабки, и мы пойдем перекусить и поболтать по душам.

— Ладно, — отвечает Лялька, но восторга в ее голосе я не чувствую.

Моя блондинка натягивает на себя тряпки и топает за бабками, а я не отстаю ни на шаг. Хозяин не очень-то жаждет выкладывать монету. Он утверждает, будто ничего не должен, потому как Лялька отваливает, но я живо объясняю, что одно дело уйти по собственному желанию и совсем другое — по приказу представителя власти. Тут есть внушительная разница. А потом ласково спрашиваю, очень ли он жаждет иметь расплюснутую физиономию. Ну, дядя тут же раскошелливается.

Мы с Лялькой настраиваем лыжи и заходим в кафе «Арбола». Девчонка молчит, словно воды в рот набрала. Усевшись за стол, она смотрит на меня с какой-то разочарованной улыбкой. Я уже говорил, что выглядит эта крошка неплохо, вот только вид у нее всегда уж очень заморенный.

— Ну вот, вы меня нашли, — вздыхает Лялька. — И что теперь со мной будет?

Я заказываю по большому кровяному бифштеку с разным гарниром. Потом моя куколка лихо расправляется с двойной порцией шотландского виски и немного оживает.

— Слушай, — говорю, — красотка, ты сейчас по уши в дерьме и сама это прекрасно знаешь. Как тебе оттуда выбраться? Загадка! Честно говоря, я бы не стал держать пари на твоё светлое будущее... Ты можешь схлопотать и два, и двадцать лет, и даже пожизненное заключение, а тс и кресло с подогревом... Все возможно, так что я не стал бы рисковать карманом. Попробуй понять, — тут я напускаю на себя особую суровость, — что все зависит

от тебя самой. Так что я бы на твоём месте сразу же начал все выкладывать.

— Знаю я ваши фокусы! Не вы первый пытаетесь взять меня на пушку. Но все же спасибо за бифштекс — он доставил мне большое удовольствие. В последнее время приходится пропускать то обед, то ужин гораздо чаще, чем хотелось бы.

Я передаю Ляльке горчицу, и она снова принимается за еду.

— Так что же вы все-таки хотите знать? — спрашивает через некоторое время моя красotka.

— Во-первых, чтобы ты мне сказала, давно ли ты знаешь о связи Мареллы с Руди Спиглой. Полгода или больше?

— Примерно полгода. А вы-то как об этом пронюхали?

Эта крошка еще задает мне вопросы! Поразительное нахальство! Впрочем, я согласен ответить — пусть поймет, что мне довольно много известно и так.

— Нелли, служанка Мареллы, частенько видела Руди на вилле. И, по всей видимости, он приходил совсем не к Торренсену, который почти не появлялся в загородном доме. К тому же Марелла каждый раз отправляла Нелли погулять и оставляла двери террасы открытыми, чтобы парень мог войти, не привлекая к себе внимания. И еще она отдала Руди свое кольцо с печатью. Я понял, что это подарок, потому что, по словам Нелли, Марелла отличалась редкой аккуратностью, держала вещи в определенных местах и никогда ничего не теряла. И, однако, она ни слова не сказала, когда кольцо исчезло. Хотя, по моему, просто дико, чтобы такая женщина, как Марелла, вгuryлась в подонка вроде Спиглы. Надо полагать, Руди обладает скрытыми талантами, разве не так, моя красавица? Этот тип несомненно нравится дамам, а Мареллу к тому же несколько подзабрoсил муж.

Лялька, не переставая жевать, кивает головой.

— И потом, — продолжаю я, — между Мареллой и Руди есть кое-что другое. Этот мерзавец познакомил несчастную с наркотиками. Она быстро пристрастилась к отраве, а Спигла стал поставщиком. Таким образом Марелла полностью оказалась в его лапах.

Блондинка хихикает.

— А вы, как я погляжу, сообразительный парень, Лемми. Можно мне задать вам вопрос? Как это вы догадались, что Руди таскал ей наркоту?

Я смеюсь.

— Сейчас поймешь, куколка. Я прогулялся в его логово и засек на стене портрет с такой надписью: «Руди, подарившему мне чудесный сон и волшебные грезы», или что-то в этом роде, не помню точно. Ну, тут уж несложно догадаться. Все эти «волшебные грезы» Руди устраивал с помощью наркотиков, а стало быть, с Мареллой он играл в ту же игру.

— Точно... и что вы еще обнаружили?

Я пристально смотрю на Ляльку,

— Насколько я понимаю, ты решила не раскальваться, пока я не выложу все карты?

Она снова кивает.

— Ни за что не стану садиться на электрический стул, пока меня на него не усадят, — поясняет моя подружка, — и выложу все только тогда, когда пойму, что у меня нет другого выхода.

Да, этой девчонке хладнокровие не занимать! Я по новой заказываю выпивку.

— Ладно, — говорю, — красotka. В таком разе я тебе живо докажу, что в твоих же интересах все рассказать, если хочешь спасти свою шкуру. И так, вот как было дело... Два-три месяца назад одна бабенка провела о связи Мареллы со Спиглой. И в голове у нее созрел такой хитрый план, что эта особа вообразила, будто Руди у нее в руках. Она знала, что парень, прикрываясь шелковой контрабандой, возит в Сан-Франциско наркоту, была в курсе и договора Руди с Торренсеном, который охотно ввязался в шелковую контрабанду, но о наркотах не подзревал. Кроме того, эта дама понимала: если Джек Рокка обнаружит, что его помощник Спигла ведет двойную игру, он мигом прикончит обманщика. Да говорю тебе, она чертовски здорово разобралась во всей этой истории! Каким-то образом выяснила даже, что Торренсену осточертела жена, что он собирается сменить в Лос-Анджелес и предлагает Марелле довольно выгодное для нее денежное соглашение. Надо думать, эта женщина тут же сообразила, что раз Руди так дружен с Мареллой, та наверняка в курсе торговли наркотиками. Ты слушаешь?

— Еще бы, продолжайте. Это так увлекательно!

— С удовольствием. Так вот, наша ловкая особа решает пошантажировать Руди и Мареллу. Пожалуй, даже собирается выжать из них все до капли. Но, несмотря ни на что, Руди ее немного пугает. Ясно же, что Спигла может ее прикончить, и глазом не моргнув. И тут нашу умницу осеняет гениальная мысль. Она пишет Руди письмо — надо тебе сказать, эта особа вообще обожает писать письма — и требует в назначенный день выложить монету, а иначе, мол, быстро узнает, почем фунт лиха. Однако, похоже, Руди не принял предупреждение всерьез. Тогда красotka принимается осуществлять свой хитроумный план: печатает на машинке еще одно письмо и отправляет его в Шанхай Беренике Ли Сэм, прося ее срочно вернуться и приехать на виллу Розалито десятого января между четырьмя и пятью часами. Потом на листке бумаги, помеченном грифом «вилла Розалито», она пишет другу письмо — на сей раз директору ФБР, обещает разоблачить какие-то махинации, просит направить к ней федерального агента, если не даст о себе знать до десятого числа, а потом подписывается «Марелла Торренсен». Здорово придумано, правда? Красotka рассчитывает, что Марелла получит ответ из

ФБР, перетрусит и помчится к Руди. Таким образом ей удастся нагнать на Спиглу страху. Она, конечно, ошмбается, но даже не подозревает, до какой степени. Короче, дурочка воображает, будто у нее в руках все козыри. И вот утром десятого числа она звонит Руди Спигле и говорит, что, если тот не хочет навлечь на себя кучу неприятностей, пусть немедленно выкладывает бабки... Милая крошка объясняет ему, что, мол, сегодня во второй половине дня на виллу Розалито придет агент ФБР и что туда же она пригласила Беренику Ли Сэм. Стало быть, Руди лучше добром отдать бабки, а не то сия предприимчивая особа тоже явится на виллу и выложит федералу все насчет контрабанды и торговли наркотиками, которую Руди ведет уже немало лет. Кроме того, она расскажет Беренике Ли Сэм, что Марелла — любовница Спиглы, что Торенсен в курсе, во слишком труслив и потому боится устроить скандал, а трус не достоин вести дела старого Ли Сэма. Итак, обрисовав картину, красотка спрашивает Руди, намерен ли тот платить или готов разбираться с федералами.

Я умолкаю и пристально смотрю на Ляльку. Она молчит.

— Во всяком случае, ясно одно, — продолжаю я, — Мареллу прикончила та самая бабенка, которая писала письма. По крайней мере, таково мое мнение, и я буду его отстаивать.

Лялька опускает нож и вилку.

— А есть у вас какие-нибудь догадки, кто бы это мог быть? — спрашивает она.

— Еще бы! Это ты, моя прелесть.

На губах моей блондинки мелькает загадочная улыбка.

— И вы можете это доказать?

— Ну, разумеется! Это ты послала мне рекламный проспект Оклахомы Джо, намекнув, что там прячется Джо Миллер. Джо опознал твой почерк. У меня также есть письмо директору ФБР, подписанное «Марелла Торенсен». Я сравнил и выяснил, что оба написаны одной рукой. Вероятно, если мне удастся разыскать пясульку, которую Береника Ли Сэм получила в Шанхае, то увижу там подпись, сделанную тем же почерком.

Она улыбается.

— Я бы здорово удивилась, найди вы это письмо!

Я с угрюбым видом нависаю над столом.

— А почему тебя бы это удивило? Не потому ли, что ты уничтожила его после смерти Мареллы? Ведь письмо-то было у нее! Береника оставила его на вилле.

Красотка кусает губы. Наверняка она сообразила, что ляпнула лишнее. А слово — не воробей. Теперь у моей Ляльки начинают по-настоящему дрожать поджилки.

— Послушай, куколка, — вкрадливо говорю я, — ну-ка, пораскинь мозгами! Чего ты ждешь? Сейчас самое время все выложить. Да, согласен, ты написала эти письма, но ведь сделала-то это ради кого-то

другого? И этот кто-то собирался прикарманить большую часть бабок. Разве не так? Неужто ты жаждешь, чтобы тебя загребли и судили за преступление, которого ты не совершала? Ведь виновата во всем другая!

— Кто же это?

— Как кто? Да Эффи, конечно! Эффи, которая тоже написала письмо Руди Спигле. Я нашел эту бумаженцию в его сейфе. Эффи обещала впредь оставить его в покое и горячо благодарила за кучу бабок.

Я наблюдаю за Лялькой, как кот за птицей, и понимаю, что попал в самую точку. Губы у нее дрожат, а в глазах сверкают молнии. Пожалуй, стоит еще разок рискнуть.

— Не везет тебе, моя рыбка! — говорю — Ты делаешь за Эффи всю грязную работу, а эта дрянь загребает монету, потом бросает тебя без единого цента и, более того, сообщает Руди, что это ты писала письма. После чего мерзавка сматывается, а на тебя обрушивается месья Спиглы. Он поручает тебя заботам Джо Миллера. И в результате тебе приходится удирать в Сан-Диего. Ну, девочка, нельзя же быть такой наивной! Выкладывай все и спасай свою шкуру!

Лялька смотрит на меня горящими от ярости глазами.

— Черт возьми, вы правы! Эта стерва Эффи смылась, взвалив все на меня. И это после того, что я для нее сделала! Ничего себе, благодарность! Что ж, ладно. Попробую подумать о себе, а если вы поймаете эту дрянь и отправите в кутузку, я скажу, что это только справедливо! Не в моих привычках кого-то закладывать, но зараза Эффи ничего другого не заслуживает.

Девушка залпом допивает виски и продолжает.

— О'кей, сдаюсь! Сейчас вы все узнаете про Эффи!

Я закуриваю и с самым небрежным видом спрашиваю:

— А кстати, как ее фамилия?

Она расплывается в широкой улыбке.

— Ее зовут Эффи Спигла. Убийца Мареллы — жена Руди.

Я выпрямляюсь. Ну, наконец-то в конце туннеля забрезжил свет! Я зову халдея и расплываюсь.

Лялька встает. Выглядит она довольно бледно. Надо думать, уже видит себя за решеткой, и эта картинка ее не особенно радует.

— Куда мы идем? — спрашивает моя подружка, когда мы выходим на улицу.

— Сейчас возьмем такси и заскочим в местный отдел ФБР. Наверняка там сидит какая-нибудь стенографистка, способная запечатлеть твою болтовню.

Мы быстро находим стенографистку, и моя подопечная принимается давать показания. Настоящий роман-фельетон! Чего тут только нет — и ее собственные художества, и приключения «стервы» Эффи.

По словам Джо Мидлера, Эффи вернулась на виллу и прикончила Мареллу из своего пистолетика двадцать второго калибра.

Все это опечатано в четырех экземплярах, прочитано и по всем правилам подписано Мэриэн Френцер. Вот как, оказывается, на самом деле зовут мою Ляльку!

12

ВЕЧЕР выдался ясный и морозный, правда, ветер малость холодноват, да я не мерзляка, вот что действительно терпеть не могу, так это мокредь.

Бренди и О'Халлоран сидят у меня в комнате в «Сэре Фрэнсисе Дрейке». Они уже покончили с бутылкой виски и явно думают, что самое время заказать новую. Но я делаю вид, будто не понимаю. Эти ребята, как никто, умеют уговорить килограмм любого крепчайшего пойла, но сейчас нам предстоит беседа совсем на другую тему.

— Как тебе удалось приволочь сюда эту красотку, Лемми?—спрашивает О'Халлоран. — По-моему, прежде чем посадить за решетку, ее стоило бы еще разок хорошенько встряхнуть. Честное слово, просто фантастический экземпляр! Судя по твоим рассказам, девчонка здорово в курсе всех дел.

— Вот как? — фыркает Бренди. — А по-моему, ты крепко переоцениваешь ее умственные способности. Но вот что и вправду выше моего понимания — как Лемми выдержал путешествие с ней из Сан-Диего! Ну и кобра! Слышал бы ты, как она вопила, когда усекала, что сейчас попадет под замок! Кажется, красотка воображала, будто ее поблагодарят, осыплют цветами и отпустят на все четыре стороны! Я прав, Лемми?

— Слушайте вы, умники, — говорю, — сделайте одолжение, прикройте на минутку пасть, и тогда мне, может, удастся связать хоть пару мыслей.

— Какого черта тебе опять ломать голову? — ворчит О'Халлоран. — Дело-то уже в шляпе! Разве ты не продемонстрировал всем свою супергениальность? Теперь ты — особый агент, разгадавший великую тайну Мареллы Торенсен. Остается только накатать в Федеральное бюро складный отчет с разоблачением гладкого Руди Спиглы, его подпольной торговли наркотиками и всего прочего. По-моему, они вполне могут назначить тебя адмиралом или вице-президентом. А тем временем нам с Бренди останется всего-навсего раззывать мерзавку Эффи Сигеру.

Терри раскуривает свою невероятно воющую трубку и продолжает:

— Интересно, как выглядит эта Эффи. Вдруг она прекрасна, как сирена? Да, хотел бы я изловить эту Эффи! Я бы надел на красотку браслеты, а она подчяла бы на меня полные слез глаза и проговорила:

«Терри О'Халлоран, вы — мужчина моей мечты. Ради вас я готова на все, и даже...»

— Угу, — смеется Бренди, — и тут ты просыпаешься и обнаруживаешь, что дрых, уткнувшись носом в досье... Нет, Эффи поймает человек тонкий и проникательный, вроде меня.

— Кончайте базар! — вмешиваюсь я. — Может, вы перестанете бредить и минутку послушаете? Скажи-ка, Бренди, когда после облавы ты забрал Руди, он знал, что в одном из его грузовиков найдены наркотики?

— Еще чего! Я вовсе не обязан с ним откровенничать.

— О'кей. И с тех пор как попал в камеру, он никого не видел? Даже адвоката?

— Нет, ни он, ни Рокка. Я разрешил обоим голубчиков по камерам, пожелал счастливо оставаться, и с той поры они беседуют исключительно с собственной совестью.

— Отлично. А теперь слушай меня внимательно. Коль скоро Руди не зябнет, что мы прибрали его грузовичок с товаром, что я подцепил Ляльку и она мне все выложила, то, значит, он пребывает в блаженном неведении. Что ж, вот что ты сделаешь. Отправляйся в тюрьму и выпусти Рокка. Пусть побегает на свободе.

— Что? — вопит Бренди. — Неужто ты хочешь отпустить этого негодяя после того, как мы с таким трудом упрятали его под замок?

— Делай, что тебе говорят, а не то выгоню. Быстро беги и отпусти Рокка. Скажи ему, что мы обыскали его заведение, потому что получили туфовую наколку, но ничего не нашли и приносим своя извинения. Ясно?

— Ясно, Лемми, но...

— Никаких «но». И не пытайтесь убедить меня, будто вы такие лопухи, что до сих пор не догадались о полной невинности Рокка в торговле наркотиками! Он даже не подозревал об этом. Так что отпустите его, как я приказал. А я подведу через часок — хочу малость поболтать с любезным другом Спиглой.

Они уходят. Я думаю, вы уже догадались, что я никогда не выкладываю приятелям всего, что знаю. Правильно. Зачем бы я стал это делать?

Я поднимаю трубку и прошу соединить меня с Вейл Даун Хаусом. К телефону подходит Береника.

— Как жизнь, принцесса? — спрашиваю я. — Вас еще не разорвали на кусочки?

— Спасибо, Лемми, у меня все прекрасно. Надеюсь, у вас тоже? Если вы свободны, может, приедете ужинать?

— Очень возможно, что в следующий раз, когда я к вам приеду, прихватю с собой набор стальных браслетов для всего семейства Ли Сэм. — смеюсь я. — Терпение, Береника, скоро увидимся.

Я вешаю трубку и принимаюсь бродить по комнате из угла в угол. В тишине хорошо думается. Я размышляю о том, какие замечательные показания выманил у

Ляльки и как они мне пригодятся. Но все же в этой истории есть два-три момента, которые мне никак не удается просечь до конца. И это здорово действует на нервы. Сейчас объясню, в чем дело.

Если Береника Ли Сэм поехала в Сан-Франциско к Торенсену в семь часов, после того как пообщалась с Мареллой, а от Торенсена отправилась домой выяснить у папашы насчет контрабанды, то она никак не могла приехать во второй раз на виллу раньше, чем без четверти девять. Это почти не вызывает сомнений, потому что я позвонил с виллы Терри, и он сообщил мне, что Береника только что вернулась домой. На дорогу ей понадобилось не меньше получаса.

Отлично. Идем дальше. Значит, я заявляюсь в девять. Письмо Мареллы Торенсен исчезло. По заявлению Береники, его забрала она.

О'кей. Получается, что Эффи Спигла примчалась на виллу в четверть девятого, успела поссориться с Мареллой и прикончить ее. Потом позвонила Руди, тот прислал за трупом Джо Мицлера, который отвоз бранные останки Мареллы в порт.

Ну, теперь вам ясно, что жизнь иногда кажется престранной штукой! Пять человек бегают по вилле Розалито друг за другом, но так и не сталкиваются. Забавно, правда?

Теперь вы представляете себе положение? А сейчас сядьте поудобнее, чтобы ненароком не свалиться со стула, потому как дальше все еще больше усложняется.

Итак, Кауши в первый раз приезжает на виллу Розалито в четыре часа. Через несколько минут он уходит, и тут у дома останавливается машина Береники. Эта последняя долго разговаривает с Мареллой, потом возвращается в Сан-Франциско и в семь часов встречается с Торенсеном.

Торенсен звонил на виллу, но никто не берет трубку, потому что, по словам Береники, телефон отключен. Береника расстается с Торенсеном, едет домой, болтает со старым мандарином, потом решает снова отправиться на виллу и выпытать у Мареллы правду.

Пока Береника разговаривает с папашей, Эффи Спигла приходит в квартиру Руди за бабками. Она сообщает, что собирается поехать к Марелле и научить ее, что говорить федеральному агенту (во всяком случае, так сказал Ляльке Джо Мицлер). Стало быть, встреча Эффи с Руди должна была произойти до девяти часов, ибо в девять Лемми Кауши вернулся на виллу.

Иначе получается, что разговор между супругами Спигла оказался неправдоподобно коротким.

Ладно. Значит, Эффи отваливает и едет на виллу, скорее всего, наняв машину. В результате она оказывается там почти одновременно с Лемми Каушном и Береникой Ли Сэм.

О'кей. Меж тем Марелла малость пораскинула мозгами и решила написать

письмо Эймару Торенсену. Потом оставила его на кухне возле чайника, чтобы напакостить Беренике, которая, по ее мнению, слишком много знает. Но каким образом Марелла выяснила, что именно известно Беренике? Тут уж я теряюсь в предположениях, потому как после отъезда Береники Марелла не видела ни души, правда, не исключено, что она звонила по телефону либо Руди, либо кому-то еще. Да, похоже, так и было.

Ладно. Итак, Марелла оставляет возле чайника письмо и тут как раз является Эффи. Бабы вцепляются друг другу в волосы. В конце концов Эффи вытаскивает пистолетик и — бац! — палит прямо в голову Мареллы. Тут Эффи, конечно, жутко пугается, звонит Руди, говорит, что натворила дел, ухлопав Мареллу, в те-перь рассчитывает, что муж поможет ей выпутаться из беды.

Руди посылает к ней Джо Мицлера. Джо подбирает хладный труп Мареллы и везет в порт.

Дальше, вероятно, приезжает Береника, забирает письмо и исчезает до появления Джо Мицлера. И, само собой, до Лемми Каушна, потому что, когда тот пришел на кухню, письма там уже не было.

Короче, Кауши, Эффи, Джо Мицлер и Береника Ли Сэм кружили вокруг виллы, чуть ли не наступая друг другу на ноги, но все же опережая друг друга на какие-то доли секунды. Если хотите знать мое мнение, довольно занятная картинка!

О'кей. Значит, Береника возвращается домой в четверть десятого. А Джо Мицлер успевает проверить дело и появиться в «Ту Мунс». Чуть позже Руди приказывает ему найти меня и накормить свиновой кашей. Что до Каушна, то он едет к себе в гостиницу в четверть десятого. Эффи Спигла успела вовремя смыться с виллы и шурует в Сан-Франциско. Там она отправляет Руди письмо, на котором указано время выемки — половина десятого. Покончив с этим делом, Эффи прыгает в поезд и делает нам всем ручкой. Весьма разумное решение, вы не находите?

Меня вполне удовлетворяет то, как я восстановил ход событий, и тем хуже, если вы не разделяете моего воодушевления. Потому что самое важное — совсем не в этом. Хотите, чтоб я вам расставил все точки над «i»? Пожалуйста!

Я думаю, Лялька вполне искренне все мне выложила в Сан-Диего. Но в таком случае надо выделить один момент, который кажется мне наиболее важным.

То, что Марелла написала письмо Эймару после первого появления Береники на вилле. Это письмо было написано «сияню южных морей», так ведь? Письмо Эффи, которое я нашел в сейфе Руди, то самое, в котором она благодарит своего благоверного за бабки и обещает впредь оставить его в покое, писано теми же чернилами. Может, конечно, это одно из тех совпадений, о каких пишут в газетах, но я лично в такие совпадения не верю.

Эффи вроде бы написала письмо после того, как получила хрустяшки и рассталась с Руди, когда она собиралась как можно скорее покинуть благословенный город Сан-Франциско, но, по моему, оба письма написаны в одном месте одной и той же ручкой. Замечательная загадка, правда?

Теперь я не сомневаюсь, что при хорошем раскладе доведу дело до конца. У меня даже наклевывается один план, но придется крупно рискнуть. Ладно, не впервой! А стало быть — за дело!

* * *

Руди сидит в углу камеры и смотрит на меня, посмеиваясь, довольный, как горилла, которой прописали банановую диету. Признаком, в определенной мере этот тип даже восхищает меня. Он хладнокровен, неглуп и предприимчив. Голова у Руди работает отменно, и он умеет этим пользоваться. Меня всегда удивляло, что такие сообразительные ребята нипочем не желают жить честно. Вечно их тянет на всякие бандитские штучки.

То же самое и с бабами. Если матушка природа создала ее уродливой, если у нее со всех сторон плоский и голос как у циркулярной пилы, можете спорить на что угодно — эта несчастная станет гордостью общества, никогда не свернет с прямой дороги, ее будут ставить в пример все благодетельные общества, и она откажется от всех плотских наслаждений, кроме одного — подглядывать в замочную скважину, как какая-нибудь горничная милуется с почтальоном.

Но если у девочки не личико, а мечта, клевое шасси, полный неги томный взор, шиколотки газели и вкус к красивым вещам, например брильянтам, норковым манто и прочим милым пустячкам, то можете прозакладывать последние штаны, что эта куколка — первостатейная стерва, которая будет отравлять существование окружающим до того самого дня, пока не явится в небесную кассу за парой крылышек тридцать восьмого размера.

За свою богатую приключениями жизнь я повидал немало всяких своеобразных экземпляров, но Руди и в самом деле нечто особое. Вид у него холодный, высокомерный и в то же время слегка мечтательный, так что бабы сходят с ума и тут же начинают спрашивать себя, как могли жить на свете до этой встречи, или же бегут к первому попавшемуся легавому и просят защитить от опасного господина.

Я предлагаю Руди сигарету, но он говорит, что предпочитает свои, вытаскивает суперплоский портсигар из золота с платиной и закуривает. По камере тут же распространяется запах гарема какого-нибудь турецкого паши.

— Вот что, Руди, — начинаю я, — не стану говорить, будто мы совершили чудовищную ошибку, и признаваясь, что

влип в скверную историю. Но ничего не напишешь — пожалуй, мы поступили немного легкомысленно и, похоже, ошиблись насчет вас с Джеком Роккой. Так что если будете вести себя разумно и играть по правилам, дело быстро уладится.

Спигла смотрит на меня. Улыбка становится еще шире. Я наблюдаю за ним и вижу, как в глазах вспыхивает огонек.

— Да? — говорит он. — И что же это значит?

— А вот что, Руди. Если я сунул нос в историю, то лишь потому, что Марелла Торенсен написала моему шефу, обещая рассказать о нарушениях федеральных законов здесь, на побережье. Но когда я приезжаю, намереваясь начать следствие, Мареллу Торенсен убивают. Поэтому, хотя ее убийство и не касается меня напрямую, я остаюсь на месте. Окружной прокурор просит меня взять на себя расследование обоих дел, однако на самом деле меня, как федерала, больше всего занимают нарушения федеральных законов. Между тем в ходе работы я обнаруживаю, что Марелла и не думала писать это письмо. Его сочинила совсем другая бабенка. Выясняю я и то, что другое письмо, то, которое было отправлено в Шанхай Беренике Ли Сэм, писала вовсе не Марелла, а та же самая бабенка. Так вот, вам, надо думать, будет интересно узнать, что эта любительница кропать письма сейчас сидит за решеткой. Речь идет о Мэриэн Френцер, блондинке, которую я называл Лялькой. Так вот, Ляльке хватило ума дать подробные показания.

Я вижу, что Руди нервно затягивается.

— Угу, и у меня такое впечатление, что красотка выложила всю правду. Эти показания доказывают или почти доказывают вашу невиновность, поскольку у меня есть все основания полагать, что сия молодая особа вас терпеть не может.

Я потихоньку наблюдаю за Руди. Парень прямо сгорает от желания спросить, что же мне выложила Лялька. Я не отрываю себе в удовольствии малость помариновать его и, когда напряжение достигает нужной точки, продолжаю:

— Что ж, Руди, могу пересказать вам то, что нам поведала блондинка: вы взяли ее на работу в «Ту Мунс», и она до смерти в вас влюбилась. Насколько я понял, по мнению этой особы, вы совершенно неотразимы. О'кей. Но вы не обращали на нее внимания, потому как слишком увлекались Мареллой Торенсен. Лялька естественно, пришла в ярость и начала искать, как бы напакостить вам обоим и отомстить за унижение. И вдруг наша Ляльчка обнаруживает контрабандную торговлю шелком, организованную Эймаром Торенсеном и, вероятно, старым Ли Сэмом. Теперь у нее появилась возможность нагадить. Для начала подруга пишет два письма: одно — моему шефу, второе — Беренике Ли Сэм. Таким образом она надеялась окончательно все запутать. Вот такие показания... Я готов заключить с вами соглашение. Мне известно, что вы

не имеете никакого отношения к убийству Мареллы — ее убили на вилле Розалито, а, по нашим сведениям, вы в те края не ездили. И вот у меня какое предложение. Мне эта история обрыдла, и я хочу как можно скорее закончить следствие. У меня есть кое-какие соображения насчет того, кто убил Мареллу Торенсен. Если хотите знать, по моему, это Лялька. Она ревнива, как тигрица, и мечтала избавиться от соперницы. Но все это меня не касается. Пусть с ней разбирается местная полиция. Я хочу просто-напросто составить отчет о нарушении федеральных законов и отвалить к себе в Вашингтон. Если вы согласитесь дать письменные показания и признать, что вместе с Торенсеном организовали подпольный ввоз шелка (участвовал ли в этом деле старый Ли Сэм, меня совершенно не волнует), так вот, коль вы мне все это изложите, я тут же прикажу вас выпустить. Иными словами, согласитесь подписать такие показания — и вы свободны, как ветер. Вам ничто не грозит, кроме гнева таможенных властей. Вероятно, придется заплатить изрядный штраф, но, насколько я знаю, Торенсен и Ли Сэм вполне платежеспособны. Ну как, договорились?

Спигла пускает два-три колечка дыма.

— Право же, — говорит он, — какой смысл упираться? Все козыри у вас, Каушн. Мы с Торенсеном занимались контрабандой шелка, и вам об этом известно. Так лучше уж признаться, правда? Давайте, записывайте показания.

— О'кей.

Я достаю из кармана большой блокнот, усаживаюсь на койку, и Спигла принимается подробно рассказывать, как они с Торенсеном с благословения старого Ли Сэма тихонько провозили куски шелка. Когда он умолкает, я протягиваю ему блокнот.

— Подмахните, Руди, и поставьте число. Только пишите своей ручкой, если она у вас с собой, а то в моей чернила кончились.

Спигла внимательно читает показания, вытаскивает из кармана ручку и ставит автограф. Потом он возвращает мне блокнот, и я вижу, что он рисовался «синью южных морей». Я ласково улыбаюсь.

— Отлично, Руди, в добрый час. Теперь сидите и ждите. Я схожу к начальнику участка Бренди, и через полчаса он вас выпустит отсюда.

— Большое спасибо, Каушн. Сначала мне не особенно нравилась ваша физиономия, но в конечном счете вы оказались не таким уж гадом. У вас есть здравый смысл, и следствие вы, несомненно, провели на уровне. Не могу ничего утверждать определенно, но я мне тоже кажется, что убийство совершила эта Мэриен.

— Вот-вот, ну что ж, Руди, до скорого!

Я выхожу из камеры, и надзиратель запирает дверь. Теперь надо зайти в кабинет Бренди.

— Слушай, приятель, делай, как я скажу, только не задавай вопросов. Сейчас девять часов. В половине десятого ты выпустишь Руди Спиглу. Скажешь, что его задержали как свидетеля по делу Мареллы Торенсен, но теперь нам известно, что он тут ни при чем. Скажешь еще, что ребята из таможи возбудят против него дело из-за шелковой контрабанды, и попроси еще разок заглянуть к тебе через пару-тройку дней.

Я показываю Бренди блокнот и продолжаю:

— Так. А когда парень выйдет отсюда, не теряйте его из виду. Правда, я, кажется, знаю, куда он поедет. Отправь кого-нибудь парня порасторопнее в «Ту Мунс» на случай, если Руди туда заглянет. Еще одного, не менее шустрого малого пошли в Бурлингем — может, Руди вздумается побывать на вилле Розалито. Но вообще-то не думаю, чтобы он туда сунулся. Скорее всего, наш голубок поедет к себе домой. Ему надо проверить, нашел ли я письмо Эффи в сейфе. Так что я отправлюсь туда и буду караулить в окрестностях. Ты все понял?

Бренди вздыхает. По моему, я вам уже говорил, что он ужасный тугодум.

— Ладно, Лемми, понял. Решения принимаешь ты. Стало быть, я отправлю двоих ребят куда велено, скажу Спигле все, что ты хотел, и выпровожу его в половине десятого.

— Браво, сокровище! Получишь медаль. До скорого.

И я сматываюсь.

* * *

Я прячусь в темном уголке напротив дома Руди. Без двадцати пяти десять. Через несколько минут у дома останавливается тачка, и из нее вылезает мой дружок Спигла. Как только он входит в дом, я бегу за угол и подзываю парня, который сидит за рулем моей машины.

— Порядок, — говорю, — можете идти.

Я сажусь в машину и, не выключая мотора, жду. Не проходит и десяти минут, как Руди вытряхивается на улицу. Он сменил пальтишко и почистил перышки. Так... садится в машину, заводит мотор... Я тихонько трогаюсь следом. Так мы кадим минут пятнадцать. В какой-то момент мне показалось, что он собирается ехать на виллу Розалито, но — нет: Спигла останавливается возле маленькой гостиницы по дороге в Бурлингем. Подождав несколько минут, он снова начинает крутить баранку, очевидно, намереваясь поставить тачку в гараж на задворках.

Я спокойно выжидаю. Через несколько минут Руди появляется снова и входит в гостиницу. Оставляю машину у обочины и топаю следом. Это уютное, чистенькое заведение. В углу у конторки дремлет маленький старичок.

Я вытаскиваю удостоверение.

— Как зовут парня, который только что вошел сюда, и в каком он номере?

Старик смотрит в регистрационную книгу.

— Его зовут Кэрота, комната номер тридцать восемь. Хотите, я позову его к телефону?

— Большое спасибо, не надо. Я люблю делать друзьям приятные сюрпризы.

Я сажусь в лифт и поднимаюсь на третий этаж. Выйдя из кабины, жду, пока лифтер снова спустится вниз, потом вытаскиваю из кобуры люгер и приближаюсь к номеру 38. Поворачиваю ручку двери... не заперто! Я толкаю дверь и вхожу.

Руди стоит посреди маленькой гостиной, примыкающей к спальне. Я вижу, он уже успел снять пальто. Вижу я и красотку, которая идет навстречу Руди. Он резко оборачивается.

— Ну, кретин, похоже, ты не только наживку заглотал, но и удочку! Советую последить за руками, а то как бы моя пушка случайно не выстрелила!

Я поворачиваюсь к красотке.

— Ну, — говорю, — Марелла, все в кайф? Все идет, как вы хотели?

Руди смотрит на меня. Морда у него здорово побледнела, аж до желтизны. Плечи поникли. Парень явно сообразил, что на сей раз крупно сел в лужу.

Красотка плюхается на диван у стены. На нее стоит посмотреть, несмотря на то, что эта дурища ухитрилась связаться с бандитом. Чувствуется, девочка привыкла к лучшему. Сейчас под глазами залегли глубокие синяки, а пальцы дрожат. Ясное дело, Марелла малость перебрала наркотики.

— Садись, Руди, потолкуем.

Он послушно опускается на стул. Я тихонько щекочу ему бока — надо ж взглянуть, что он таскает в карманах. Так и есть — на бедре маузер тридцать второго калибра. Я забираю пушку и сую в карман.

— Ну, пугало огородное, сам все выложишь или мне за тебя рассказывать?

Спигла все-таки берет себя в руки и улыбается.

— Угу, теперь я, кажется, начинаю понимать, что вы за фрукт, Каушн. Вы страшно любите блефовать. Что ж, согласен, вы меня намотали по всем статьям... Вы, конечно, догадывались, что я приеду сюда, и покатили следом. Но зря вы думали, что я стану колотиться. Тут вы точно просчитались.

— Вот уж это меня не колышет. Обвинения против тебя все равно уже собраны. Думай сам. Или ты открываешь пасть и избавляешь меня от необходимости снова рассказывать всю историю, или молчишь и слушаешь.

Я поворачиваюсь к красотке.

— Если хотите знать мое мнение, Марелла, с вашей стороны было просто безумием связываться с этим подонком. Честное слово, вы, должно быть, здорово стосковались по мужику, коли вцепились в такого трехгрошового бандита. У него даже мозгов нет.

— Эй вы, великий умник! — вмешивается Спигла. — Может, я все-таки имею право узнать, какие против меня обвинения? Знаете, даже вы не можете арестовать меня просто так, ни с того ни с сего.

В городе вы строили из себя супермена и кричали на каждом углу, что поймаете убийцу Мареллы Торенсен. Что ж, вот она, Марелла. Жива-здорова. Никто ее не убивал. Так в чем дело?

— Я никогда не говорил, что ты убил Мареллу, Руди, — вкрадчиво замечаю я. — Я обвиняю тебя в убийстве Эффи. Между прочим, я уже довольно давно поаял, в чем дело.

— Вот как, — бормочет он. — И кто дал вам наколку?

— Да ты же сам, придурок! Ты признался в этом, оставив в сейфе письмо Эффи. Непростительная глупость! И если б ты еще заставил ее писать обычными чернилами, то, может, и выпутался бы. Надо ж быть таким идиотом, чтоб дать Эффи свою собственную ручку! А ты еще повторил ошибку, когда Марелла писала записку Эймару Торенсен, чтобы внушить мне, будто у него роман с Береникой Ли Сэм. Хочешь знать мое мнение? Ты полный идиот, Руди!

Он пытается презрительно хмыкнуть.

— Наслаждаетесь своей пронизательностью, а, легавый?

— Болтай-болтай! Я даже готов изложить тебе всю историю, красавец, а уж потом сообразай до седьмого пота, как выбраться из дерьма!

Я закуриваю и ловлю на себе взгляд Мареллы. Надо угостить ее сигаретой. Бедняга явно в этом нуждается.

— Надо думать, сначала ты считал меня королем кретинов! Но при этом ты упустил из виду кое-какие мелочи. Мне сразу стало известно, что Марелла не ждала Беренику и ничего не поняла, получив телеграмму из ФБР. И я догадался, что она позвонила тебе и спросила, как быть. О'кей, тут все ясно. Тем временем ты уговорил Эффи подождать денег до половины шестого. Здорово ты всех помариновал, правда? По телефону ты велел Марелле оставить на кухне записку якобы для Нелли, чтобы федеральный агент не путался под ногами до девяти часов. Еще ты приказал Марелле под любым предлогом задержать как можно дольше Беренику Ли Сэм. Ты, правда, ничуть не опасался Береники, поскольку в любой момент мог скомпрометировать ее старика этой историей с контрабандой. И вот, сокровище, все это замечательно объясняет, почему телефон был снова включен, когда я вернулся на виллу: Марелла тебе звонила! И никто не брал трубку, когда звонил Торенсен, не потому, что телефон не работал, а потому что Марелла уже уехала к тебе в Сан-Франциско. Она хотела, чтоб ты объяснил ей кое-какие загадки. Собираясь тебя шантажировать, Эффи разработала неплохой план, но оказалась слишком глупа, чтоб довести дело до конца и спасти свою шкуру. Бедняга имела глупость признаться тебе, что письма писало третье лицо. Тут у меня ни малейших сомнений. Эффи сказала это, как только получила деньги. В тот момент она чувствовала себя в полной безопасности и

поэтому объяснила, что Марелле проще простого отделаться от федерального агента, сказав, что она не писала никакого письма, что это не ее почерк и вообще все это ерунда. То же и с письмом Беренике.

Руди, не отрываясь, смотрит на меня. Кажется, он сильно встревожен.

— Сейчас объясню, как ты все подстроил, погань такая! — продолжаю я. — Ты позвал Эффи домой якобы для того, чтобы вручить ей бабки. Думаю, ты даже собрал нужную сумму. Как только несчастная женщина пришла, ты начал разыгрывать перед ней целый спектакль: сделал вид, будто восхищаешься ее ловкостью, отдал бабки и объяснил, что для тебя это не слишком тяжелая жертва — все равно через денек-другой Торенсен выplatит Марелле кучу денег и ты наложишь на них лапу, а стало быть, можешь позволить себе проявить щедрость. И эта дуручка Эффи попала на крючок. Ты попросил ее научить вас избавиться от федерального агента и Береники Ли Сэм. И тут тоже она охотно согласилась.

Я глубоко затягиваюсь и снова принимаюсь работать языком.

— Ну вот, значит, ты запудриваешь бедняге мозги, а потом говоришь, что, мол, не жалеешь о деньгах, но вот Марелла может воспринять это иначе. Вдруг она рассердится или станет бояться, что этот шантаж никогда не кончится? И ты с самым невинным видом просишь Эффи написать коротенькое письмо с благодарностью за бабки и обещанием впредь оставить тебя в покое. По твоим словам, письмо нужно, чтобы успокоить Мареллу. Эффи выполняет просьбу, ставит на конверте адрес и отдает тебе. Теперь наконец можно отыграть! Ты вытаскиваешь из сумочки Эффи пистолетик двадцать второго калибра и отправляешь несчастную в лучший мир. Не удивлюсь, если прежде, чем убить, ты всласть покуражился.

Джо Мицлер, надо думать, уже ждал, и вы вместе припрятали труп в соседней комнате. Как только вы покончили с этим делом, в полной панике прилетела Марелла. Ей хотелось знать, что это за история с федеральным агентом и почему приехала Береника. Больше всего Мареллу пугает, что Береника как-то проведала о вашей идиллии. Ты принимаешься ее успокаивать, и вдруг тебя осеняет гениальная идея. Ты говоришь Марелле, что Береника напрочь отравит вам жизнь, начнет рассказывать всем и каждому о ваших шашнях, и предлагаешь написать письмо с обвинением мужа в любовной связи с самой Береникой, а потом смотаться на виллу и оставить письмо на кухне возле чайника, чтобы федерал сразу на него наткнулся. И ты снова, как последний осел, отдалживаешь ей ручку! А эта дуручка Марелла, по уши в тебя влюбленная, на все соглашается! В Сан-Франциско Эффи никто не знает и, следовательно, не станет разыскивать. Ты прикидываешь, что обе женщины примерно одного роста,

велишь Марелле раздеться и снять побрякушки, потом раздеваешь Эффи. Так они поменялись местами. Ладно, пошли дальше. Марелла мчится домой и оставляет мне письмо. Но я письма не нашел — до меня на вилле побывала Береника. А ты тем временем отправляешь Джо Миллера с приказом выбросить тело в порту у самого берега. Любопытных опасаться нечего — на улице такой туман, что хоть топором руби.

Я снова малость передыхаю.

— Стало быть, ты воображаешь, будто ловко обстригал дело и можно ни о чем не беспокоиться. Но скоро Марелла возвращается и показывает тебе отпечатанное на машинке письмо, которое Береника получила в Шанхае. Думаю, как раз в это время пришел и Джо Миллер. Он тут же узнал почерк. Это письмо подписано Мэриен, она же Лялька. Ты, конечно, сразу соображаешь, что она работала на пару с Эффи, но не уверен, сумеешь ли достаточно быстро заставить ее замолчать. Надо думать, в сумочке Эффи нашлось либо письмо, либо блокнот, короче, какая-то бумажка с адресом подружки. Ты отправляешь Джо в город и велишь разыскать блондинку. Он должен рассказать ей сказку, будто бы Эффи получила бабки и смыслась, предвзвительно выболтал тебе ее адрес. Еще одна счастливая мысль! Решительно, в тот день тебе крупно везло на идеи! Ты сечешь, что, если труп обнаружат, Лялька может набраться мужества и опознать Эффи, а поэтому приказываешь Джо позвонить в полицию порта. Таким образом, неприятных случайностей можно не опасаться. Легавые увезут тело в морг, а там по ночам дежурит только один сторож. И ты решаешь расплющить Эффи голову, чтобы ее точно никто не мог узнать, а Ляльке объясняешь, что, мол, Эффи прикончила Мареллу из пистолетика, который когда-то подарил ей ты, и теперь якобы боишься, как бы легавые не добрались до тебя. Стало быть, ты оставил блондинку караулить у морга, а сам проворачиваешь фокус с ледяной глыбой. Потом сажаешь Ляльку в «Шевроле» вместе с тремя убийцами, которым приказано убрать меня с дороги. Не то чтоб ты очень жаждал моей крови, но тебе безумно важно раз и навсегда скомпрометировать Ляльку и заручиться таким образом ее молчанием. Не исключено, что Джо Миллер предлагал прикончить и ее для ровного счета, но ты рассудил, что не время взваливать на себя второй труп. По твоим замыслам, у меня должно было сложиться впечатление, что инициатор покушения на меня и есть убийца Мареллы. А из письма, подброшенного специально для меня на виллу, наверняка сделал бы вывод, что самое веское основание прикончить Мареллу — у Береники Лн Сэм. Вот тут могу доставить тебе удовольствие — именно так я и думал, пока не обратил внимание на двести мелочи, которые и натолкнула меня на верный след.

Я смотрю на своих пленников. Оба молча слушают.

— Надо сказать, ты все-таки наделал глупостей, Руди. Во-первых, тебе следовало выкинуть к чертям кольцо Мареллы с печаткой. Найдя его, я сразу понял, что Марелла тебе его подарила. Но тебе, очевидно, надо было хранить его, пока не вытянешь из несчастной дурехи все бабки Торенсена. Вторая глупость — то, что ты держал в сейфе письмо Эффи. Скорее всего, ты приказал Джо бросить его в ящик, как будто это сделала сама Эффи перед тем, как сесть в поезд. Но мужчины, как правило, не хранят конвертов. Такие вещи просто выкидывают. Я немедленно усек, что ты просто готовил систему защиты на случай, если тебя заподозрят в убийстве Эффи. А самая фантастическая дурь — чернила! Лучше б тебе писать обычными, а не этой легко узнаваемой синькой! Но ты у нас малый утонченный, большой оригинал, а потому не желаешь писать чем попало. Тебе подавай индивидуализированное перо. Вот и влпн. Ну, Руди, что ты думаешь обо всей этой истории?

Он не отвечает, и я закурываю новую сигарету.

— Послушай, почему бы тебе не подписать признание, чтобы хоть Мареллу избавить от неприятностей? Эта злосчастная дурочка сделала в жизни только одну серьезную ошибку — влюбилась в такого подонка, как ты. Если ты дашь показания, у нее есть шанс выпутаться, уехать из города и, быть может, начать жизнь сначала. В любом случае, ты и так достаточно ей напакостил, надо ж как-то искупать вину.

Я гляжу на Мареллу. Она опускает голову и начинает жалобно всхлипывать.

— Минутку! — неожиданно говорит Руди и раздражается неприятным громким смехом. — Я вижу, вы пытаетесь взвалить на меня это убийство. Ну так вот: никого я не убивал. В жизни не делал Эффи ни малейшего зла. А кроме того, у меня тоже есть версия, и ничуть не менее убедительная, чем ваша.

— Выкладывай. Любопытно будет послушать.

Руди наклоняется поближе ко мне. В глазах его горит нехороший огонек. Наверняка родит сейчас очередную супергениальную идею!

— Все очень просто. Это Марелла прикончила Эффи на вилле Розалито, а потом велела Джо бросить труп в море. И показания Мэриен подтверждают, что я прав. Ну и как? Начинаете соображать, легаш-неудачник? Блондинка подтвердит мои показания, и любой суд меня оправдает.

Я смотрю на Мареллу. Она выпрямилась и изумленно таращит глаза на Руди. Надо думать, бедняга только что поняла, какому сукину сыну подарила свое сердце.

— Ты и в самом деле подонок из подонков! — бросаю я Руди. — Значит, ты хочешь выпутаться, утопив несчастную,

у которой хватило глупости в тебя влюбиться?

Он хохочет.

— Такова моя версия. И, по-моему, она неплоха.

Я не отвечаю, а лихорадочно соображаю, как быть. И если вы последуете моему примеру, то быстро убедитесь, что этот негодяй вовсе не глуп. В принципе Лялька — свидетель обвинения, но ее уверенность, будто Эффи в самом деле отравила на виллу и прикончила Мареллу, совершенно изменит положение. Я понимаю, что с ее помощью ловкий адвокат сумеет и вправду добиться оправдания Спиглы и погубить Мареллу. Никогда не знаешь, что взбредет в голову присяжным.

Я встаю.

— У вас есть бабки? — спрашиваю у Мареллы.

— Да.

— Собирайте вещи.

Она не спорит. Молча встает и бредет в соседнюю комнату. Через несколько минут возвращается уже в пальто и с маленьким чемоданчиком.

Я подхожу к бару и наливаю Марелле хорошую порцию виски. Она залпом осушает стакан.

— Уматывайте отсюда, Марелла, — советую я по-дружески, — удирайте из Сан-Франциско. Садитесь на первый же поезд. Может, у вас где-нибудь есть друзья? Тогда отправляйтесь к ним. Привет, куколка, даю вам шанс начать все заново.

Марелла потерянно смотрит на меня. Губы у нее дрожат.

— Спасибо, — бормочет бедняга и тихо исчезает.

Я пью виски, краем глаза наблюдая за Руди. Мой логер по-прежнему смотрит ему в грудь, и по всему видно, что парень малость сбит с толку.

— О'кей, Руди, — говорю, — значит, ты все еще жаждешь играть в гангстеров, так? Ты хочешь остаться стопроцентной сволочью и намерен уверять суд, что это Марелла прикончила Эффи? И рассчитываешь на показания Ляльки в подтверждение своей правоты? Думаешь вылезти из дерьма, утопив в нем Мареллу? А знаешь, по-моему, у тебя вполне могло бы выгореть это дело. Забавно, правда?

Руди начинает ржать.

— А почему бы нет? — наконец спрашивает он. — У меня масса шансов доказать, что я ни при чем!

Я ласково улыбаюсь.

— И не надейся, о подонок моего сердца! Значит, ты задумал устроить целый спектакль? О'кей, согласен, поиграем в гангстеров. Раз уж ты сам ищешь приключений себе на голову — к твоим услугам.

Я снимаю трубку, прошу соединить меня с «Ту Мунс Клабом» и позвать Джека Рокку. Дело, говорю, жутко срочное и важное. Потом прикрываю микрофон платком, чтоб Рокка не мог догадаться,

кто ему звонит. Через несколько минут он подходит к телефону.

— Послушай, Рокка, — лаю я хриплым, как наждак, голосом, — я — стрелок-профи и в последнее время горбатил на Спиглу. Так вот, повидал я скотов в своей жизни, но это какой-то чемпион по подлянкам. Сейчас сам убедишься. Пока мы тут с тобой треплемся, этот гад сидит с федералом, неким Каушном, в гостинице «Фо Стар» на дороге в Бурлингем. Да, так вот, Спигла вытряхивает этому федералу все, что может. Хочет спасти свою гнилую шкуру, взвалив на тебя все смертные грехи. Воображает, будто, чем больше он на тебя навьючивает, тем больше у него шансов выплыть самому. Сечешь? Так что ты собираешься делать? Этот Спигла заложит нас всех. Треплется так, что не остановишь. Вот я и подумал, может, ты сумеешь внушить ему, что молчание — золото?

— Спасибо, приятель. Мне и впрямь страшно хочется заколотить клюв этой птичке. А то еще чего доброго начнет каркать на свидетельской скамье — дерьма не оберешься. Кстати, ты-то кто такой?

— Свой, не волнуйся. Мое имя тебе ничего не скажет, но интересы у нас общие. Так что если бы парочка твоих ребят подкатили к гостинице, то через полчаса увидели бы, как оттуда выползает наш драгоценный Спигла. Между прочим, в окрестностях на редкость тихо и даже пустынно. Да и освещения почти никакого, так что бедняжка Спигла вполне может споткнуться в темноте и разбить морду. Представляешь картинку?

Я кладу трубку и смотрю на Руди. Парень взмок, как мышь.

— Ну, — говорю, — Руди, теперь мы малость посидим вместе в тишине и покое. Скоро мы услышим, как подъезжает машина и из нее вытряхивается мальчик Рокка. Тогда ты и пойдешь подышать свежим воздухом, а я, уж извини, не составлю тебе компанию — распрощаемся на пороге. Пожалуй, лучше переждать в укрытии, пока автоматы твоих приятелей не перестанут плеваться свинцом.

Я тихонько выхожу из гостиницы сразу после того, как мотоциклисты из дорожной полиции погрузили в фургон останки Спиглы. Надо сказать, что ребята Рокка не пожалели патронов! Я сажусь в тачку и спокойно еду до первой попавшейся открытой лавочки. А там прошу соединить меня с Вейл Даун Хаусом.

Трубку снимают почти сразу, и я узнаю волнующий голос очаровательной Береники.

— О Чудесная и Бездонная Река, — говорю, — я сейчас на дороге из Бурлингема. Пожалуй, сейчас у меня наконец-то есть свободная минутка, так что могу послушать вашу замечательную легенду о Голубом Драконе.

Она смеется. Будто жемчужинки катятся по бархату.

— Эту историю нельзя рассказывать по телефону, Лемми, иначе она потеряет большую часть своего очарования.

— Что ж, это было бы и в самом деле досадно. Может, я и заскочу к вам. До скорого, сокровище.

Я вешаю трубку, набираю номер полицейского управления и спрашиваю, на месте ли Бренди. Его подзывают.

— Слушай, Бренди, ты частенько сталкиваешься с китайцами и, наверное, должен знать кое-какие их легенды и сказки? Так вот, что это за история про Голубого Дракона?

— О, знаешь, Лемми, это очень старая сказка. Речь идет об одной китайяночке, жутко красивой и все такое. Отвергнутый влюбленный приковал ее к скале и сказал, что если она срочно не ответит ему взаимностью, то так и останется у скалы, а в полночь придет Голубой Дракон и сожрет ее. Крошка ничего не желает знать, парень отеаливает, а когда в полночь возвращается, то что же он видит? Его красотка вовсе не испугалась Голубого Дракона, и даже совсем напротив. Она надела чудовищу на шею гирлянду цветов и нежно почесывает ему спину. На финал Голубой Дракон стирает парня в порошок, и красотка ни в чем не отказывает своему избавителю... Но ты нашел время болтать о пустяках! Ты хоть в курсе насчет Спиглы? Гангстеры свели счеты, и нашего Рудя изрешетили вдоль и поперек! По-моему...

Но я вешаю трубку, прыгаю в тачку и изо всех сил жму на акселератор. Вскоре передо мной призывно мерцают огоньки Ноб Хилла.

Кем я только не бывал в жизни, но вот в роли Голубого Дракона выступить не приходилось! И уж коль скоро меня избрали драконом — надо держаться на высоте! Во всяком случае, попробуем...

АНОНС!

«Книга в журнале» в ближайших выпусках познакомит читателя с литературными новинками. Если вы выписываете или регулярно покупаете наш журнал, то вы сможете познакомиться с детективным романом АНАТОЛИЯ БЕЗУГЛОВА

«ТАЙНА ЯХТЫ «ЭЛЕГИЯ»

В нем — погони, перестрелки, загадочные происшествия — в общем, все, что и полагается для произведений подобного жанра.

Не публиковался в нашей стране и роман АГАТЫ КРИСТИ

«СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ»

Пересказывать его сюжет не будем, скажем лишь, что закручен он мастерски. Впрочем, Агата есть Агата...

Вы прочтете также и другие произведения советских и зарубежных авторов, если не забудете подписаться на наш журнал или купить его в киосках «Союзпечати».

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

НАДО ли объяснять, что хорошая общая физическая подготовка (ОФП) — основа развития функциональных физических качеств, необходимых для каждого вида спортивной деятельности, а именно: силы, ловкости, выносливости, гибкости, координации движений и т. д. Другое дело, что то или иное качество имеет преимущественное значение для определенных занятий. Например, для развития общей выносливости полезны циклические виды спорта — бег, плавание, лыжи, для развития силы — атлетическая гимнастика, тяжелая атлетика, для развития гибкости и ловкости — гимнастика и акробатика.

Предлагаемый план типового занятия по ОФП, безусловно, не универсален. Это — своеобразное подспорье для разработки каждой личной программы общей физической подготовки в непосредственной связи с тренировочным процессом по овладению искусством боевых единоборств.

ПЛАН ТИПОВОГО ЗАНЯТИЯ ПО ОФП

I. Подготовительная часть (разминка) — 10 минут.

- 1). Общеразвивающие упражнения.
- 2). Бег и беговые упражнения.
- 3). Упражнения на гибкость с малой амплитудой.

II. Основная часть — 60—70 минут.

- 1). Бег — 100 м (3 по 100 м) — 3 минуты. Перерыв — 7 минут.

- 2). Бег — 1000 м (3000 м) — 5—15 минут. Перерыв — 10 минут.

3). Упражнения на развитие общей силы (подтягивания на перекладине, отжимания в упоре лежа от пола, упражнения на развитие мышц брюшного пресса, упражнения на развитие динамической силы и т. д.) — 20 минут. Перерыв — 5 минут.

4). Упражнения на развитие ловкости и координации движений (на гимнастических брусьях, элементарная акробатика и вольные гимнастические упражнения) — 10 минут.

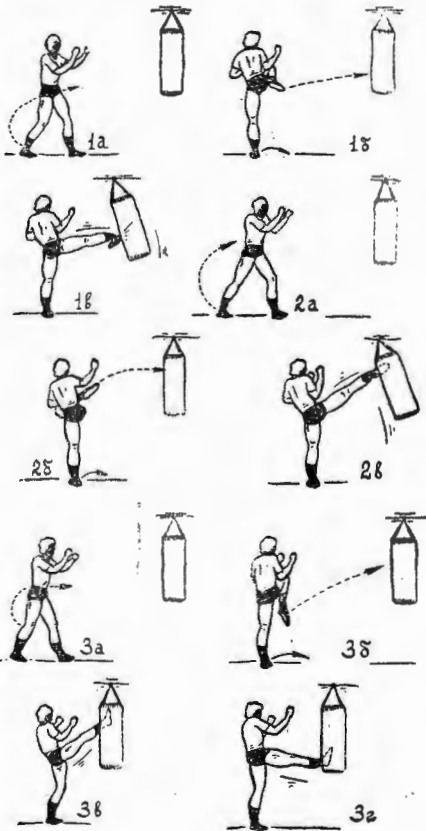
III. Заключительная часть — 10 минут.

1). Упражнения на развитие гибкости — 7 минут.

2). Упражнения на расслабление и восстановление дыхания — 3 минуты.

Всего — 80—90 минут.

Теперь займемся ударами ногами с поворотом, конкретнее — теми, которые относятся к приемам повышенной сложности и потому скорее рассчитаны на спортивный поединок, чем на реальную боевую ситуацию. Однако овладение ими позволит лучше изучить тактические возможности ударов ногами, которые, как показывает практика, наиболее неожиданны для противника. При условии своевременного их применения. Что значит своевременного? Только после подавления защиты противника, как правило, в конце серии эффективных ударов руками и ногами. Следует избе-

гать в поединке применения «сырых», неотработанных ударов — себе дорожке.

Основные требования к ударам ногами с поворотом — высокая скорость, точность, хорошее равновесие и, как я уже сказал, своевременность. Постарайтесь выполнять движения без напряжения, расслабленными ногами, акцентируя лишь конечную фазу удара. Помните, что голова и плечи начинают поворот первыми во избежание ударов наугад; для поддержания равновесия туловище в момент поворота держите прямо. После удара быстро поставьте ногу на пол в готовности продолжить атаку.

Удар ребром стопы с поворотом. Исходное положение — основная стойка (рис. 1а); 1 — толчком правой ноги повернуться на левой на 360 градусов по часовой стрелке и встать к противнику правым боком, согнутая в колене правая нога поднята (рис. 1б); 2 — выпрямить правую ногу и нанести удар ребром правой стопы на уровне корпуса — при необходимости с подскоком (рис. 1в).

Удар стопой с поворотом. Исходное положение — основная стойка (рис. 2а); 1 — толчком правой ноги повернуться на левой на 360 градусов по часовой стрелке и вынести вверх согнутую в колене правую

ногу, пятка на уровне колена (рис. 2б); 2 — выпрямляя ногу в колене, продолжить движение ею в том же направлении и нанести удар стопой на уровне головы (рис. 2в).

Удар внешней стороной стопы изнутри наружу с поворотом. Исходное положение — основная стойка (рис. 3а); 1 — толчком правой ноги повернуться на левой на 360 градусов по часовой стрелке и вынести вверх согнутую в колене правую ногу (рис. 3б); 2 — выпрямляя в колене правую ногу, нанести удар внешней стороной правой стопы изнутри наружу на уровне головы или корпуса — при необходимости с подскоком (рис. 3в, г).

Во всех описанных выше приемах поворот и удар выполняются слитно. Подскок, если он требуется, — в конечной фазе движения.

СЕЙЧАС рассмотрим более подробно технику выполнения упражнений, составляющую содержание тренировки по развитию специальной гибкости, в частности — гибкости суставов плечевого пояса, позвоночника и тазобедренных суставов. Здесь полезны упражнения на пассивное и активное растягивание. Итак.

I. Подготовительная часть (разминка).

1). Общеразвивающие упражнения:

— разминка мышц шеи (наклоны, повороты головы, вращательные движения головой);

— разминка лучезяпстных суставов;

— разминка локтевых суставов;

— разминка плечевых суставов (сведение и разведение прямых рук перед грудью, рывки и круговые движения руками);

— разминка поясницы (наклоны туловища вперед, в стороны, назад, круговые движения туловищем и бедрами);

— разминка коленных суставов (приседания).

2). Общеразвивающий бег, беговые упражнения:

— бег приставным шагом правым и левым боком;

— бег крестным шагом правым и левым боком;

— бег с высоким подниманием коленей;

— бег с захлестыванием голени назад;

— бег с вынесением прямых ног вперед.

II. Основная часть.

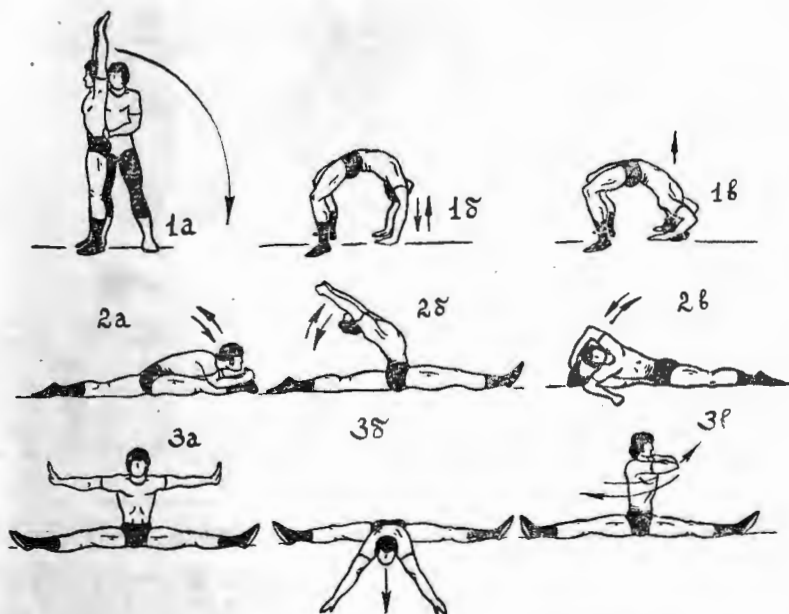
1). Упражнения на пассивное растягивание:

— наклоны к правой и левой ноге;

— наклоны к ноге вперед, в сторону, назад у опоры;

— упражнения на растягивание в выпадах;

— «мост». Исходное положение — стоя, ноги на ширине плеч, руки подняты вверх. Страхующий справа поддерживает левой рукой (рис. 1а); 1 — запрокидывая голову назад, прогнуться в пояснице и поставить руки на пол, руки выпрямлены в локтях

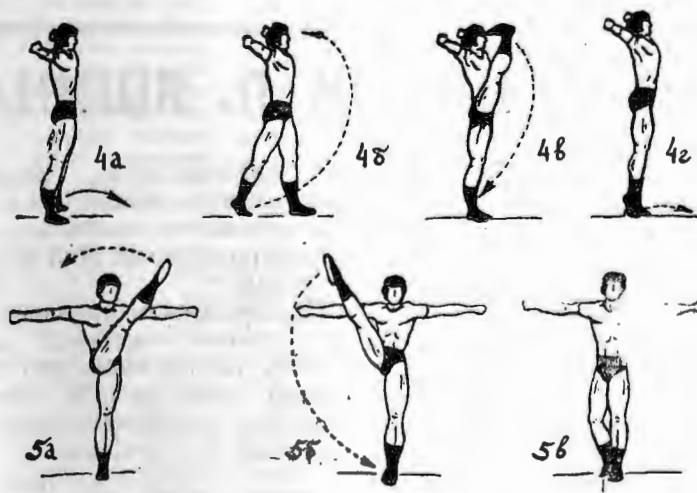
(рис. 1б); 2 — согнуть руки в локтях и коснуться головой пола (рис. 1в); 3 — выпрямить руки в локтях. Повторить 10—15 раз;

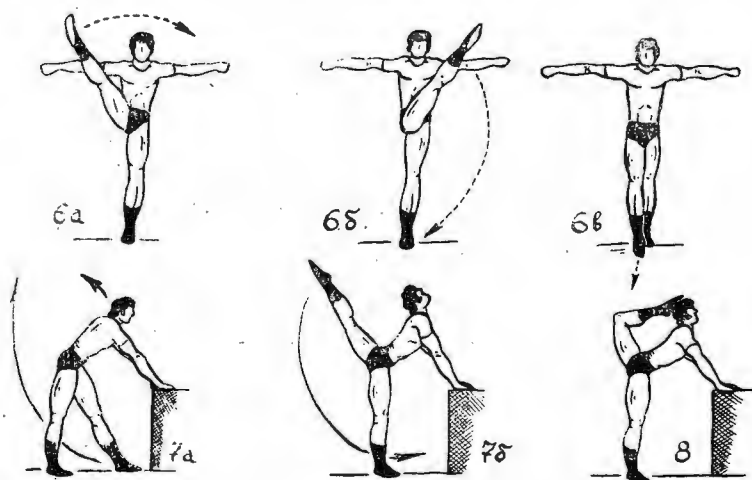
— «продольный шпагат». Исходное положение — продольный шпагат, носок левой ноги оттянут, ступня повернута подъемом вниз, носок правой ноги — на себя; 1 — взявшись двумя руками за стопу правой ноги, выполнить 10—15 наклонов к носку (рис. 2а); 2 — поднять руки вверх, прогнуться в пояснице и запрокинуть голову назад (рис. 2б); 3 — повернувшись боком к правой ноге, выполнить 10—15 наклонов в сторону и потянуться головой к носку (рис. 2в);

— «поперечный шпагат». Исходное положение — поперечный шпагат, руки в стороны (рис. 3а); 1 — положить руки на пол перед собой и потянуться грудью к полу, голова поднята (рис. 3б); 2 — выпрямившись, выполнить 10—15 поворотов туловища в правую и левую стороны (рис. 3в).

2). Упражнения на активное растягивание (махи ногами в движении и на месте):

— высокий прямой мах ногой в движении. Исходное положение — стоя, ноги вместе, руки в стороны (рис. 4а); 1 — шагом левой (рис. 4б) выполнить высокий мах правой, стараясь достать носком до головы, обе ноги выпрямлены в коленях, стопа опорной — прижата к полу, спина выпрям-

лена (рис. 4в); 2 — быстро опустить маховую ногу и поставить ее на носок возле опорной (рис. 4г); 3 — шагом правой выполнить мах левой. Продолжая упражнение, сделать 10—15 махов каждой ногой;

— **круговой мах изнутри наружу в движении.** Исходное положение — то же, что и в предыдущем упражнении; шагом левой выполнить круговой мах правой изнутри наружу, вынести прямую правую ногу к левому плечу (рис. 5а) и, переведя ее вправо через верх (рис. 5б), опустить к опорной (рис. 5в). Продолжая упражнение, сделать 10—15 махов каждой ногой;

— **круговой мах снаружи вовнутрь в движении.** Исходное положение — то же; шагом левой выполнить круговой мах правой ногой снаружи вовнутрь, вынести прямую ногу в сторону — вверх (рис. 6а), перевести ее к левому плечу (рис. 6б) и опустить вниз перед опорной (рис. 6в). Продолжая

упражнение, сделать 10—15 махов каждой ногой;

— **мах назад на месте у опоры.** Исходное положение — стоя лицом к опоре, одна нога впереди на носке, другая — сзади, руки на опоре (рис. 7а); выполнить мах впередстоящей ногой назад, носок оттянут, голова поднята (рис. 7б). Сделать 10—15 махов каждой ногой. Повторить серию со сгибанием ноги в колене в конечной фазе маха (рис. 8).

III. Заключительная часть.

1). Бой с тенью с преимущественным использованием ударов ногами (2 раунда по 3 минуты).

2). Упражнения на восстановление дыхания.

Следует постепенно увеличивать продолжительность каждой части занятия, доводя общее время до 90—120 минут.

Рис. Е. Гладкова.

ФОНД ИМЕНИ Л. ЯШИНА

Центральный совет «Динамо», промышленные предприятия, входящие в систему общества, учредили специальный фонд имени выдающегося советского спортсмена, Героя Социалистического Труда Льва Ивановича Яшина. Любители спорта знают и помнят прославленного вратаря сборной СССР как человека доброго, отзывчивого. Цель фонда, носящего его имя, — оказание моральной

и материальной поддержки спортсменам, попавшим в сложное положение, пропаганда принципов, по которым жил и трудился Яшин.

Председателем правления фонда избран народный депутат СССР, летчик-космонавт СССР, ректор Московского института геодезии, аэрофотосъемки и картографии В. П. Савиных.

Наш корр.

ПОРА В «ШКОЛУ»

С чего начинается собачья школа — дрессировка вашего питомца? Самый элементарный прием — приучение к кличке. Это первый шаг. И хотя он вряд ли чуждается в теоретическом обосновании, без него обучение щенка немислимо.

Лучше поговорим о подзыве, с которым, как показывает практика, у многих любителей собак дела не ладятся. Собираясь на прогулку со своим четвероногим приятелем, захватите его любимое лакомство (мясо, сыр, колбасу, сахар или печенье), предварительно мелко порезав на кусочки. Естественно, прогулка должна предшествовать кормлению. Подберите место поспокойнее, чтобы отвлекающие раздражители не мешали занятиям. Дайте собаке выгуляться. И только потом назовите ее кличку, покажите припасенное лакомство и громко, но спокойно подайте команду «Ко мне». Как только собака подбежит, погладьте ее, несколько раз ласково произнесите: «Хорошо, ко мне, хорошо» — и угостите чем-нибудь «вкусненьким». Повторяйте прием до тех пор, пока не иссякнет время прогулки, ваше терпение или любимая собакой пища. Но не переборщите.

И так — на каждой прогулке. Постепенно, по мере выработки у собаки рефлекса, дополните прием условным зрительным раздражителем — жестом: прямая левая рука, поднятая в сторону на уровень плеча и резко опущенная вниз к бедру. Команда и жест подаются одновременно. Естественно, что лакомство следует потихоньку исключать из упражнения, пользуясь при поощрении только

словесным одобрением и поглаживанием.

Предвижу вполне закономерный вопрос: а что если собака, не получив несколько раз подряд кусочек мяса или сахара, откажется подходить к хозяину по команде? Не скрою, возможен и такой вариант. Не расстраивайтесь, это поправимо. Прихватите тогда с собой на прогулку длинный поводок — 10—12 метров, пристегните его к ошейнику и отпустите собаку. Пусть поводок повсюду волочится за ней по земле. И подзывайте ее к себе лишь тогда, когда поводок окажется у ваших ног. Если команда останется невыполненной, плавно подтяните за него «забастовщика» к себе. Поощрив, отпустите опять, не забыв, кстати, подать команду «Гуляй». При подзыве собаки чередуйте совмещенную с жестом команду и раздельную. И ни в коем случае не наказывайте ее за какую-либо постороннюю, попутную провинность, если она подошла к вам по команде или жесту.

Теперь о том, как приучить собаку ходить рядом с вами. Выберите ровный участок местности, возьмите собаку на короткий поводок, конец которого зафиксируйте петлей на запястье правой руки.левой рукой перехватите поводок

в метре от карабина и начинайте движение шагом. Сначала — по прямой. Поводок держите свободно, не прощая любые ошибки собаки, то забегающей вперед, то отстающей, то уходящей в сторону. Наконец, после очередного ее маневра громко и внятно подайте команду «Рядом», одновременно сильно сделав рывок поводком. Повторяю: не подтянув собаку к себе, а резко дернув за поводок — суть упражнения в болевом ощущении. Как только собака вновь пойдет рядом с вами, погладьте ее на ходу и ласково произнесите: «Хорошо, рядом, хорошо».

Повторите прием несколько раз, после чего отстегните поводок и отпустите собаку. Как и при отработке подзыва, постепенно дополните упражнения жестом — хлопыванием себя левой рукой по внешней стороне бедра. Сначала подавайте его одновременно с командой, после усвоения — раздельно. Рефлекс постоянно совершенствуйте, для чего меняйте темп ходьбы, направление. И занимайтесь при любой погоде, на различной местности, при разнообразных отвлекающих раздражителях.

И учтите: во-первых, команда или жест должны опережать рывок поводком, во-вторых, после невыполнения команды или жеста должен незамедлительно следовать рывок, а не повторная команда, и в-третьих, на слабый рывок поводком рефлекс не вырабатывается. Успехов!

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления командующего внутренними войсками.

НАПАДЕНИЕ

В то утро я вышел на охоту без собаки. Малики жирующих русаков обнаружил сразу в бурьянах за огородами степной деревни, куда приехал в отпуск к фронтовому другу. Отыскав след, ведущий на лежку, начал тропить, но неудачно. Заяц поднялся незамеченным. С другим получилось так же, как с первым. Окончательно убедившись, что сегодня, в туманную погоду, зайцы на выстрел не подпустят, решил попытаться счастье, преследуя косога по следу от лежки. Может быть, удастся взять скрадом в овраге. В прошлом это мне иногда удавалось.

Пройдя около километра, увидел преследуемого русака, не спеша перебежавшего из одного оврага в другой. Расстояние было предельное. После выстрела из левого ствола крупная дробь заяц высоко подпрыгнул и кинулся в

сторону. В правом стволе была мелкая дробь, и я стрелять не стал.

Перебравшись на другую сторону оврага, обнаружил на снегу заячью шерсть и неподалеку капли крови. Во всех случаях стараюсь, чтобы подранки были моими трофеями, а не добычей хищников. Поэтому двинулся добирать.

Пройдя по следу метров триста, вдруг увидел редкостную картину. По оврагу удирал заяц. А на него нападал ястреб-тетеревятник. На ястреба же налетали четыре вороны. Буквально через несколько мгновений все участники этой баталии скрылись в излучине оврага.

Едва приблизился к тому месту, где скрылись заяц и птицы, как с противоположной стороны оврага выскочил русак и большими прыжками устремился через поле к лесозащитной полосе. Какой молодец, подумал

я, сумел перехитрить хищника. Видно, моя дробь легко его задела.

Пройдя еще немного вперед, чтобы заглянуть в излучину, я оторопел. В трех десятках метров на дне оврага бился заяц, а на нем, распластав крылья сидел ястреб. Невдалеке изваяниями застыли вороны, видно, ждали конца схватки, чтобы урвать что-нибудь для себя. Такого за весь, более чем пятидесятилетний стаж охоты наблюдать не приходилось.

Заметив меня, ястреб бросил русака и стал набирать высоту. Следом поднялись вороны и вновь с громкими криками принялись преследовать своего заклятого врага. А зайчишка уже не встал. Силы покидали его. Да, это был тот самый русак, которого я ранил.

Полковник в отставке
В. ЖУКОВ.

ПОМОГЛИ ПЕРНАТЫЕ

На одном из подмосковных водоемов, просверлив несколько лунок, расселись на глубине в ожидании клева. Но он начисто отсутствовал. Решили сменить место, а в старых лунках расставить жерлицы на щук. Едва покинули стоянку, как на нее слетелось воронье.

От бережка, под которым мы собрались ловить окушков, плотвиц, до жерлиц расстояние оказалось приличным, и поэтому их почти не было видно. Как быть! И тут наше внимание привлекло необычное поведение пернатых. Они то резко, с громким карканьем поднимались на верхушки деревьев, то снова слетались на лед. Как будто их

кто-то пугал. Когда подошли к жерлицам, то обнаружили три «горящих». К сожалению, на них ничего не попало. Но наша догадка подтвердилась: после поклевки флажки отпугивали пернатых.

Теперь, возвратившись обратно, внимательно наблюдали за поведением птиц. Как только они с шумом поднялись со льда, мы побежали к «сыгравшему» флажку и извлекли из-под льда пятнистую хищницу.

Прапорщик В. КИСЛЯКОЗ.

Наша анкета

Уважаемые читатели!

В прошлом году журнал «На боевом посту» поступил в свободную продажу и таким образом стал доступен широкой читательской аудитории. К тому же журнал получил статус общественно-политического и литературно-художественного издания. Редакция просит вас высказать свои предложения относительно основных направлений своей работы, характера рубрик и публикаций, ваше видение журнала в новом качестве. При заполнении анкеты выберите из предложенных вариантов тот, который наиболее соответствует вашему мнению, и

аккуратно, не перечеркивая цифры, обведите кружком число рядом с ответом. Если у вас есть другое мнение, то запишите его в специально отведенном месте. Редакция максимально заинтересована учесть пожелания своих читателей при определении издательской стратегии журнала. Для этого просим вас заполнить анкету, вырезать ее и выслать в редакцию журнала «На боевом посту».

Мы будем благодарны всем, кто откликнется на нашу просьбу.

I. Ниже перечислены проблемно-тематические направления, рубрики, которые редакция планирует использовать в журнале. Выберите те из них, которые заслуживают, на ваш взгляд, внимания:

01. — Войска: проблемы, события, люди.
02. — На перекрестке мнений.
03. — Актуальное интервью.
04. — В особом районе.
05. — Из истории внутренних войск.
06. — Письма читателей.
07. — Культура, быт.
08. — Молодежный клуб «Пульс».
09. — Журналист исследует проблему.
10. — Проза, поэзия.
11. — Спортивная жизнь.
12. — Спрашивайте — отвечаем.
13. — Наша анкета.
14. — Клуб знакомств.
15. — Калейдоскоп интересов.
16. — Другие рубрики (напишите, какие)

II. Назовите самые значительные, с вашей точки зрения, материалы, отражающие проблемы внутренних войск (2—3 названия публикаций)

III. Укажите ваш источник получения журнала:

17. — Являюсь подписчиком.
18. — Беру в библиотеке.
19. — Беру у товарищей, знакомых.
20. — Покупаю в киоске.

IV. Собираетесь ли вы остаться читателем журнала в будущем году:

21. — Да.
22. — Нет.

V. И в конце несколько вопросов о вас: Ваш возраст (укажите, пожалуйста, число исполнившихся вам лет) Какое у вас образование:

23. — Неполное среднее.
24. — Среднее специальное.
25. — Незаконченное высшее.
26. — Высшее.

Ваш пол:

27. — Мужской.
28. — Женский.

Род ваших занятий:

29. — Рабочий.
30. — Работник агропромышленного комплекса.
31. — Учащийся.
32. — Работник науки, преподаватель вуза.
33. — Творческий работник.
34. — Работник сферы культуры.
35. — Военнослужащий.
36. — Пенсионер.

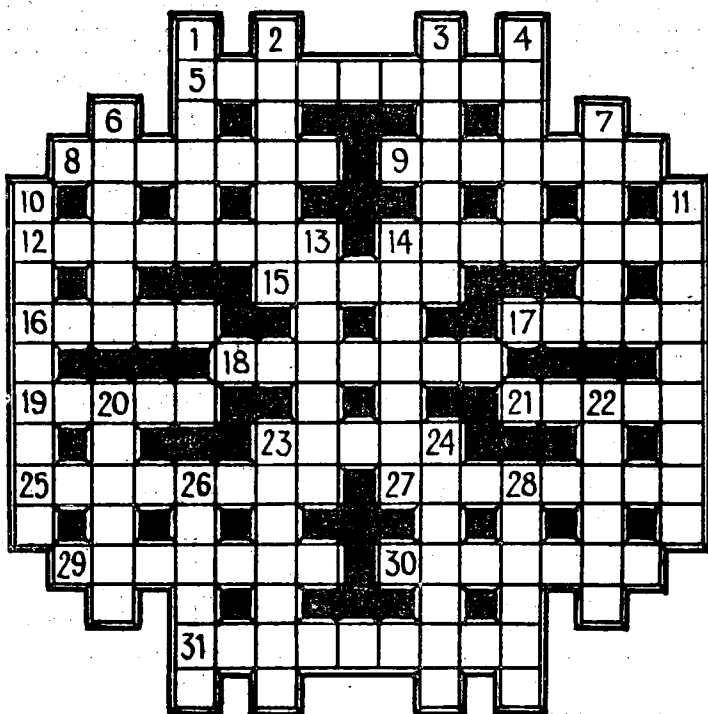
Благодарим вас за продуманные ответы на вопросы.

Всего вам доброго!

Составил А. ТЕРЕХОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Первичное тактическое воинское подразделение. 8. Брус, выступающий вперед с носа корабля. 9. Военный корабль с крупной артиллерией для действий против береговых объектов. 12. Летательный аппарат легче воздуха. 14. Начальник воинской части. 15. Советский кинорежиссер, снимавший фильмы «Александр Пархоменко», «Рядовой Александр Матросов». 16. Вооруженные выступления шляхты против королевской власти в Речи Посполитой в XVI—XVIII вв. 17. Народный артист СССР, снимавшийся в фильме «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918». 18. Поселок, возле которого расположен один из столичных аэродромов. 19. Выступ в носовой части судна, служивший в древности для нанесения ударов судам противника. 21. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 23. Космонавт США. 25. Один из видов увольнения с действительной военной службы. 27. Прибор для определения плотности жидкости. 29. Лыж-

ная гонка со стрельбой из винтовки на определенных рубежах. 30. Город в Чехословакии. 31. Механизм в танке для соединения или разъединения двигателя с трансмиссией.

По вертикали: 1. Крупное войсковое соединение. 2. Воинское звание в ВМФ. 3. Видный советский авиаконструктор. 4. Эластичный материал, получаемый путем вулканизации каучука. 6. Жилое помещение для судовой команды на корабле. 7. Пограничный или заградительный отряд. 10. Русский генерал, участник походов А. В. Суворова, герой Отечественной войны 1812 г. 11. Судно военного флота для перевозки грузов, людей. 13. Двубортная форменная куртка. 14. Отряд войска, десятая часть легиона в древнем Риме. 20. Советская республика. 22. Специалист спортивной команды. 23. Перелетная птица. 24. Сооружение для зрителей на стадионе. 26. Исполнитель произведений искусства. 28. Город в Карелии.

фирма
ЛАРИНА СЕРВИС

■ мы **ПОВЫШАЕМ** квалификацию работников по проблемам внешнеэкономической деятельности, международного маркетинга и рекламы. Например, это проведение масштабных всесоюзных и международных конференций по проблемам внешнеэкономической деятельности. С нашей помощью вы сможете участвовать в работе школ бизнеса в Москве, Варшаве и Мюнхене;

■ мы **ОБОБЩАЕМ И РАСПРОСТРАНЯЕМ** передовой опыт в сфере экономики, управления, а также информацию по научно-техническим достижениям, новой технике и технологии. В нашем активе — подготовка комплекта нормативно-методического материала; научно-технических разработок, а также экспертиза подготовленной документации;

■ мы **ВОЗЬМЕМ НА СЕБЯ** все проблемы по организации и проведению всесоюзных и международных мероприятий (конференций, семинаров, школ управления, школ бизнеса, симпозиумов);

■ мы **РЕАЛИЗУЕМ** зарубежные стажировки руководящих работников советских организаций в Польше и Германии (по международному маркетингу, рекламе, малому бизнесу);

■ мы **ПРИГЛАШАЕМ СПЕЦИАЛИСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ЗНАНИЙ** для совместной реализации их идей и разработок!

**Тел. 241-72-38
208-42-08**

**СССР
103064 Москва
а/я 356**

**Приглашаем вас
к сотрудничеству!**

На боевом посту

БП

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ВЫ ЛЮБИТЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ, ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ! ТОГДА ВОЗЬМИТЕ СЕБЕ НА ЗАМЕТКУ, ЧТО ИМЕННО НАШ ЖУРНАЛ ПЕРВЫМ В СТРАНЕ ПОЗНАКОМИТ ВАС С РОМАНОМ АГАТЫ КРИСТИ «УБИЙСТВО НА РАССВЕТЕ», С НЕПРЕДСКАЗУЕМОМИ ПОСТУПКАМИ ГЕРОЕВ РОМАНА ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА «ЗАПИШИТЕ НА МОЙ СЧЕТ».

О БОРЬБЕ С ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МАФИЕЙ ПОВЕСТУЕТ НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ АНАТОЛИЯ БЕЗУГЛОВА «ТАЙНА ЯХТЫ «ЭЛЕГИЯ»...

КРОМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЫ НАЙДЕТЕ В ЖУРНАЛЕ НЕМАЛО МАТЕРИАЛОВ, РАССКАЗЫВАЮЩИХ О «ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ» И ПРОБЛЕМАХ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД ВНУТРЕННИМИ ВОЙСКАМИ, О БУРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ И НАШЕЙ ПОЗИЦИИ В ПЕРЕСТРОЙКЕ...

**Наш индекс
72993**

Вам будет с чем соглашаться и о чем спорить, если вы выберете себе в собеседники журнал «На боевом посту»! Пока его можно приобрести лишь в киосках «Союзпечати», но с 1992 года его принесут вам и на дом. Сразу же, как начнется подписка, поспешите в ближайшее почтовое отделение!